JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA UNIVERSITETI

XALQARO MUNOSABATLAR

SIYOSAT, IQTISODIYOT, HUQUQ

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

2016/3
(№ 65)

BOSH MUHARRIR: A.A. DJUMANOV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

Sh.M. Abdullayev, A.A.Abduganiev, E.Aripov, M.M. Bahadirov,
A.O. Fayzullayev, B.A. Islamov, I.R. Mavlonov, N.A. Nugmanov,
B.B.Ochilov, M.M. Rahmankulov, Sh. Rahmanov, S.Tursunmuhamedov,
B. Tursunov, J.A.Vaxabov, M. Xamdamov, I.A. Xamedov, U.A. Xasanov

TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00
TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,
Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

Ushbu sonni tayyorlaganlar:

Muharrirlar: L.B. Xodanovich, M.X. Abdulxayrov, O.Sh. Talibov
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.
Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.
Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.
Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.

Перепечатка без разрешения УМЭД не допускается.
При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.
Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

Formati 70x100 1/16. Hajmi 8,4 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.
JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.

© Xalqaro munosabatlar/2016, №3.

МУНДАРИЖА

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
БОШ МУҲАРРИРДАН 5

I. УЗБЕКИСТАН В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
ЎЗБЕКИСТОН ДУНЁ САҲНИДА

И. Хамедов, Н. Кадирова
Некоторые вопросы совершенствования основ законодательства о международной деятельности Республики Узбекистан 7

II. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
МИНТАҚАВИЙ ВА ХАЛҚАРО ХАВФСИЗЛИК МУАММОЛАРИ

А.Умаров
Афганский кризис в международном научном дискурсе (конец XX – начало XXI в.) 25

III. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ХАЛҚАРО ТАДҚИҚОДЛАРНИНГ НАЗАРИЙ, УСЛУБИЙ ВА АМАЛИЙ МАСАЛАЛАРИ

Э.Арипов, З.Каримова
Развитие когнитивных способностей – ключевой фактор в подготовке высококвалифицированных аналитиков 45

Т.Абдуллаев
О состоянии центральноазиатских исследований в США 51

IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДЕГЛОБАЛИЗАЦИЯ: МНОГОФАКТОРНЫЙ ПОДХОД
ГЛОБАЛЛАШУВ ВА ДЕГЛОБАЛЛАШУВ: КЎП ОМИЛЛИ ЁНДАШУВ

У.Насыров, К.Кустов
Глобализация как противоречивый процесс: теоретико-методологические аспекты 63

Ж.Каршибаев
Некоторые аспекты дедолларизации экономики 75

V. ТРАЕКТОРИЯ ПЕРЕМЕН
ЎЗГАРИШЛАР ТРАЕКТОРИЯСИ

Б.Очилов
К эволюции геополитических подходов: историографические и методологические аспекты 83

VI. ТОЧКА ЗРЕНИЯ
НУҚТАИ НАЗАР

А.Сеитов
УМЭД в фарватере современных научных тенденций 90

Н.Сирожиддинов
Зона свободной торговли между СНГ и Узбекистаном: аргументы «за» и «против» 103

VII. ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ХОРИЖИЙ АДАБИЁТЛАР ДАЙЖЕСТИ

Н. Рахматуллаева
О докладе RAMSES «Перспективы» (аналитический обзор) 114

VIII. РЕЦЕНЗИЯ
ТАҚРИЗ

Ш. Шарифходжаев
Новые книги: И.Р. Мавланов. Экономическая дипломатия 121

IX. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
МЕТОДИК КАБИНЕТ 124

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели,

журнал *«Халқаро муносабатлар»/«Международные отношения»* является единственным отечественным изданием профильного характера. Резкое усложнение процессов международного и регионального развития ставит новые и сложные задачи перед редакционной коллегией. Свою основную миссию мы видим в стимулировании и структурировании научных исследований и дискуссий в контексте задач, поставленных в *Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан*. Данным номером журнала мы стремимся открыть новый этап в комплексных междисциплинарных исследованиях по важнейшим проблемам теории мировой политики и международных отношений, глобальной экономики и международного права, придав новую динамику научным разработкам в этой сфере в Узбекистане.

Мы глубоко убеждены в необходимости всесторонней поддержки отечественной школы международных исследований. На наш взгляд, она должна обладать академическими приоритетами и направленностью поиска, что обусловлено своеобразием национальных интересов Узбекистана и характеристиками современного положения нашей страны в мировой и региональной системах.

В сферу интересов журнала включены следующие темы:

международно-политический анализ и траектория стратегических перемен в мире;

вопросы мировой экономики и международного права, процессов глобализации и деглобализации;

исследование международных экономических отношений, торговли и инвестиций, а также тенденций международных финансовых рынков и институтов;

истории, современности и перспектив публичной и экономической дипломатии;

многофакторный анализ роли Узбекистана в современном мире;

проблемы международной и региональной безопасности в ее разнообразных измерениях;

вопросы теории, методологии и практики международных исследований;

философия и антропология международных отношений, политическая психология и внешнеполитическое поведение государств;

вопросы международной конфликтологии и переговорных процессов.

Редакционная коллегия не предполагает останавливаться на достигнутом, открыта для дискуссий, приглашает к обсуждению разных точек зрения и мнений, стремится публиковать наиболее интересные материалы, привлекающие внимание отечественного исследовательского сообщества к актуальным и малоизученным темам. Мы гарантируем прозрачность редакционной политики и требований, предъявляемых к поступающим рукописям. Полагаем, что за соблюдение прозрачности в равной степени несут ответственность авторы, читатели и все академическое сообщество.

Редакционная коллегия активно изучает и перенимает положительный опыт других ведущих зарубежных профильных журналов и издательств. Мы будем пристально следить за развитием практики публикаций академических изданий, пересматривая существующие правила и процедуры с тем, чтобы соответствовать ведущим мировым научным стандартам.

Редакционная коллегия будет глубоко благодарна читателям за внимание к журналу и поддержку нашей работы. Приглашаем к сотрудничеству наших постоянных авторов и тех, кто ранее не публиковался в журнале *«Халқаро муносабатлар»*.

И.Хамедов, Н.Кадирова

Некоторые вопросы совершенствования основ законодательства о международной деятельности Республики Узбекистан

С первых шагов по пути независимого развития Республика Узбекистан ведет работу по совершенствованию и гармонизации национального законодательства, исходя из собственной модели развития общества и государства и с учетом современных требований международного права. В Узбекистане сформирован всесторонне взвешенный, базирующийся на национальных интересах внешнеполитический курс, получивший широкое признание в мире и укрепивший авторитет страны в мировом сообществе.

Важнейшим шагом в развитии правовой базы международной деятельности, внешней политики Узбекистана стало принятие 10 сентября 2012 г. Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан[1].

В этом программном политико-правовом документе, определяющем, в частности, важнейшие направления совершенствования конституционно-правовых основ внешней политики, в качестве целевой задачи записано постоянное, системное совершенствование правового

[1] Утверждена Законом РУз № 330 от 10.09.2012 г.

И. Хамедов, *доктор юридических наук, профессор, руководитель Исследовательского центра при УМЭД, доктор юридических наук, профессор, руководитель Исследовательского центра при УМЭД,*

Н. Кадирова*, старший преподаватель старший преподаватель УМЭД.*

обеспечения законодательной базы, необходимой для эффективного осуществления международной стратегии государства, защиты национальных интересов страны на международной арене.

Конституции абсолютного большинства государств, как правило, не содержат специальных глав, посвященных внешней политике, положения которых определяли бы основные принципы, цели внешнеполитической деятельности государств. Однако в Конституции Узбекистана имеется специальная глава о внешней политике.

В ст. 17 Конституции Республики Узбекистан устанавливается: «Республика Узбекистан является полноправным субъектом международных отношений. Ее внешняя политика исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права»[1].

Основной закон закрепил конституционно-правовые механизмы осуществления не только внешней политики, но и всего спектра внешних сношений Узбекистана. Конституционно определены полномочия Президента, палат Олий Мажлиса, правительства в различных областях межгосударственных отношений.

Принципы внешней политики содержатся не только в статье 17 Конституции, но и в ее Преамбуле, где говорится о приверженности Узбекистана правам человека, признании приоритета общепризнанных норм международного права, об обеспечении гражданского мира и национального согласия как важнейших условиях построения демократического государства. Принципы, лежащие в основе внешней политики, содержатся и в ряде других статей Конституции, посвященных вопросам государственного суверенитета, обороны и безопасности. Принципы внешней политики содержатся также в целом ряде других актов законодательства (Концепция национальной безопасности Республики Узбекистан, Военная доктрина Республики Узбекистан, Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан и др.), образующих вместе с нормами Конституции конституционно-правовые основы внешней политики[2].

---

[1] «Республика может заключать союзы, входить в содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, исходя из высших интересов государства, народа, его благосостояния и безопасности». Таким образом, в Конституции четко определены цели общественного и государственного строительства, интересы общества и государства в сфере внешней политики.

[2] См.: *Рахманкулов Мир-Акбар*. Актуальные проблемы развития конституционно-правовых основ внешней политики Республики Узбекистан в условиях демократического обновления страны. – Ташкент, 2015.

Во второй главе Концепции внешнеполитической деятельности отмечается, что активная внешняя политика Узбекистана должна быть направлена на твердое отстаивание национальных интересов. Принцип приоритета национальных интересов закреплен и в Концепции национальной безопасности, других актах законодательства, составляющих конституционно-правовые основы внешней политики.

Активная внешняя политика Узбекистана должна быть направлена на твердое отстаивание национальных интересов.

Кабинет Министров, министерства и ведомства осуществляют конкретные меры, направленные на практическую реализацию положений Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан, в том числе на совершенствование действующего национального законодательства.

В первые годы независимости были приняты законодательные и нормативные акты, регламентирующие правовое обеспечение внешнеполитической деятельности страны, в том числе Закон о международных договорах, Консульский устав Республики Узбекистан, законы о порядке назначения и отзыва глав дипломатических представительств Республики Узбекистан в иностранных государствах, об установлении дипломатических классов и рангов для дипломатических работников Республики Узбекистан, а также ряд подзаконных нормативных актов, но к настоящему времени они требуют концептуальных изменений по структуре и содержанию, введения новых правовых норм, отвечающих современной правоприменительной практике и передовому зарубежному опыту в этой области.

Принятый 22 декабря 1995 г. Закон Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан» стал правовой основой для развития полноценного сотрудничества Узбекистана с другими государствами и международными организациями. В соответствии с этим законом заключено и действует большое количество протоколов, меморандумов, программ сотрудничества, межведомственных соглашений и международных договоров. По мере развития международно-договорной базы национальное законодательство пополнилось рядом необходимых нормативно-правовых актов, определяющих место международных договоров в национальной правовой системе.

В Узбекистане создана прочная нормативно-правовая база и организационно-институциональная основа, позволяющие имплементировать нормы принимаемых республикой международных обязательств в национальное законодательство и правоприменительную практику.

Вместе с тем остаются пока не решенными некоторые вопросы правового обеспечения внешнеполитической деятельности, дальнейшего совершенствования механизма имплементации общепризнанных международных норм в национальное законодательство, обеспечения должного исполнения всеми министерствами и ведомствами положений Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

Несмотря на то, что в республике уже сформирована нормативно-правовая база внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан, принятие Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан и практика реализации ее положений диктуют необходимость дальнейшего совершенствования ее правового обеспечения. В связи с этим перед органами власти и управления нашего государства и научно-юридическими центрами ставятся задачи инвентаризации нормативно-правовых актов по внешнеполитическим вопросам, имплементации международно-правовых норм в национальное законодательство и мониторинга их исполнения субъектами внешнеполитической деятельности.

Как известно, некоторые страны имеют отдельный законодательный акт, регламентирующий порядок разработки, заключения, исполнения и прекращения международных договоров[1], тогда как другие регулируют этот порядок в общих чертах в их основных законах (конституциях) без принятия специального акта законодательства[2], а в Великобритании дополнительно разработано «Руководство по договорной практике и процедурах», не имеющее силу нормативно-правового акта.

Принятые в начале 90-х годов прошлого века законы о международных договорах в некоторых странах СНГ[3] претерпели значительные концептуальные изменения или были утверждены в новой редакции. Внесенные в них поправки обуславливались необходимостью адаптации законодательства к современным реалиям и правоприменительной практике, а также демонстрировали стремление указанных государств урегулировать сферу международных договоров комплексно, в едином нормативном акте.

---

[1] Армения, Азербайджан, Беларусь, Индонезия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Молдова, Польша, Россия, Туркменистан, Таджикистан, Турция, Украина.

[2] Великобритания, Германия, Испания, Италия, Португалия, Сингапур, США, Франция, Южная Корея, Япония.

[3] В Беларуси (2008 г. в новой редакции), России (поправки 2007, 2012, 2014 гг.), Казахстане (2005 г. в новой редакции с последующими изменениями 2010, 2014 гг.), Молдове (1999 г. в новой редакции с последующими изменениями 2007, 2013 гг.) и Кыргызстане (2014 г. в новой редакции).

Действующий в Узбекистане Закон «О международных договорах Республики Узбекистан» не подвергался существенным поправкам и дополнениям на протяжении уже более двадцати лет и, естественно, требует существенного обновления вплоть до принятия своей новой редакции.

Возникла необходимость принятия в Республике Узбекистан в новой редакции и закона о международных договорах. Такой акт должен быть структурно целым и полным, поскольку эффективная реализация международно-правовых обязательств во многом зависит от наличия четкого действенного правового механизма заключения, исполнения и применения международных договоров, отлаженности этого механизма на внутригосударственном уровне и правового закрепления осуществляемой внешней политики страны на современном этапе.

Эффективная реализация международно-правовых обязательств во многом зависит от наличия четкого действенного правового механизма заключения, исполнения и применения международных договоров.

Конституционные поправки, внесенные в 2011 и 2014 г. в ходе поэтапной реализации конституционного принципа разделения властей, с учетом значительного расширения полномочий Олий Мажлиса, правительства, премьер-министра Республики Узбекистан в международной внешнеполитической деятельности, диктуют необходимость развития законодательства о международных договорах, принятия новой редакции закона о международных договорах. Можно отметить, что действующая редакция закона вполне отвечала нормам, однако потребность в новой редакции диктуется практикой, развитием всей нашей государственно-правовой системы и, естественно, важно учитывать передовой зарубежный опыт. И к этой законотворческой деятельности должны быть привлечены не только официальные представители органов государственной власти и управления, но и представители научного сообщества, занимающиеся вопросами международного права, международными отношениями, международно-экономическими отношениями[1].

Развернутая большая работа по подготовке окончательной рабочей версии законопроекта близка к завершению. Но есть еще возможность для учета новых предложений и рекомендаций ученых, специалистов в этой области по совершенствованию действующего законодательства о международной деятельности нашей страны.

[1] Были проведены 7 «круглых столов» и семинаров, 3 конференции в Сенате Олий Мажлиса РУз, в УМЭД и ТГЮУ.

Касаясь конкретных положений и норм действующего закона о международных договорах Республики Узбекистан, целесообразно было бы при подготовке его новой редакции обратить внимание на следующие положения.

В новую редакцию Закона, по мнению ряда экспертов, следовало бы включить статью об используемых в международно-правовой и законодательной практике понятиях и терминах, содержащую соответствующие международному праву и нормам действующего национального законодательства определения наиболее важных терминов и понятий, которые уже широко используются в нашей правоприменительной практике.

Новый закон должен создать эффективные правовые механизмы последовательной систематизации международных договоров Республики Узбекистан, эффективной координации деятельности министерств и ведомств по взаимодействию с зарубежными и международными организациями. Необходимо обеспечить (с учетом современных требований) дальнейшее совершенствование правовых основ имплементации положений международных договоров в национальное законодательство.

Закон должен содержать положение, определяющее статус международного договора Республики Узбекистан в правовой системе страны. Действующие законодательные акты уже имеют привычное для нас определение «если международным договором Республики Узбекистан установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены законодательством Республики Узбекистан, то применяются правила международного договора», однако пока нынешняя редакция рассматриваемого закона не закрепляет этого положения. В связи с этим целесообразно было бы включить в новую редакцию закона самостоятельную статью о месте международного договора Республики Узбекистан в ее правовой системе.

В целях обеспечения централизованного учета и координации всего процесса заключения и исполнения международных договоров предлагается включить в закон новую статью о сношениях с иностранными государствами, международными организациями и иными субъектами, обладающими правом заключать международные договоры[1]. Это предложение соответствует нормам национального законодательства Республики Узбекистан и зарубежному опыту.

[1] В законе о международных договорах Казахстана содержится схожее положение (данная норма введена с 2010 г.): «Сношения с иностранными государствами или международными организациями по вопросам заключения, вступления в силу, выполнения, изменения, приостановления и прекращения международных договоров осуществляются через Министерство иностранных дел Республики Казахстан» (ст.6).

Согласно Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан (раздел IV), «МИД является центральным звеном в системе государственных органов, отвечающих за обеспечение и реализацию внешнеполитического и внешнеэкономического курса страны». Кроме того, согласно пункту 4 Положения о МИД[1], министерство «в пределах своих полномочий координирует работу министерств, ведомств, учреждений по развитию международных связей». В целях единообразного применения терминов (включая требования ст. 4), а также учета компетенции министерств и ведомств при заключении международных договоров предлагается внести изменения в статью 7 о праве заключения международных договоров Республики Узбекистан.

Действующим законом не предусмотрен порядок подготовки проектов международных договоров и их экспертного согласования. Эти вопросы регулируются постановлениями Кабинета Министров[2]. Анализ правоприменительной практики таких подзаконных актов показал, что в процессе проработки проектов международных договоров министерства и ведомства республики далеко не единообразно понимают и применяют их положения.

Действующий закон обеспечивал создание солидной договорно-правовой базы сотрудничества республики с зарубежными странами и международными организациями, насчитывающей более 4 тысяч документов. В этой связи настала необходимость повышения качества процедур экспертной проработки и согласования проектов международных договоров путем объединения норм подзаконных актов в единый законодательный акт.

Рекомендуется включить в новую редакцию закона статью об инициативном предложении о начале экспертной проработки проекта международного договора или вопроса о целесообразности участия Республики Узбекистан в многостороннем международном договоре. В данной статье могут быть зафиксированы положения пунктов 1-2 Постановления Кабинета Министров №473 от 12.12.2000 г. с редакционными изменениями.

С учетом сложившейся практики в исключительных случаях перед началом экспертной проработки проекта международного договора вопрос может быть внесен Президенту Республики Узбекистан для получения его принципиального согласия. Такие договоры могут быть как межгосударственными/ межправительственными, так и межведомственными. В этой связи в статью предлагается включить тезис

[1] Утверждено ПКМ №140 от 16.03.1994 г.
[2] №473 от 12.12.2000 г. и №15 от 12.01.1998 г.

о возможности внесения в отдельных случаях предложения о начале экспертной проработки и Президенту Республики Узбекистан.

Рекомендуется статья о пояснительной записке. В данной статье могут быть зафиксированы положения пункта 2 Постановления Кабинета Министров №473 от 12.12.2000 г. и пункта 4 Постановления Кабинета Министров №15 от 12.01.1998 г. с изменениями, направленными на повышение качества проработки проектов международных договоров[1]. Предъявление требований по предоставлению пояснительной записки к проекту международного договора соответствует сложившейся практике и нормам национального законодательства по подготовке аналогичной записки к проектам своих нормативно-правовых актов.

Предлагается новая статья об экспертной проработке проекта международного договора или вопроса о целесообразности участия Республики Узбекистан в многостороннем международном договоре. Такая статья могла бы охватить пункты 3-5 Постановления Кабинета Министров №473 от 12.12.2000 г. В эту статью может быть включено положение, определяющее основного разработчика при наличии двух или более государственных органов, в компетенцию которых входят вопросы, регулируемые международным договором. Данная норма направлена на обеспечение качественной подготовки проектов международных договоров и рассмотрения со стороны МИД окончательного проекта документа, подготовленного по итогам экспертной проработки, перед внесением их в Кабинет Министров и Президенту Республики Узбекистан. В соответствии с разделом IV Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан международные договоры Республики Узбекистан являются инструментом реализации внешней политики страны. В этой связи предлагается определить МИД в качестве предпоследнего этапа согласования проектов международных договоров по аналогии со схемой проработки и внесения проектов нормативно-правовых актов в Министерство юстиции в целях проведения правовой экспертизы для последующего внесения в Кабинет Министров.

[1] П.2 ПКМ №473: К инициативному предложению о начале проработки вопроса о целесообразности подписания, ратификации, присоединения или одобрения Республикой Узбекистан международного многостороннего договора (конвенции) прилагается полный текст такого договора и сопутствующие ему документы на государственном языке и при необходимости обеспечивается перевод на другие языки, а также обоснование целесообразности подписания, ратификации, присоединения или одобрения, в том числе оценка возможных финансово-экономических последствий.

П. 4. ПКМ №15: Предложение о заключении международного договора Республики Узбекистан межведомственного характера должно содержать проект договора, обоснование целесообразности его заключения, а также при необходимости оценку возможных финансово-экономических и социальных последствий заключения договора.

На практике зачастую министерства и ведомства в ходе экспертной проработки вносят в проект международного договора изменения существенного характера после согласования его с МИД. Это, в свою очередь, приводит к снижению значимости результатов правовой экспертизы МИД, проведенной в ходе экспертной проработки.

Вышеуказанная норма предлагается в целях повышения ответственности руководителей министерств и ведомств за подготовку проекта международного договора, что должно способствовать обеспечению качества и оперативности разрабатываемых документов. Указанное предложение соответствует также зарубежному опыту[1].

В целях определения предметов правовой экспертизы, осуществляемой МИД, и перечня материалов, вносимых государственными органами в МИД, для тщательного и всестороннего рассмотрения проектов международных договоров или вопроса о целесообразности участия Узбекистана в международных многосторонних договорах предлагается статья о правовой экспертизе проекта международного договора или многостороннего международного договора, участницей которого намеревается стать Республика Узбекистан.

Согласно пункту 11 Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан №140 от 16.03.1994 г., «министерства, государственные комитеты и ведомства Республики Узбекистан обеспечивают представление в Министерство иностранных дел проектов межгосударственных договоров, соглашений, нормативных актов, касающихся внешних связей, для проведения их предварительной экспертизы».

Кроме того, проведение со стороны МИД правовой экспертизы в том виде, в котором оно изложено в статье 11 закона, соответствует сложившейся практике, которая основывается на внутриведомственных актах министерства. Как показывает практика, такой метод работы позволил повысить качество подготовки проектов международных договоров[2]. Это свидетельствует о том, что требования, предъявляемые к заключению международных договоров, постоянно усиливаются. Особое внимание уделяется целесообразности и практической значимости подписания документа для узбекистанской стороны. Всячес-

[1] В частности, в статье 5 аналогичного закона Республики Беларусь предусмотрено: «Руководитель государственного органа Республики Беларусь, департамента государственного органа, к компетенции которых относятся вопросы, содержащиеся в проекте международного договора, несут ответственность за подготовку проекта международного договора и (или) позиции Республики Беларусь на переговорах в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь».

[2] В 2013 г. МИД была проведена правовая экспертиза 332 проектов, из них подписаны 147, в 2014 г. – 341 документ, из которых заключено 89, а в 2015 г. из 301 проекта были заключено только 65.

Установление на законодательном уровне более серьезных требований к заключению договоров будет способствовать совершенствованию договорно-правовой базы международного сотрудничества.

ки исключается возможность заключения дублирующих и незначимых договоров. Установление на законодательном уровне более серьезных требований к заключению договоров будет способствовать подписанию перспективных соглашений и совершенствованию договорно-правовой базы международного сотрудничества, как это указано в разделе IV Концепции внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

Предлагается статья об иных видах экспертизы, которая имеет целью закрепление возможностей проведения государственными органами Республики Узбекистан иных видов экспертиз. Разумеется, это будет способствовать более тщательному изучению последствий заключения международного договора, оценке качества проекта соглашения, определению обоснованности, своевременности и правомерности участия страны в договоре. Данное предложение соответствует и национальному опыту[1], и зарубежному опыту[2].

Предлагается новая статья о внесении изменений и дополнений в международный договор Республики Узбекистан исходя из практической необходимости, международного и зарубежного опыта.

Действующий закон не содержит положения, относящегося к внесению изменений в международные договоры Узбекистана. Однако, как показывает договорно-правовая практика республики, в большом количестве заключаются документы о внесении изменений в действующие договоры (протоколы, дополнительные соглашения, ноты-уведомления др.). Вместе с тем в статьях 39-41 Венской конвенции от 1969 г. предусмотрены правила, касающиеся внесения изменений к договорам, на которые нужно сделать акцент в новом законе.

Предлагается включить новую статью о Государственном реестре международных договоров Республики Узбекистан, что продиктовано практической необходимостью и в целях усиления эффективности работы по централизованному учету и хранению международных до-

[1] См.: статья 21 Закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах».

[2] Вместе с тем нормы о возможности проведения иных видов экспертиз предусмотрены также в аналогичном положении закона Казахстана: «По международным договорам, участницей которых намеревается стать Республика Казахстан, а также по проектам международных договоров может проводиться научная экспертиза (правовая, лингвистическая, экологическая, финансовая и другая)» (ст. 4); в аналогичном положении закона Беларуси также имеется схожая норма.

говоров. Данное предложение соответствует и зарубежному опыту, который применим в условиях Узбекистана[1].

Проведение инвентаризации международных договоров должно быть обосновано новой статьей об инвентаризации международных договоров Республики Узбекистан. В действующем законе отсутствуют нормы, касающиеся такой инвентаризации, поэтому предлагаемая статья призвана восполнить законодательный пробел.

Целями инвентаризации договорно-правовой базы являются анализ документов на предмет их актуальности, выявление утративших силу договоров, а также анализ нынешнего состояния правовой основы и перспектив ее расширения. На практике инвентаризация международных договоров осуществляется только на основе внутриведомственных актов МИД, если они проходят положительную апробацию. Однако в процессе реализации данной работы с соответствующими министерствами и ведомствами возникают определенные объективные сложности в связи с тем, что предъявляемые требования в отношении этих органов государственного управления не имеют статуса закона. Принятие данной статьи позволит МИД более оперативно и качественно осуществлять процедуру инвентаризации, поскольку по его запросу министерства и ведомства в течение определенного периода должны будут представить ему запрошенную информацию в форме, определяемой министерством.

Данное предложение соответствует зарубежному опыту. В частности, во Франции инвентаризацией международных договоров этой страны занимается Управление архивов МИД, созданное еще в XVII в.

Рекомендуется статья о соотношении между международными договорами Республики Узбекистан и международными актами Республики Узбекистан, не являющимися международными договорами, поскольку на практике появляются международные акты (декларации, совместные заявления, меморандумы о взаимопонимании и протоколы о намерениях и т.д.), схожие по юридической природе с международными договорами. Такие документы по структуре и содержанию особо не отличаются от международных договоров, что приводит к определенным сложностям при их проработке и подписании, а также при применении после их заключения.

[1] В частности, в России Единая государственная система регистрации и учета международных договоров находится в ведении Министерства иностранных дел (ст.26 Закона «О международных договорах РФ»).

Согласно статье 25 аналогичного закона Казахстана, «единая государственная система регистрации, учета и хранения международных договоров Республики Казахстан находится в ведении Министерства иностранных дел Республики Казахстан».

Целью предлагаемой статьи является установление четкого разграничения между указанными международными актами и международными договорами. Введение данной статьи позволит заполнить указанный пробел и обеспечить оперативность при проработке подобных документов в упрощенном порядке, особенно перед визитами на высшем и высоком уровнях. Данное предложение соответствует также зарубежному опыту[1].

Следовало бы также определить статус международного договора межведомственного характера, затрагивающего вопросы, имеющие большое значение для государственных интересов Республики Узбекистан (статья 11 закона). Порядок 1998 г. не оговаривает процедуру принятия решения и утверждения такого рода договоров, которые, согласно нормам действующего законодательства, должны будут исполняться на уровне законодательного акта. Следует определить место международных соглашений, заключаемых органами хозяйственного управления.

Решения Олий Мажлиса о ратификациях международных договоров Республики Узбекистан уже продолжительное время принимаются в форме закона, а не постановления, как это указано в статьях 15-16 действующего закона. Следовало бы конкретизировать в законе положения о форме принимаемого Парламентом акта присоединения Республики Узбекистан к международным договорам (статья 21).

Действующий закон не содержит норму, определяющую, какой государственный орган является ответственным и выдает заключения о соответствии положений предлагаемого к подписанию международного договора действующему законодательству Республики Узбекистан.

В части международных договоров межведомственного характера Порядок 1998 г. оговаривает лишь процедуру согласования с Министерством юстиции (пункт 3). Этого с юридической точки зрения не-

[1] В частности, в России аналогичные акты регулируются Положениями о подготовке и подписании международных межправительственных актов, не являющихся международными договорами России, от 2003 г.

Согласно Руководству по заключению необязывающих соглашений, разработанному Государственным Департаментом США, международные акты, не имеющие юридических обязательств (non-binding documents), проходят такую же процедуру межведомственного согласования, как и международные договоры.

В соответствии с законодательством Японии, порядок заключения международных актов, не являющихся международными договорами, принципиально не отличается от порядка заключения международных договоров.

Согласно Руководству по договорной практике и процедуре, разработанному МИД Великобритании, меморандумы о взаимопонимания не должны содержать положения, налагающие на Великобританию обязательства по международному праву.

Франция, ФРГ, Бельгия, Недерландия, Люксембург Латвия, Республика Корея, КНР и другие страны также практикуют заключение таких документов.

достаточно. Эффективным было бы законодательно закрепить статус юридического заключения Министерства юстиции о международном договоре, результатах его учета и принятия при подготовке проектов и заключении международных договоров.

Следует принять во внимание, что Конституция Республики Узбекистан ясно указывает, что соответствие межгосударственных договорных и иных обязательств Республики Узбекистан Конституции страны определяется Конституционным судом. Однако речь здесь идет об уже принятых государством обязательствах, данный аспект вообще не отражен в действующей редакции закона.

Присутствие в законе бланкетной статьи 32 «Недействительность международных договоров Республики Узбекистан» юридически должно предполагать также наличие нормы о праве Республики Узбекистан иметь особый порядок выражения согласия на обязательность для себя того или иного международного договора. Данное положение имеет тесную взаимосвязь с осуществляемой модернизацией исполнительной власти страны и развитием парламентаризма на современном этапе ее демократических реформ.

После введения в действие Общеправового классификатора отраслей законодательства Республики Узбекистан новый закон должен содержать норму, определяющую вопросы государственной регистрации и учета, совпадающую с вышеуказанным классификатором всех международных договоров в национальной базе данных законодательства Республики Узбекистан, а также установления ответственного государственного органа.

В действующей редакции закона статья 26 определяет лишь вопрос регистрации международных договоров Республики Узбекистан в Секретариате ООН и в органах других международных организаций, без упоминания о необходимости вести также их внутригосударственную регистрацию и должный систематизированный учет.

Сенат, Законодательная палата Олий Мажлиса Республики Узбекистан уже осуществляют координированную с государственными органами страны работу по имплементации международных договоров в законодательство Республики Узбекистан и необходимости вести систематизированный учет международных договоров, но доступ к информации в базе данных о ходе их исполнения, проведенной имплементации их норм в действующее законодательство был бы как нельзя кстати.

Раздел IV «Исполнение международных договоров Республики Узбекистан» целесообразно кардинально расширить. Используемая оговорка в законодательных актах о приоритетном применении норм

международного договора в случае коллизии с действующими законами не ставит точку в вопросе об их эффективном и добросовестном исполнении.

Реализацию международных договоров часто обозначают термином «implementation» (от англ. осуществление, проведение в жизнь, выполнение, реализация), что представляет собой широкое поле деятельности на внутригосударственном уровне в лице его уполномоченных органов, направленную на реализацию взятых международных обязательств. Однако в разделе действующего закона только три статьи (ст. 27 – 29) разъясняют вопросы исполнения международных договоров, не говоря о том, что и функции по их выполнению расширенно отражены в положениях лишь некоторых государственных органов[1], но лишь в части, касающейся сугубо направления их деятельности.

Осуществление наблюдения за исполнением международных договоров (статья 29 закона) возложено на МИД, однако основная нагрузка по реализации международных договоров уже ложится на широкий круг органов исполнительной власти (министерства и ведомства, в том числе органы государственного и хозяйственного управления). Обеспечивать должное наблюдение такого массива международно-правовых актов одним министерством становится весьма проблематичным. В данной ситуации следовало бы дополнить Положение о МИД, раскрыв весь механизм наблюдения (а лучше – контроля) исполнения международных договоров, а также порядка взаимоотношений по этим вопросам МИДа с другими государственными органами. Альтернативным вариантом могло бы послужить закрепление данного направления деятельности внешнеполитического ведомства непосредственно в новой редакции закона.

Действующий порядок подготовки и выполнения обязательств Республики Узбекистан по международным договорам (2000 г.) не учитывает тонкости и нюансы подготовки законопроектов и нормативно-правовых актов, специфику полномочий ряда государственных органов, а также новшества в этой области нормотворчества, введенные за последние годы.

Целесообразно было бы, чтобы закон уполномочивал министерства, ведомства и другие государственные органы, к компетенции которых относятся вопросы, содержащиеся в международных договорах, принимать в пределах своей компетенции меры для реализации

[1] Минюст, ГТК, Госкомитет геологии, Госавианадзор, Узстандарт, Агентство по интеллектуальной собственности и Национальный центр по контролю за наркотиками.

международных договоров Республики Узбекистан путем принятия решений (направления предложений по имплементации в национальное законодательство), не дожидаясь от правительства разработки мер (статья 28 закона) по исполнению международных договоров.

В действующих положениях об органах государственного управления (министерства, ведомства) должны быть всесторонне обозначены вопросы выполнения международных обязательств; в пяти документах частично затрагиваются вопросы контроля выполнения международных договоров, в остальных 36 положениях о министерствах и ведомствах ни слова не сказано о выполнении международных договоров Республики Узбекистан, в том числе в части, их касающейся.

Рационально также обозначить и другие механизмы, которые закон мог бы задействовать для выполнения международных обязательств исходя из понимания, что круг органов и организаций, участвующих в исполнении международного договора, намного шире, нежели круг органов, обладающих правом от имени республики заключать международные договоры.

Вполне возможной могла бы быть передача Институтом мониторинга действующего законодательства наработанного опыта по процессу имплементации международного права в национальное законодательство государственным органам исполнительной власти.

Остается открытым вопрос надзора за исполнением международных обязательств Республики Узбекистан. Кстати, наше законодательство не содержит норм, раскрывающих роль органов прокуратуры в вопросах исполнения международных договоров, а также закрепление ответственности за своевременность имплементации в национальное законодательство норм международного права.

За прошедший период с учетом принятых нормативно-правовых актов, изменивших и дополнивших компетенцию консулов, значительно устарел и Закон Республики Узбекистан «Об утверждении Консульского устава Республики Узбекистан», принятый 29 августа 1996 г. В частности, Консульский устав должен содержать новые нормы, адаптированные под современные реалии, закрепленные в подзаконных актах, фактически осуществляемые консульские функции, права и обязанности, например: по репатриации граждан Республики Узбекистан, а также связанную с этим функцию выдачи консулом сертификатов на возвращение в случае утери либо истечения срока действия паспорта и других проездных документов; по оказанию содействия гражданам Республики Узбекистан в реализации их избирательных прав при проведении выборов в органы государственной власти и права на участие в референдуме Республики Узбекистан; по

вопросам истребования документов из Республики Узбекистан; по уточнению функций в связи с присоединением Республики Узбекистан к Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов; по определению категорий граждан, которые могут обменять паспорта в консульских загранучреждениях в соответствии с новыми правилами о выдаче биометрических паспортов, а также права консула на проставление стикеров разрешительной записи для временного выезда за границу и на постоянное местожительство (постоянно проживающие, студенты, в связи с лечением и т.п.).

С учетом накопленной практики назначения нештатных (почетных) консулов Республики Узбекистан за границей необходимо пересмотреть раздел Консульского устава, связанный с деятельностью нештатных (почетных) консулов.

В связи с активным внедрением ИКТ в консульскую службу и введением в 2016 г. системы «Электронное правительство» целесообразно закрепить в новой редакции закона функции консула по предоставлению услуг в реальном времени (подача визовых анкет, заявлений на истребование документов, выдачу сертификатов на возвращение, постановку на консульский учет в загранучреждениях Узбекистана и др.), регламентирующих использование этих технологий в консульской деятельности.

В современной международной практике значительно усилились и стали более сложными функции самостоятельных консульских учреждений, связанные с внешней торговлей и инвестиционными отношениями. Наряду с чисто консульскими функциями консулы стали уделять большое внимание деятельности по содействию внешнеэкономической деятельности своих стран. В этих целях они изучают условия рынка региона пребывания, исследуют факторы (в том числе правовые), препятствующие сбыту товаров своих стран в регионе пребывания, наблюдают за всеми событиями в экономической и хозяйственной жизни в государствах своего консульского округа. Об этой деятельности консулы обязаны периодически информировать МИД своего государства, отвечать на вопросы государственных и частных компаний, имея целью предотвратить возможный ущерб для своего государства, его юридических лиц и граждан.

Консульское законодательство и практика большинства развитых стран едины в признании необходимости активного участия консульской службы в установлении и развитии торгово-экономических связей своего государства с государствами пребывания. Международная практика показывает, что чем активнее государственные торговые организации, коммерческие фирмы, граждане участвуют в международном

торговом обороте, тем больше они нуждаются в услугах консульской службы. Государство, стремясь быстрее реагировать на изменения в международной экономической обстановке и исходя из внутренних экономических потребностей, а также для развития внешнеполитических и внешнеэкономических связей, должно детальнее и тщательнее разрабатывать и принимать нормативные акты в этой области.

Государство, стремясь быстрее реагировать на изменения в международной экономической обстановке, должно детальнее и тщательнее разрабатывать и принимать нормативные акты в этой области.

Весьма подробная регламентация консульских функций в области внешней торговли и развития торгово-экономических связей в законодательствах США, Великобритании, Франции и других западноевропейских стран позволяет сделать вывод о важности данной деятельности для этих стран в качестве дополнительного рычага в правовом обеспечении внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности.

Принятые 3 июля 1992 г. Закон о порядке назначения и отзыва глав дипломатических представительств Республики Узбекистан в иностранных государствах и Закон об установлении дипломатических классов и рангов для дипломатических работников Республики Узбекистан требуют пересмотра, во- первых, в связи изменением правоприменительной практики назначения и освобождения глав дипломатических представительств; во-вторых, в связи с введением практики назначения главой дипломатического представительства по совместительству в нескольких государствах; в-третьих, в связи с назначением представителей Республики Узбекистан при международных организациях и учреждением квотных должностей в международных организациях.

В соответствии с изменениями Конституции Республики Узбекистан и принятием Конституционного закона «О Сенате Олий Мажлиса Республики Узбекистан» требуется пересмотр вышеуказанных законов с учетом исключительных полномочий Сената, роли Президента Республики Узбекистан в процедуре назначения и освобождения дипломатических и иных представителей Республики Узбекистан в иностранных государствах.

Республика Узбекистан стала членом многих международных организаций, в которых предусматривается работа дипломатических представителей от имени государства, в том числе представителей, отвечающих требованиям этих организаций к их дипломатическим рангам.

Выявлен ряд дублирующих функций внешнеполитических органов республики в сфере дипломатической службы, поэтому необходимо законодательное закрепление критериев для присвоения дипломатических рангов. С учетом схожести предмета регулирования этих двух законов, а также на основе изучения международного опыта и практики зарубежных стран представляется необходимым объединить положения, регламентирующие функции и задачи органов дипломатической службы, права и обязанности дипломатических работников, порядок назначения их на должности, ротации и присвоения дипломатических рангов, в единый законодательный акт с дополнением новых положений, направленных на надлежащее правовое закрепление, регламентацию и организацию деятельности, взаимодействия между МИДом и загранучреждениями, с учетом целей и задач, определенных Концепцией внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

Таким образом, дальнейшее развитие и совершенствование нормативно-правовой базы международной деятельности нашей страны связано с принятием новых редакций Закона “О международных договорах”, Консульского устава Республики Узбекистан и Закона “О дипломатической службе”. Необходимо обеспечить комплексный подход к их подготовке и принятию, а также внести необходимые изменения, дополнения и уточнения в постановления Кабинета Министров, положения и регламенты министерств, ведомств и палат Олий Мажлиса. Эта работа требует также тщательного экспертно-аналитического сопровождения, использования её результатов в учебном и воспитательном процессе при подготовке кадров специалистов для внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности.

В Университете мировой экономики и дипломатии с учетом поставленных задач ведется работа по экспертному содействию в разработке законопроектов, информационно-аналитическому и экспертному обеспечению: имеется в виду, в частности, подготовка информационно-аналитических записок, обзоров, сравнительных таблиц по законопроектам; выпуск информационно-справочных, учебных пособий и монографий, охватывающих широкий круг вопросов правового обеспечения международной, внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.

Акрам Умаров

Афганский кризис в международном научном дискурсе (конец XX – начало XXI в.)

Исламская Республика Афганистан (ИРА) на протяжении почти 40 лет остается главным актором, оказывающим негативное влияние на региональную безопасность в Центральной Азии. Перманентная конфронтация интересов ведущих мировых держав в ИРА и их опосредованные столкновения на ее территории ввергли страну в хаос, разожгли многолетний внутриполитический вооруженный конфликт, острое межэтническое противостояние и привели к непреходящему кризису социально-экономической системы. В результате игнорирования афганской проблемы большей частью мирового сообщества в начале 90-х годов прошлого века страна превратилась в убежище и базу подготовки разномастных террористических организаций, внутренние конфликты разрослись до масштабов угрозы всей системе международной безопасности.

После вывода войск СССР из Афганистана в феврале 1989 г. обстановка в стране резко обострилась. Президент М.Наджибулла в условиях нарастания распрей в правительстве был вынужден противостоять возросшему натиску вооружённой оппозиции. На протяжении трёх лет правительству М.Наджибуллы удавалось держаться у власти. Однако после краха СССР в 1991 г. новое руководство России под давлением политических и экономических проблем прекратило по-

Акрам Умаров, *старший научный сотрудник-соискатель, УМЭД.*

Игнорирование афганской проблемы в 90-х годах прошлого века привело к его разрастанию до масштабов угрозы всей системе международной безопасности.

ставки всех видов вооружений, боеприпасов, горюче-смазочных материалов и продовольствия Кабулу [1]. Подобное предательство Москвы заметно подорвало возможности М.Наджибуллы удерживать контроль над страной и весной 1992 г. он был вынужден уйти в отставку и в течение 3 лет скрываться на территории миссии ООН в Кабуле.

В марте 1993 г. в Исламабаде лидеры восьми наиболее крупных отрядов моджахедов подписали «Мирное соглашение» и «Соглашение о разграничении полномочий между президентом и премьер-министром» [2]. Однако нежелание руководства моджахедов принять «линию Дюранда» в качестве делимитированной афгано-пакистанской границы послужило причиной смещения интересов Исламабада с поддержки их деятельности на движение радикальных студентов-исламистов (талибов), вышедших из среды пуштунской молодежи юга и юга-востока страны [3].

В 1994-1995 гг. талибы при поддержке правительственных войск Пакистана начали борьбу за власть с различными группировками моджахедов. В 1995 г. они установили контроль над Южным и Западным Афганистаном и зимой 1995-1996 гг. осадили Кабул. В марте 1996 г. моджахедские группировки Б.Раббани и Г.Хекматиара образовали против них коалицию, но уже 26 сентября 1996 г. талибы вытеснили их из афганской столицы и провозгласили Афганистан Исламским эмиратом. Его главой был объявлен Мулла Мухаммад Омар [4].

Несмотря на развитие столь сложных и важных процессов на территории Афганистана, влияющих на региональную безопасность стран Центральной и Южной Азии, многие политические лидеры демонстрировали отстраненное отношение к конфликту в этом государстве. Подобное положение наблюдалось и в международной научно-аналитической литературе по афганской проблеме.

Вывод военного контингента СССР из Афганистана привел к некоторому снижению интереса международного академического и экспертного сообщества к афганскому конфликту. Большинство исследований в 1990-е годы было посвящено изучению итогов и последствий присутствия советского военного контингента в Афганистане. Влияние дестабилизационных процессов в ИРА на страны Центральноазиатского региона оставалось практически без внимания ведущих представителей научно-академического и экспертного сообщества.

Афганскому конфликту и региональной безопасности в Центральной Азии в 1990-е годы посвящены несколько работ западных ученых и экспертов. В опубликованной в 1989 г. под редакцией известных ученых А.Сайкала и У.Малея книге «The Soviet Withdrawal from Afghanistan» [5] анализируется ход развития внутренних и внешних событий, связанных с вводом советских войск в Афганистан. Авторы считают, что данный шаг советского руководства в корне поменял сложившийся баланс сил в регионе и мире. Они приходят к выводу о сложности прогнозирования дальнейших перспектив умиротворения конфликта в стране и в качестве доминирующей тенденции отмечают «неопределенность».

В книге «Central Asia in Historical Perspective» [6] под редакцией Б.Манц авторы в основном рассматривают вопросы формирования идентичности стран Центральной Азии, а также развитие религиозных и этнических отношений в регионе в период СССР. Проведен анализ религиозной ситуации сразу после обретения независимости государствами Центральной Азии.

В 1995 г. Д.Кордовес и С.Харрисон опубликовали книгу «Out of Afghanistan: the inside story of the Soviet withdrawal» [7]. Авторы освещают в своем труде ход сложного переговорного процесса по выводу советских войск из Афганистана в 1980-е годы. Д.Кордовес, занимая должность заместителя Генерального секретаря ООН, непосредственно участвовал в этих длительных переговорах. В работе дано скрупулезное описание многих исторических событий в Афганистане в 1979-1989 гг.

В книге Дж.Кули «Unholy Wars: Afghanistan, America and International Terrorism» [8] дан анализ причин расширения международной террористической активности в 1990-е годы. Автор полагает, что широкомасштабная институализированная подготовка боевиков для противостояния советским вооруженным силам в Афганистане в последующем обернулась значительной проблемой для всего международного сообщества.

Особого внимания заслуживают работы пакистанского исследователя А.Рашида. Он одним из первых обратил внимание академического и экспертного сообщества на проблемы безопасности в Центральной Азии и исследовал историю формирования и прихода к власти в Афганистане движения «Талибан». В своей первой, вышедшей в свет в 1994 г. книге «The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism?» [9] он описывает уникальный регион Центральной Азии и высоко оценивает его геополитический, экономический и культурно-гуманитарный потенциал. Он анализирует события в странах региона в пер-

вые годы после обретения независимости в 1991 г. Автор указывает на конфликт в Афганистане и возможность распространения исламского фундаментализма как одну из главных угроз региональной безопасности и стабильности.

Еще одно его исследование «Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia» [10] опубликовано в 2000 г., оно также получило большой резонанс и вызвало значительный интерес в мире после событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Автор подробно излагает историю возникновения, становления и захвата власти в Афганистане движением «Талибан». Он также приводит данные о связях группировки с другими международными террористическими объединениями. Автор характеризует очень сложное социально-экономическое и инфраструктурное положение в стране и считает это взрывоопасным фактором не только для Афганистана, но и для всего региона. А.Рашид полагает, что для достижения мира путем создания широкой коалиции в правительстве страны требуется солидарность внешних сил, замешанных в афганском конфликте, а также значительная финансово-экономическая поддержка Афганистану. При стабилизации обстановки на афганской территории все внутренние и внешние силы достигнут своих целей.

Признанным специалистом по афганскому конфликту считается Б.Рубин, который в 1990-е годы опубликовал две книги по данной проблеме. В первой, «The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System» [11], он пишет, что с окончанием «холодной войны», интерес к «борцам за свободу» Афганистана сменился безразличием к растущему там уровню насилия. Он полагает, что современная нестабильность в стране вызвана в первую очередь длительным советско-американским противостоянием на ее территории. Автор считает, что тенденция роста значения трайбализма и местничества в Афганистане была вызвана агрессивной принудительной интеграцией страны в современную государственную систему. Б.Рубин пытается объяснить продолжающуюся сумятицу, социальную и политическую раздробленность страны вмешательством внешних сил и в первую очередь – США и Великобритании.

Во второй книге «The Search for Peace in Afghanistan: From Buffer State to Failed State» [12] Б.Рубин анализирует попытки урегулирования конфликта в Афганистане в 1980-е годы. Автор описывает провал международных усилий в предотвращении распада Афганистана в качестве единого государства. Ведущие мировые и региональные державы игнорировали возможности политического урегулирования кон-

фликта в стране. Он выразил сомнение, что даже успешное продвижение талибов к власти в стране приведет к созданию единого централизованного государства. В качестве аргументов своего прогноза он называет отстраненность США и Европы от стабилизации страны после 1990 г., восприятие сопредельными странами объединенного и сильного Афганистана в качестве угрозы.

Итальянский ученый А.Джустоцци в работе «War, politics and society in Afghanistan, 1978-1992» [13] провел кропотливое исследование событий в Афганистане в период правления коммунистической Народно-демократической партии (НДПА). Автор опирается на различные источники, в том числе на ранее недоступные архивные материалы Вооруженных сил СССР, афганские СМИ, публикации в западных изданиях, чтобы представить сложную картину дилемм, с которыми сталкивалась НДПА в своей неудачной попытке создать прочную социалистическую систему в одной из наименее развитых стран мира. Эта книга отличается от большинства книг, изданных в Афганистане в течение последних 25 лет, тем, что ее автор стремится оценить и сильные, и слабые стороны деятельности партии. По мнению автора, несмотря на заметные успехи партии в 1980-х годах, ограниченность финансовых ресурсов и внутренний раскол привели к насильственному свержению режима.

В российском академическом сообществе публикации по проблеме Афганистана в 1990-е годы были довольно редки. Можно отметить работу В.Пластуна и В.Андрианова «Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики» [14], в которой дано подробное описание предпосылок и последствий прихода к власти в Афганистане Наджибуллы. Несмотря на допущенные Наджибуллой ошибки, авторы высоко оценивают период его руководства в Афганистане, положительно отзываются о его профессиональных и личных качествах. Однако крушение СССР и вывод советских войск поставили его в довольное сложное положение. Авторы предполагают, что в случае продолжения оказания помощи и поддержки правительству Наджибуллы у него был бы реальный шанс удержаться у власти и добиться постепенного восстановления и развития государства.

Примечательно исследование В.Коргуна «Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана, 1919-1999 гг.» [15], в котором автор стремится обнаружить закономерности и характер общественно-политического развития Афганистана в XX в. через призму эволюции его политической системы, являющейся основным стержнем этого развития. В.Коргун не поддерживает распространенного мнения о традиционном консерватизме менталитета аф-

ганцев в качестве главной причины неприятия ими современных политических институтов.

В основе такого социального поведения афганцев, по мнению В.Коргуна, лежит общая политико-экономическая отсталость афганского общества, обусловленная отнюдь не только социальной инертностью, а преимущественно историческими и территориально-климатическими факторами: географической удаленностью от крупных центров современной цивилизации, суровыми географическими и климатическими условиями, обрекавшими афганцев на длительное сохранение племенного строя и территориальную разобщенность, а саму страну - на фрагментарность власти, устойчивость кочевого и полукочевого образа жизни, далеко не дружественное окружение. В заключение автор указывает, что страна, пройдя через разные ступени и уровни политического переустройства, оказалась во власти исламского фундаментализма, превратившись в очаг региональной нестабильности и источник экспансии идей экстремизма и международного терроризма.

Заслуживает внимания работа российского востоковеда М.Аруновой «Афганская политика США в 1945-1999 гг.» [16], в которой анализируются особенности и специфика политики США, проводимой в чрезвычайно важной в геополитическом отношении стране. Автор полагает, что афганская политика Вашингтона в течение всего послевоенного периода строилась с учетом советско-американского соперничества за сферы влияния. Активное втягивание Советского Союза во внутриафганские дела, кульминацией которого стал ввод советских войск в Афганистан, вызвали у США серьезное беспокойство. Они не могли допустить потери стратегического плацдарма, что явилось бы крупным геополитическим поражением Вашингтона.

Автор полагает, что в середине 1990-х годов американское руководство попыталось наладить отношения с талибами, чтобы поддержать установление единой власти в Афганистане. Однако вскоре растущее взаимодействие талибов с международными террористическими объединениями, их нежелание поддерживать близкие отношения с Вашингтоном привели к резкому изменению позиции США по отношению к талибам в сторону ужесточения.

Теракты в г. Нью-Йорк в 2001 г. в корне изменили ситуацию с исследованиями афганского конфликта и проблем безопасности в Центральной Азии. Начало военной операции международной коалиции в Афганистане во главе с США подтолкнуло резкий рост интереса академического и экспертного сообществ к изучению причин и путей решения афганской проблемы, а также ко всему региону Центральной

Азии. Особое внимание к анализу процессов в ИРА проявляли в основном научные центры государств–участников международной коалиции войск в Афганистане, а также исследовательские центры, которых интересовали регионы Центральной Азии и Среднего Востока.

Начало военной операции международной коалиции в Афганистане вызвало рост интереса экспертного сообщества к изучению причин и путей решения афганской проблемы, а также региону ЦА.

В работе «Central Asian Security: the new international context» [17] под редакцией британских экспертов Р.Эллисон и Л.Джонсон рассматриваются основные вызовы и угрозы безопасности в регионе после обретения независимости государствами Центральной Азии. Эксперты уделяют особое внимание анализу отношений стран региона с крупными внешними государствами: Россией, США, Китаем, Ираном и Турцией. Касаясь афганского конфликта и его влияния на Центральную Азию, авторы приходят к мнению, что данная проблема зачастую преувеличивается отдельными внешними игроками для достижения собственных геополитических целей. Они отмечают, что Афганистан является связующим звеном между комплексами безопасности Центральной и Юго-Западной Азии.

М.Макколи в своей работе «Afghanistan and Central Asia: A Modern History» [18] отмечает, что афганский кризис привлек внимание всего мира к Центральной Азии и подчеркивает необходимость лучшего понимания западными странами региона и его проблем. Автор считает, что, несмотря на вторжение СССР в Афганистан в 1979 г. и развернувшееся впоследствии американо-советское столкновение в стране, не привели к развернутому и глубокому изучению истории и современного положения Афганистана. Он утверждает, что это государство все еще ассоциируется на Западе с медиа-образами фундаменталистского движения «Талибан». М.Макколи описывает этапы исторического развития стран региона от средневековья до 2000 г. Он подробно анализирует террористические атаки в странах Центральной Азии в конце 1990-х годов, а также начало и развитие операции «Несокрушимая свобода», проводимой в Афганистане в 2001 г. коалиционными силами. Особое внимание автор уделяет растущему столкновению интересов ведущих держав в регионе и ИРА.

В 2004 г. была опубликована книга афганского ученого, профессора Австралийского национального университета А.Сайкала «Modern Afghanistan. A History of Struggle and Survival» [19], где для лучшего понимания современных процессов он анализирует историю формирования афганского государства с 1747 г. по настоящее время, осо-

бенности населяющих страну племен, историю их взаимоотношений, а также деятельность афганских руководителей. Препятствием стабилизации ситуации в стране, по мнению автора, является не только постоянное внешнее вмешательство, но и внутренний раскол, отсутствие сильной центральной власти. ИРА разделена на микрообщества во главе с полевыми командирами, старейшинами и другими руководителями, которые не чувствуют себя связанными с Кабулом и правительством.

В книге Д.Бургхарта и Т.Сабонис-Хелф «In the Tracks of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century» [20] указана особая роль Центральной Азии во всемирной истории. Авторы считают, что такие правители региона, как Амир Темур, в значительной степени повлияли на развитие политических, экономических и культурно-гуманитарных отношений во всей Евразии. Однако позже регион пришел в упадок и практически оставался неприметным вплоть до развала СССР. Ученые считают, что формирование новых государств в регионе, обладающих значительными природными ресурсами, и их роль в противостоянии международному терроризму снова ввели Центральную Азию в круг интересов ведущих держав мира.

Анализируя этапы развития новых суверенных стран Центральной Азии, специалисты обращают внимание на взаимосвязанность региона с Афганистаном не только в вопросах обеспечения безопасности, но и экономического процветания, урегулирования водных и экологических проблем.

Дж.Дорронсоро в книге «Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present» [21] дает свое видение развития конфликта в Афганистане после вывода войск СССР. Он подчеркивает, что политическое насилие в стране постепенно стало более этнически мотивированным в посткоммунистический период. Его исследование отличается тем, что автор приводит обширный массив детальной информации об афганских движениях, племенах и политических объединениях за последние несколько десятилетий. Вместе с тем он уверен, что именно резкий рост религиозного фактора в стране в качестве инструмента мобилизации и легитимизации власти сыграл решающую роль в развитии современной нестабильности.

В 2006 г. появилась книга «Nation-building: beyond Afghanistan and Iraq» [22] под редакцией Ф.Фукуямы. В ней приведены исследования известных специалистов по Афганистану и по государственному строительству Дж.Доббинса, Ф.Старра, Л.Гудсона, М.Веинбаума, Л.Даймонда и др. Авторы отмечают, что строительство государства-нации было характерно для внешней политики США после оконча-

ния Второй мировой войны, но в последние годы эта политика стала напрямую связываться с национальной безопасностью страны. Ведущие эксперты выявили проблемы, появившиеся в связи со строительством государства-нации в Афганистане и Ираке. Указанные специалисты провели сравнительный анализ исторического опыта США в других регионах мира. Ф.Фукуяма отмечает, что действия США были гораздо более успешными в оказании помощи по восстановлению таких разрушенных войной стран, как Япония и Германия, но не в построении основ государств-наций в Ираке и Афганистане. Специалисты сходятся во мнении, что институциональные уроки, усвоенные в ходе неудачных действий по строительству государств-наций в Сомали, Гаити, Боснии и других странах, не были фактически учтены при выработке стратегии администрации Дж.Буша-мл.

Ведущий эксперт по проблемам международной безопасности С.Джонс в 2009 г. опубликовал свою монографию «In the graveyard of empires: America's war in Afghanistan» [23], где подчеркивает, что наряду с другими державами, которые в истории Афганистана пытались его завоевать, США столкнулись с проблемой первоначального быстрого успеха и сложностями удержания ситуации под своим контролем. Он полагает, что начало войны в Ираке в 2003 г. привело к смещению внимания, экспертного анализа и ресурсов Вашингтона в этом направлении, снизив приоритетность афганского конфликта в своей внешнеполитической деятельности. Стремление минимизировать количество размещенного на афганской территории американского военного контингента и затрачиваемых ресурсов на восстановление страны привели к утрате первоначальных достижений администрации Дж.Буша-мл. в Афганистане к 2006 г. Убежище талибам, обеспеченное в соседнем Пакистане, масштабная коррупция в органах афганской власти и дрейф интересов США в сторону Ирака способствовали потере инициативы американским руководством в ИРА и увязанию в длительных кровавых столкновениях с афганскими повстанческими объединениями.

Один из ведущих исследователей Афганистана в США Т.Барфилд в 2010 г. издал монографию «Afghanistan: A Cultural and Political History» [24], где дал анализ формирования и исторического развития Афганистана от средневековья по 2010 г. Автор считает, что история страны доказывает безуспешность стремлений построить сильное централизованное афганское государство. Исторический путь страны демонстрирует значительные различия между регионами Афганистана. Он полагает, что еще одним уроком афганской истории следует считать невозможность проведения революционных общественно-по-

литических и культурно-гуманитарных реформ в стране. Автор подчеркивает, что ни один из руководителей афганского государства, намеревавшийся достичь скорой модернизации страны, не добился успеха.

В качестве отличительной черты американской операции в Афганистане от предыдущих вторжений других держав Т.Барфилд указывает на то обстоятельство, что Великобритания вводила войска для снижения влияния Советского Союза в регионе, СССР для поддержки просоветского строя, а США вошли в период хаотичного противостояния в стране и не были однозначными сторонниками одной из противоборствующих сил. Исследователь подвергает критике администрацию США за непонимание и неучет особенностей Афганистана при планировании и проведении собственной внешней политики в этом направлении. Автор негативно оценивает поспешное подписание Боннского соглашения 2001 г. и приход к власти в ИРА Х.Карзая. По его мнению, попытка создания Х.Карзаем системы лояльных ему губернаторов в провинциях и желание обеспечить максимальный контроль столицы над регионами ухудшили положение дел в стране.

Специалист по современному конфликту в Афганистане Б.Рубин посвятил много усилий изучению этой горной страны. Он работал в качестве советника спецпредставителя Генерального секретаря ООН в 2001 г и спецпредставителей США по Афганистану и Пакистану Р.Холбрука и М.Гроссмана с 2009 по 2013 г.* В 2013 г. он опубликовал книгу «Afghanistan from the Cold War through the War on Terror» [25], в которую включил многие свои статьи и доклады по Афганистану, подготовленные в период с конца 1990-х годов по 2009 г., когда он поступил на госслужбу в администрацию США.

В качестве причин возникновения движения «Талибан» он указывает на возникший вакуум власти в стране после ухода президента М.Наджибуллы, а также на рост влияния местных религиозных учреждений, которые составляли фундамент талибов, на настроения людей. Книга повествует о размещении членов арабских радикальных организаций в стране, упущенных возможностях после американского вмешательства, роли Пакистана в конфликте, а также проблемах социально-экономической реконструкции страны. Б.Рубин детально анализирует ход переговоров на Боннской конференции в 2001 г. и афганской Лойи джирги в 2003-2004 гг., в которых он принимал непосредственное участие. Он приходит к выводу, что США, другие страны-участники восстановления Афганистана и международные орга-

* Barnett Rubin – Associate Director, Senior Fellow. http://cic.nyu.edu/people/barnett-rubin

низации допустили много оплошностей при выборе стратегий действия ввиду непонимания особенностей истории и культуры страны, неглубокого изучения сути афганского конфликта.

Зачастую проблема Афганистана рассматривается в отрыве от его связей с сопредельными странами, не придается большого значения потенциалу соседних государств в урегулировании ситуации в стране. В этой связи заслуживает внимания книга «The Regional Dimensions to Security: Other Sides of Afghanistan» [26] под редакцией экспертов швейцарского Центра исследований в области безопасности (Center for Security Studies) при Высшей технической школе Цюриха (ETH Zurich) А.Снетков и С.Арис. Издание включает в себя работы известных специалистов по Афганистану и соседним странам А.Калиновского, А.Сайкала, Ш.Грегори, М.Ларуэль, С.Пейруз и др. Авторы анализируют развитие отношений Афганистана и соседних государств с периода советского вторжения по 2013 г. Исследованы позиции, интересы и влияние Пакистана, Индии, Ирана, Китая и России на развитие ситуации в Афганистане. Изучены также обеспокоенность, позиции и угрозы безопасности странам Центральной Азии развитием событий в ИРА. В заключение ученые отмечают, что, несмотря на ясность пользы регионального решения афганской проблемы, пока не прослеживаются конкретные перспективы урегулирования этого конфликта. Разнонаправленность позиций и интересов региональных стран и негативное влияние внешних сил не позволяют добиться скорой стабилизации положения в Афганистане.

Еще один вклад в рассмотрение проблем ИРА сделали ученые Австралийского национального университета, выпустив издание «Afghanistan and Its Neighbors after the NATO Withdrawal» [27] под редакцией А.Сайкала и К.Нуржанова. В состав авторов сборника входят известные специалисты Ш.Акбарзаде, М.Кларк, К.Блер, Н.Шахрани, М.Сингх Рой, Н.Кассенова и др. Ученые сходятся во мнении, что запланированные сокращения численности войск НАТО в Афганистане в 2015 г. и окончательный их вывод в конце 2016 г. вызывают многочисленные вопросы относительно безопасности и обеспечения национальных интересов не только в Афганистане, но и в сопредельных странах. Хаотизация Афганистана и участившиеся победы талибов над афганскими силами безопасности вызывают серьезную озабоченность не только у соседей по региону Ирана, Пакистана и республик Центральной Азии, но и у Китая и Индии, имеющих тесные экономические связи с Афганистаном. Авторы исследуют российские, американские и европейские интересы и планы по борьбе с дестабилизацией Афганистана.

В сборнике подчеркивается, что неверная стратегия, выбранная для строительства нового афганского государства, привела к ухудшению положения в стране и нехватке легитимности правительства в Кабуле в глазах представителей провинций и местных властей. Успешное строительство государственных институтов в ИРА вкупе с политикой невмешательства внешних сил могут помочь в урегулировании конфликта в стране.

В 2000-е годы в российском научном и экспертном сообществе афганская проблема и ее влияние на безопасность Центральной Азии не были приоритетным направлением для изучения. Крупные российские фундаментальные исследования по этой теме практически отсутствуют, а редкие работы слабо обеспечены фактическим материалом. С трудом шел процесс появления нового поколения профессиональных исследователей по Афганистану и Центральной Азии. Большая часть работ имеет политико-ориентированный характер и не относится к глубоким научным исследованиям современных проблем Афганистана.

Российские фундаментальные исследования по тематике практически отсутствуют, а редкие образцы слабо обеспечены фактическим материалом.

Авторитетный российский эксперт В.Коргун в 2004 г. опубликовал монографию «История Афганистана. XX век» [28], содержащую описание и анализ крупнейших политических процессов и событий афганской истории XX в., оказавших влияние на судьбы народов Афганистана. Особое внимание уделено государственным, политическим и общественным деятелям, сыгравшим решающую роль в социально-политическом развитии страны. Автор детально и последовательно описывает все важные события в Афганистане в рассматриваемый исторический период.

По мнению В.Коргуна, борьба за власть между полевыми командирами, а также ставленниками различных политических сил в стране не только ослабляла структуры центральной власти, но и выводила на поверхность находившиеся до того в тени национальные противоречия. Речь шла не только о локальных столкновениях боевых отрядов различной этнической принадлежности, но и о складывающемся противостоянии этнических меньшинств страны пуштунскому большинству в национальном масштабе. Многие пуштунские лидеры не скрывали своего недовольства политическим доминированием «северян» во временной администрации.

Автор считает, что проблема восстановления Афганистана в немалой степени зависит от позиций и политики участников антитерро-

ристической коалиции, каждый из которых стремится играть в Афганистане свою роль и получить свою сферу влияния. На практике усилия разных стран в этом направлении зачастую напоминают вмешательство во внутренние дела Афганистана.

Другой достойной внимания работой В.Коргуна можно считать книгу «Россия и Афганистан: Исторические пути формирования образа России в Афганистане» [29], в которой приводится глубокий анализ исторических и современных отношений двух стран. Эксперт реалистично и критически оценивает имперскую, советскую и современную российскую политику в отношении ИРА. Автор убежден, что «на протяжении всей истории с начала XIX в. политика России (в последующем Советского Союза) в отношении южного соседа была достаточно агрессивной, когда она стремилась разными способами, вплоть до использования военной силы, навязать Афганистану не только свое влияние, но даже и свою модель развития» [30]. Кроме того, он констатирует, что «Афганистан в критические для него моменты истории оказывался лишенным реальной поддержки России, которая была ему обещана и на которую он возлагал немалые надежды» [31]. В.Коргун считает, что «на практике Россия остается аутсайдером в Афганистане, хотя и значится в списке участников многих крупных международных проектов», продолжая «рассматривать его находящимся на периферии своих интересов» [32].

В работе эксперта Института мировой экономики и международных отношений РАН Д.Малышевой «Центральноазиатский узел мировой политики» [33] подчеркивается, что афганский вектор объективно остается ключевым в ряду угроз безопасности для Центральной Азии. По ее мнению, проблема для региона заключается не в намерении талибов распространить зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики: их население этнически чуждо талибам, являющимся в массе своей пуштунскими националистами, и талибы не могут рассчитывать в Центральной Азии на понимание и поддержку. Основную опасность для региона представляют немногочисленные террористические группировки, укрывшиеся на территории Афганистана. Активизация военного фактора в Афганистане и соседнем Пакистане чревата вытеснением укрывшихся здесь боевиков из состава этнических узбеков и таджиков, которые в массовом порядке станут возвращаться на родину.

Д.Малышева считает, что в России есть понимание, что не удастся в одиночку или военной силой решить проблемы ИРА и Центральной Азии, необходимы коллективные усилия, чтобы побороть транснациональные преступные синдикаты, наркомафию, терроризм в ре-

лигиозном обличье, усилить центральную власть в государствах постсоветской Центральной Азии, укрепить границы и др. Раздробленная и перманентно нестабильная страна, в которой процветают теневая экономика и наркобизнес, все еще далека от возвращения к нормальной жизни: здесь так и не появились условия для инвестиций, нет потенциальных точек роста, и страна выживает только за счет западных доноров и их постоянных финансовых вливаний. Не удалось также уничтожить талибов как силу, способную реально противостоять США и их союзникам.

Интересное исследование провел молодой российский ученый, представитель МГИМО МИД РФ А.Сушенцов. В своей книге «Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах» [34] он обобщает опыт проведения США и их союзниками операций по смене режимов и последующему государственному строительству в Афганистане и Ираке в 2000–2010 гг. Автор рассматривает успехи и неудачи стратегии создания демократических институтов в традиционных исламских обществах на основе теорий конфликта, антипартизанской борьбы и нациестроительства.

На примере Афганистана и Ирака А.Сушенцов показывает политические и тактические сложности ведения антипартизанской борьбы. Местные правители способны ловко манипулировать оккупирующими державами, несмотря на зависимость от них в вопросах обеспечения материальными ресурсами и поддержания безопасности.

А.Сушенцов отмечает, что пускание «на самотек» процессов нациестроительства внешними державами чаще всего приводит к негативным последствиям – дисбалансу в распределении влиятельных постов среди политической элиты, захвату власти некомпетентными политиками и др. В то же время вмешательство в выборные и другие политические процессы, заключение закулисных сделок с предпочитаемыми местными фигурами создает зависимость внешних держав-наставников от своих ставленников, которые в определенный момент начинают собственную игру, противопоставляя себя силам «оккупантов», благодаря которым держатся у власти.

Несмотря на историческую, культурную и географическую близость Афганистана к странам региона, проблема конфликта в этой стране, пути ее разрешения, ее негативное влияние на безопасность и стабильность стран Центральной Азии остается пока не исследованной. Представителями экспертного и академического сообществ стран региона опубликовано множество аналитических докладов, статей и публицистических заметок по афганскому урегулированию. Однако

Ощущается острая нехватка фундаментальных трудов с региональным взглядом на обстановку в Афганистане.

по сей день ощущается острая нехватка фундаментальных научных трудов, отражающих региональный взгляд на обстановку в Афганистане, причины и последствия ее возникновения, а также, самое важное, методы ее умиротворения и устранения отрицательного воздействия на Центральную Азию. Отчасти это объясняется сложностями переходного периода, с которым столкнулись все государства региона после развала СССР. Необходимая перестройка системы подготовки научных кадров все еще находится на стадии реализации практически во всех странах Центральной Азии.

Среди казахстанских специалистов по проблемам региональной безопасности стоит выделить М.Лаумулина и К.Сыроежкина. В своей монографии «The Geopolitics of XXI Century in Central Asia» [35] М.Лаумулин рассматривает интересы США, РФ, Китая, Индии в Центральной Азии, а также угрозы безопасности региона из Афганистана. В качестве угроз он отмечает проникновение радикальных экстремистских группировок из ИРА – экспорт нестабильности, наркотрафик, геополитическое противостояние ведущих держав в Афганистане и его проецирование на регион.

В книге «Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы» [36] под редакцией К.Сыроежкина авторы постарались акцентировать внимание на факторах нестабильности, угрозах и вызовах безопасности, в том числе проистекающих под влиянием внешних сил и являющихся результатом «большой игры» в регионе. По словам экспертов, возможности государств Центральной Азии по противодействию угрозам и вызовам, возникающим из-за нестабильности в Афганистане, в большинстве довольно ограничены.

Другим казахстанским экспертом по Афганистану считается С.Акимбеков, выпустивший свою монографию «Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии» [37]. В ней исследована история страны с периода российско-британских соглашений по «буферному статусу» до начала военной операции США и сил международной коалиции на афганской территории. Автор считает преждевременными мнения, что афганская проблема может не приниматься во внимание в структуре региональной безопасности в Центральной Азии.

Среди кыргызских исследователей афганского вопроса можно отметить монографию А.Князева «Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.)» [38]. Эксперт изучает историю зарождения афганского кризиса, события после ввода совет-

ского контингента на афганскую территорию, а также процессы в Афганистане до начала американской операции в 2001 г. Отдельное внимание уделено анализу современной обстановки в Афганистане. Автор считает, что необходимо изменить систему строительства региональной безопасности в регионе, поскольку «изоляция от зоны афганского конфликта - как главный принцип региональной системы безопасности Центральной Азии - не оправдала себя уже в самом начале постсоветского периода».

В 2004 г. таджикский ученый К.Искандаров завершил свою докторскую диссертацию «Общественно-политические движения в Афганистане: 1945-2001» [39]. Он исследовал эволюцию деятельности общественно-политических движений Афганистана после Второй мировой войны. По мнению специалиста, на развитие общественно-политических движений сильное влияние оказывали социально-экономическая и политическая ситуации, этнонациональные, племенные и религиозные особенности афганского общества, а также господствовавшие морально-этические нормы (традиционный ислам, адат, пуштунвалай) и др. К.Искандаров подчеркивает, что значительным компонентом общественно-политического движения Афганистана стало формирование исламских организаций. Наряду с исламским движением, представляемым традиционным духовенством, начали формироваться новые фундаменталистские объединения. Он приходит к выводу, что партии и движения так и не смогли превратиться в главный компонент политической структуры страны.

С первых дней независимости Узбекистан в своей внешнеполитической стратегии придерживался фундаментального принципа установления мира и стабильности в ближайшем окружении, развития взаимовыгодного и конструктивного сотрудничества со всеми соседними государствами. В этих условиях Узбекистан столкнулся с серьёзными угрозами и вызовами национальной и региональной безопасности, исходящими из внутреннего конфликта в Афганистане.

Ряд отечественных ученых провели исследования различных аспектов афганского конфликта и его влияния на региональную безопасность. Среди них следует выделить исследование Ш.Акмалова «Проблема афганского урегулирования в современных пакистано-иранских отношениях» [40]. Он отмечает, что геополитические интересы Пакистана и Ирана обусловили их непосредственное и многоуровневое участие в событиях как в самом Афганистане, так и за его пределами. По его оценкам, именно афганский фактор стал главной причиной обострения двусторонних отношений и соперничества Исламабада и Тегерана во второй половине 1990-х годов. Несмотря на некото-

рое улучшение взаимодействия сторон в ИРА после 2001 г., ученый прогнозирует, что их многолетнее противостояние на афганской территории будет продолжено.

Н.Туляганова в своем исследовании «Афганский конфликт и его последствия в контексте становления новой системы безопасности в Центральной Азии» [41] дает подробный анализ развития ситуации в Афганистане с периода существования двухполюсной политической системы до ввода войск международной коалиции в страну и отстранения от власти в Кабуле движения «Талибан». По словам автора, афганская проблема имела непосредственное отношение к региональной безопасности, включая вопросы мира и стабильности, распространения идей терроризма. Особенность афганской проблемы, по мнению автора, заключалась в том, что она влияла не только на события внутри самого Афганистана, но и на события в региональном масштабе. Именно по этой причине она содержала в себе огромный компонент международной безопасности. Без достижения мира в Афганистане трудно было бы говорить об обеспечении безопасности и долгосрочной стабильности во всем обширном регионе.

Н.Туляганова убеждена, что после начала военной операции международной коалиции в Афганистане во главе с США в регионе сложилось неустойчивое равновесие политических сил, которые не являлись откровенно враждебными друг другу, однако вопрос взаимного противостояния интересов США, России, Ирана и Китая в Центральной Азии после осени 2001 г. стал более актуальным.

Особое место среди работ отечественных ученых занимает книга Р.Алимова «Центральная Азия: общность интересов» [42]. В ней автор дает развернутый анализ условий и предпосылок регионального сотрудничества, сложившегося геополитического баланса сил в регионе, а также ключевых вызовов и угроз региональной безопасности. В перечне угроз стабильности Центральной Азии особое внимание автор уделяет афганскому фактору. Он полагает, что военная кампания международных коалиционных сил в ИРА глубоко отразилась на ситуации безопасности в регионе. В результате трансформации афганского фактора в формирующейся системе региональной безопасности Центральной Азии открываются новые возможности для тесного экономического сотрудничества между Афганистаном и странами региона.

Проблема афганского конфликта, его влияния на региональную безопасность затронута в ряде других работ отечественных исследователей [43].

Проведенный анализ работ, в которых рассматривается проблема афганского конфликта, его влияния на региональную безопасность

Центральной Азии, дает возможность расширить понимание исторических предпосылок, роли внешних сил и отдельных политических деятелей, особенностей и сложностей в современной нестабильной ситуации в Афганистане. Написано большое количество трудов по истории Афганистана, этапам его развития учеными стран Запада, России, Центральной Азии и др. Однако по теме влияния дестабилизации ИРА на региональную безопасность Центральной Азии можно найти немного фундаментальных исследований. Данный вопрос широко освещается в публицистических изданиях, в докладах многих аналитических центров и научных статьях разных ученых, но монографий по данной теме, охватывающих весь массив различных аспектов указанной важной проблемы, издано крайне мало.

Сложность проблемы требует проведения фундаментальных исследований с особым уклоном на историю, традиции и ценности стран региона.

Как можно заметить, большая часть рассмотренных изданий по проблеме конфликта в Афганистане и его влияния на Центральную Азию ограничивается анализом ближайшего прошлого и современного положения в регионе. Однако сложность проблемы лежит в истории ИРА и всего региона, что требует проведения фундаментальных исследований с особым уклоном в историю, традиции и ценности населения стран региона. В то же время ощущается недостаток регионального взгляда на афганскую проблему, глубокого анализа современного влияния данной ситуации на Центральную Азию и перспективы ее развития.

Значительное снижение военного присутствия и сокращение финансирования контингентов США и западных стран в Афганистане демонстрируют постепенное уменьшение интересов этих государств к региону и смещение внешнеполитических приоритетов на другие регионы и международные проблемы. Данное обстоятельство напрямую влияет и на выделение ресурсов научным и аналитическим центрам на исследование проблем безопасности в ИРА и Центральной Азии. В этих условиях актуализируется изучение этого вопроса отечественным академическим и экспертным сообществами.

Литература

1. *Пластун В., Андрианов В.* Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М.: Русский биографический институт, 1998.

2. *Князев А.* История афганской войны 1990-х годов и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. – Бишкек, 2002.

3. *Коргун В.* Исламский экстремизм в Афганистане // Afghanistan.ru, 25.02.2008.

4. *Rashid Ahmed*. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. – Yale University Press, 2000.

5. *Saikal Amin and Maley William (eds.).* The Soviet Withdrawal from Afghanistan. – Cambridge University Press, 1989.

6. *Manz Beatrice F. (ed.).* Central Asia in Historical Perspective. – Westview Press, 1998.

7. *Cordovez Diego and Harrison Selig S*. Out of Afghanistan: the inside story of the Soviet withdrawal. – Oxford University Press, 1995.

8. *Cooley John K*. Unholy wars: Afghanistan, America, and international terrorism. – Pluto Press, 2000.

9. *Rashid Ahmed*. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism? – Oxford University Press, 1994.

10. *Rashid Ahmed*. Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia. – Yale University Press, 2000.

11. *Rubin Barnett R.* The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. – New Haven: Yale University Press, 1995.

12. *Rubin Barnett R*. The Search for Peace in Afghanistan: From Buffer State to Failed State. – New Haven: Yale University Press, 1995.

13. *Giustozzi Antonio*. War, politics and society in Afghanistan, 1978-1992. – Georgetown University Press, 2000.

14. *Пластун В., Андрианов В*. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М.: Русский биографический институт, 1998.

15. *Коргун В*. Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана, 1919-1999 гг. – М.: Институт востоковедения РАН, 2000.

16. *Арунова М*. Афганская политика США в 1945-1999 гг. (краткий очерк). – Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000.

17. *Allison R., Jonson L. (eds)*. Central Asian Security: the new international context. – Royal Institute of International Affairs, 2001.

18. *McCauley Martin*. Afghanistan and Central Asia: A Modern History. – London: Pearson Education, 2002.

19. *Saikal Amin*. Modern Afghanistan. A History of Struggle and Survival. – I. B. Tauris and Co. Ltd. 2004.

20. *Burghart Dan and Sabonis-Helf Theresa (eds.).* In the Tracks of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century. – National Defense University Center For Technology And National Security Policy, 2004.

21. *Dorronsoro Gilles.* Revolution Unending: Afghanistan, 1979 to the Present. – Columbia University Press, 2005.

22. *Fukuyama Francis (ed.).* Nation-Building: Beyond Afghanistan and Iraq. – The Johns Hopkins University Press, 2006.

23. *Jones Seth G.* In the graveyard of empires: America's war in Afghanistan. – W. W. Norton & Company Ltd., 2009.

24. *Barfield Thomas*. Afghanistan: A Cultural and Political History. – Princeton University Press, 2010.

25. *Rubin Barnett R*. Afghanistan from the Cold War through the War on Terror. – Oxford University Press, 2013.

26. *Snetkov Aglaya and Aris Stephen*. The Regional Dimensions to Security: Other Sides of Afghanistan. – Palgrave Macmillan, 2013.

27. *Saikal Amin and Nourzhanov Kirill (eds.).* Afghanistan and Its Neighbors after the NATO Withdrawal. – Lexington Books, 2016.

28. *Коргун В.* История Афганистана. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004.

29. *Коргун В.* Россия и Афганистан: Исторические пути формирования образа России в Афганистане. – Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.

30. Там же. С. 5–6.

31. Там же. С. 54.

32. Там же. С. 312–313.

33. *Малышева Д.* Центральноазиатский узел мировой политики. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.

34. *Сушенцов А.* Малые войны США: Политическая стратегия США в конфликтах в Афганистане и Ираке в 2000–2010-х годах. – Аспект Пресс, 2014.

35. *Laumulin M.* The Geopolitics of XXI Century in Central Asia. – Kazakhstan Institute for Strategic Studies, 2007.

36. *Сыроежкин К.* Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы. – КИСИ при Президенте РК, 2011.

37. *Акимбеков С.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. – Таймас Принтхаус (Алматы), 2003.

38. *Князев А.* Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX — начало XXI в.). – Душанбе: Дониш, 2004.

39. *Искандаров К.* Общественно-политические движения в Афганистане: 1945-2001: Автореферат дисс… докт. ист. наук. – Душанбе: Институт востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, 2004.

40. *Акмалов Ш.* Проблема афганского урегулирования в современных пакистано-иранских отношениях: Автореферат дисс… канд. полит. наук. – Ташкент: Ташкентский государственный институт востоковедения, 2002.

41. *Туляганова Н.У.* Афганский конфликт и его последствия в контексте становления новой системы безопасности в Центральной Азии: Автореферат дисс… докт. полит. наук. – Ташкент: УМЭД, 2006.

42. *Алимов Р.М.* Центральная Азия: общность интересов. – Ташкент: Шарк, 2005.; См. также: *Алимов Р.М.* Проблемы формирования новой архитектуры региональной безопасности в условиях глобализации (на примере Центральной Азии): Автореферат дисс… докт. полит. наук. – Ташкент: УМЭД-ВШСАП, 2006.

43. *Хасанов У.А.* Региональная безопасность и национальные интересы (ЦА регион). – М.: Вагриус, 2004.

Гафуров С. Хавфсизлик стратегияси: Марказий Осиё ва Форс кFрфази давлатлари амалиёти. – Ташкент: А.Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонасининг нашриёти, 2007.

Ибрагимова С. Международный терроризм как фактор угрозы безопасности Республики Узбекистан: Автореферат дисс… канд. полит. наук. – Ташкент: Ташкентский государственный институт востоковедения, 2006.

Саидолимов С. Формирование системы региональной безопасности в Центральной Азии: Автореферат дисс… канд. полит. наук. – Ташкент: Ташкентский государственный институт востоковедения, 2002.

От редколлегии. «Турбулентный характер» современной международно-политической системы, корректировка текущих, среднесрочных и долгосрочных задач внешней политики Республики Узбекистан выдвигают принципиально новые требования к уровню подготовки будущих дипломатов и специалистов-международников, в том числе профессиональных аналитиков. Необходим серьезный пересмотр учебных планов и программ УМЭД, углубление научных исследований с учетом крупномасштабных и долгосрочных процессов внешней политики. **Ключевая задача, стоящая перед профессорско-преподавательским составом, следующая: формирование у молодых исследователей панорамного, системного взгляда на новые реалии международных отношений XXI в. во всей их сложности и многомерности.** Редколлегия в полной мере осознает, что данная задача носит сложный комплексный характер, требует всестороннего обсуждения коллективом ученых и специалистов, преподавателей и методистов-практиков. Публикуя статью Э.Арипова и З.Каримовой, мы надеемся «сгенерировать» широкую профессиональную дискуссию по этой крайне актуальной проблеме.

Э.Арипов, З.Каримова

Развитие когнитивных способностей - ключевой фактор в подготовке высококвалифицированных аналитиков

За годы независимости в Республике Узбекистан сформировалась эффективная школа подготовки аналитиков, специализирующихся на вопросах международных отношений, безопасности страны, экономики, финансов. Она охватывает традиционные высшие учебные заве-

***Э. Арипов**, УМЭД. **З. Каримова,** Информационно-аналитический центр международных отношений при МИД РУз.*

дения (Университет мировой экономики и дипломатии, Ташкентский государственный экономический университет и др.) и специализированные образовательные учреждения (Академия государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, Банковско-финансовая академия и др.). В их учебную программу внедрены инновационные методы обучения, базирующиеся на передовом зарубежном опыте. Специалисты, получившие образование в вузах страны, активно вовлечены в решение важнейших вопросов государственного управления, потребность в них постоянно растёт.

Вместе с тем система формирования эффективной системы подготовки кадров для информационно-аналитической деятельности в различных сферах госуправления требует постоянного совершенствования, гибкой адаптации ко все более усложняющимся требованиям времени. Процессы, происходящие в современной общественно-политической, социально-экономической и культурно-гуманитарной сферах жизни страны, обуславливают острую необходимость выработки принципиально нового подхода к проблеме выявления и формирования интеллектуального и творческого потенциала личности.

Аналитика - это прежде всего мыслительный процесс. Даже самый высокий показатель *IQ* не гарантирует способность к аналитической работе.

Программы развития аналитических навыков, как правило, фокусируются на обучении базовым принципам работы с информацией, методам анализа, ознакомлении с основными этапами подготовки аналитических документов. К сожалению, зачастую главный акцент делается на форме, а не на содержании. В качестве основных критериев готовности аналитика к самостоятельной работе выдвигаются владение иностранными языками, навыки изложения, фактические экспертные знания, умение пользоваться электронными информационными ресурсами и т.д. Безусловно, все это играет важную роль для аналитической деятельности и разрабатываемых документов, однако **аналитика – это прежде всего мыслительный процесс**. Даже самый высокий показатель *IQ* студента не гарантирует его способность к аналитической работе. Ключевая роль здесь отводится инновационному мышлению и креативности, способности находить отдаленные ассоциации, сочетать традиционные и нетрадиционные взгляды, создавать оригинальные свежие идеи.

Как свидетельствуют результаты исследований, проводимых в ведущих научных центрах мира, определяющим условием успешной подготовки специалистов-аналитиков, в том числе международников, является внедрение в их процесс обучения новейших технологий и

методик, направленных на совершенствование *когнитивных способностей* человека [1]. Термин «когнитивный» происходит от лат. *cognoscere* – знать, узнавать, расследовать. В зависимости от контекста он может обозначать знание, убежденность, мыслительную способность, способность к изучению, сохранению знания и обмену им с другими. Когнитивные навыки или когнитивные способности означают, в какой степени человек в состоянии воспринимать знания и информацию, делать на их основе собственные выводы, формулировать предположения и гипотетические конструкции.

Широко распространено мнение, что восприятие – это пассивный процесс, т.е. человек фиксирует то, что происходит, но следует признать: *восприятие является явно активным, а не пассивным процессом, оно не только фиксирует «реальность», но и формирует ее.*

По мнению W. James, «нормальное функционирование сенсорных систем является необходимой, но недостаточной предпосылкой для того, чтобы из «яркого звучащего хаоса впечатлений» была сформирована целостная полимодальная картина мира» [2]. Процесс полноценного восприятия формируется во многом в результате познания окружающего мира. Таким образом, восприятие предполагает не только понимание, но и осознание. Это процесс логического вывода, на котором люди строят свою собственную версию реальности согласно информации, полученной через органы чувств.

Наше осознание реальности строится с помощью целого набора «ментальных моделей», т.е. определенных стереотипов понимания и ожиданий причинно-следственных связей происходящих событий. Эти модели формируются на основе жизненного опыта, образования, шкалы культурных ценностей, социального статуса. У аналитиков они складываются в процессе профессиональной деятельности. Их устойчивость обусловлена опытом, приобретенным методом постоянных проб и ошибок.

Как констатирует Richards J. Heuer в своем фундаментальном труде «Психология разведывательного анализа», заложившим основы современной методологической базы подготовки аналитиков для ЦРУ США, «ментальные модели» направляют формирование нашего восприятия и обработку новой информации. Если информация неполная и отрывочная, не хватает многих звеньев для конструирования целостной картины анализируемого события, аналитики начинают полагаться на убеждения и предположения, которые сформировались у них раньше, на прошлом опыте [3].

По мнению Р.Хойера, информация, вписывающаяся в устоявшееся мировоззрение, легко воспринимается и обрабатывается, еще боль-

ше подкрепляя убеждения. Информация, которая не согласуется с существующим мысленным образом, как правило, упускается из виду, воспринимается в искаженном виде или «подгоняется» под существующие предположения и мнения.

У каждого аналитика выработана своя система предположений и ожиданий, которая на подсознательном уровне определяет, что искать, какая информация важна и как ее интерпретировать. Зачастую ценные данные отвергаются в силу того, что не «встраиваются» в устоявшуюся «ментальную модель» [4]. Сигналы теряются в общем шуме [5]. Как следствие, аналитики часто удивляются, почему очевидные для них факты оказываются спорными для других.

Согласно данным американских исследователей, большинство провалов прогнозных оценок международной ситуации обусловлено провалом анализа, а не сбора фактологической информации. В 1941 г. аналитики США серьезно просчитались из-за своей убежденности в том, что Япония стремится любой ценой избежать войны, так как признает американское военное превосходство. В 1973 г. Израиль подвела убежденность в том, что арабские государства не начнут атаковать, пока не нарастят свои ВВС для эффективного контроля над воздушным пространством. Более свежий пример – испытание Индией ядерного оружия, которое стало сюрпризом для США. Американские эксперты были уверены, что из-за боязни экономических санкций индийское правительство откажется от тестов ОМУ [6].

Большинство провалов прогнозных оценок международной ситуации обусловлено провалом анализа, а не сбора фактологической информации.

Сформированная «ментальная модель» - это данность, она не может быть правильной или нет. Это сущность, квинтэссенция всего, что аналитик знает о рассматриваемом предмете. По сути, «ментальная модель» - это своеобразные линзы, через которые аналитик воспринимает окружающий мир. Однажды сформировавшись, эти «линзы» крайне сложно изменить, они сопротивляются любым попыткам их скорректировать; это означает, что работа над повышением качества аналитического процесса должна начинаться с четкого понимания сильных и слабых сторон первичного аналитического механизма – человеческого ума и того, как в нем обрабатывается информация. Главная проблема в подготовке аналитических кадров заключается в том, как обеспечить их «открытое» восприятие альтернативных интерпретаций происходящих событий в быстро меняющемся мире. Сделать это можно только путем обучения аналити-

ков методам выявления «умственных препятствий», устранения их влияния на аналитические выводы.

Работа над повышением качества аналитического процесса должна начинаться с четкого понимания сильных и слабых сторон первичного аналитического механизма – человеческого ума.

Во многих странах мира уже накоплен опыт совершенствования когнитивных способностей человека*. Разработанная в этих целях научно-методологическая база имеет весьма широкий спектр применения для нужд кадрового обеспечения системы госуправления. Ее адаптация к потребностям и актуальным задачам подготовки специалистов-аналитиков Узбекистана позволит в разы повысить отдачу от предпринимаемых усилий в данной сфере.

В то же время внедрение в обучение разовых специализированных курсов или тренингов повышения квалификации в сфере подготовки аналитических кадров не дадут «качественного рывка». Требуется комплексный подход, который должен охватить систему высшего образования.

Как считает Ю.Никитина, ведущая в МГИМО курс **«Стратегия научного дискурса в анализе международно-экономических явлений»,** еще школьников важно отучить воспринимать получаемую от преподавателя информацию как раз и навсегда установленную истину [7]. В социально-гуманитарных науках может быть несколько конкурирующих объяснений одних и тех же феноменов. Однако предлагаемые школьникам и студентам формы проверки знаний — контрольные работы, тесты, вопросы к экзаменам — предполагают более или менее однозначные ответы, что, несомненно, облегчает задачу оценивающего. Но это не соответствует тем профессиональным задачам, с которыми придется столкнуться будущим аналитикам.

Студентов необходимо учить работать с информацией, а не заучивать и воспроизводить ее. К сожалению, пока этого достаточно для успешной сдачи квалификационных экзаменов.

На наш взгляд, в разработке учебных программ, в том числе для социально-гуманитарных дисциплин, надо решительно отказываться от лекционных занятий, на которых студентов «пичкают» различны-

* Центр психологии способностей, компетентности и мастерства в Йельском университете, США; Агентство передовых исследований в сфере разведки, США; Лаборатория тренировки когнитивных способностей при Сиднейском университете, Австралия; Международное общество исследований интеллекта, США; Международная лаборатория междисциплинарных исследований индивидуальных различий в обучении (InLab), Колледж Голдсмитс Лондонского Университета, Великобритания и др.

ми теориями, фактами, историческими аналогиями. Знакомиться с ними студенты должны, но не на лекциях, а самостоятельно. Намного важнее использовать выделенные лекционные часы для того, чтобы научить студентов вести поиск нужной информации, критически ее оценивать, выявлять несоответствия, противоречия, предлагать способы их преодоления. Только такой системный подход позволит создать благоприятные условия для «взращивания» профессиональных аналитиков, чья роль в решении важнейших государственных задач в силу понятных объективных причин с каждым годом будет все больше возрастать.

Литература

1. *De Rivera J*. The Psychological Dimension of Foreign Policy. - Columbus, OH: Merrill, 1968; *George A. and Smoke R*. Deterrence in American Foreign Policy. - NY: Columbia University Press, 1974; *Jervis R.* Perception and Misperception in International politics. - Princeton NJ: Princeton University Press, 1976; *Brady Ch*. Intelligence Failures: Plus Ca Change... // Intelligence and National Security, Vol. 8, № 4, October 1993.

2. *James W*. The principles of psychology. Vol. 1. – New York: Dover Publications, 1950.

3. *Richards J., Heuer Jr.* Psychology of Intelligence Analysis. – Center for the Study of Intelligence, Central Intelligence Agency, 1999. https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/psychology-of-intelligence-analysis/PsychofIntelNew.pdf

4. *Brady Ch.* Intelligence Failures: Plus Ca Change... // Intelligence and National Security. Vol. 8, № 4. October 1993.

5. *Wohlstetter R*. Pearl Harbor: Warning and Decision. – Stanford University Press, 1962; *Wohlstetter R*. Cuba and Pearl Harbor: Hindsight and Foresight // Foreign Affairs. Vol. 43, № 4. July 1965.

6. *Richards J. Heuer*. Cit. op. P. 74.

7. Формирование навыков критического анализа: как это преподается в МГИМО. 08.02.2010. http://mgimo.ru/about/news/main/142011/

Тимур Абдуллаев

О состоянии центральноазиатских исследований в США

Академическое исследование современной Центральной Азии, системное осмысление процессов построения демократического государства, гражданского общества, становления основ рыночной экономики, социального и культурного развития в странах региона осуществляются в рамках *центральноазиатских исследований (Central Asian studies)*. Формирование в социально-гуманитарных науках подобного отдельного направления началось еще в XIX столетии, когда регион Центральной Азии стал предметом систематического изучения, проводимого многочисленными британскими и российскими экспедициями, куда входили агенты, солдаты и ученые. После окончания Второй мировой войны и вплоть до распада Советского Союза Центральная Азия рассматривалась в качестве составной части *советологии (Sovietology)*.

Центральная Азия оставалась на периферии исследований не только в рамках советологии, но и развития теории общественных наук. Знания о природе центральноазиатских народов носили фрагментарный характер. Исследования имели задачу изучать государственные институты советского периода и политику Москвы в отношении Центральной Азии, а также само отношение обществ этого региона к советской власти.

С распадом Советского Союза в 1991 г. появилась возможность пересмотра прошлого, анализа настоящего и предвидения будущего

Тимур Абдуллаев, *старший научный сотрудник - исследователь УМЭД.*

С XIX столетия благодаря многочисленным экспедициям регион Центральной Азии стал предметом систематического изучения.

региона. Появление в регионе Центральной Азии новых стран обострило интерес к нему у мирового научного и экспертного сообщества, в т.ч. и США. Это, в свою очередь, послужило объективной причиной возрастания спроса на центральноазиатских исследователей, поскольку американское политическое руководство столкнулось с необходимостью принятия решений в сфере, ранее не фигурировавшей в традиционном наборе международных проблем. В этот период экспертно-научное сообщество США сосредоточилось на изучении идентичности, межнационального согласия и этнических особенностей, угроз религиозного экстремизма и фундаментализма, демократических реформ, безопасности, внешней политики и др.

Знакомство с обширным материалом данного периода дает возможность констатировать, что американские специалисты по региону Центральной Азии понимали, что новые государства не были готовы к независимости, так как они не имели жизнеспособной экономики, эффективной системы государственного управления и идеологии, способной консолидировать общество в новых условиях. Руководству каждой страны пришлось решать задачи по созданию новых государственных институтов и легитимности. Советское наследие одновременно ускоряло, но в то же время усложняло эту задачу.

В начале 1990-х годов на Западе преобладало мнение о том, что регион впадет в стадию поиска досоветской идентичности, а это может приобрести характер клановых противостояний и развития исламского фундаментализма, или же кардинального отклонения от советского наследия – в форме национализма и межэтнической конфронтации. Но эти и другие предположения, сулившие неблагоприятные сценарии развития, не оправдались. Регион относительно мирно и стабильно пережил переходный период (за исключением Таджикистана).

Исследование социально-политических процессов, экономического развития и геополитической ситуации в постсоветской Центральной Азии, в том числе в Узбекистане, получило новый импульс после событий 11 сентября 2001 г. Активная вовлеченность США в решение афганского конфликта определила роль Центральной Азии в качестве важнейшего региона для американских академических и аналитических кругов.

Таким образом, изменение мировой политической системы в конце XX в. привело к переформатированию учебных и исследовательс-

ких программ в ведущих учебно-научных заведениях США, теперь уже с отдельным акцентом на регион Центральной Азии.

Одним из первых учебно-научных учреждений, начавших изучение региона Центральной Азии, стал ***Индианский университет в Блумингтоне***. Еще в начале 1940-х годов на базе этого университета возник Центр уральских и алтайских исследований, ставший крупнейшим востоковедческим институтом в США. В 1993 г. этот центр был реорганизован в качестве кафедры *"Центрально-Евразийские исследования"*, где через призму истории и современности на основе системного подхода изучаются история, антропология, лингвистика, культура, искусство, фольклор, религия, экономика, политология и государственное управление стран региона [1]. Кроме того, в университете действует *Ресурсный центр внутриазиатских исследований и изучения уральских народностей* [2] и *Центральноазиатский языковой центр* [3].

К моменту распада СССР наиболее авторитетными специалистами по Узбекистану считались профессор Индианского университета Уильям Фриман и политолог Джеймс Критчлоу. Последний опубликовал в начале 1990-х годов ряд работ, в которых пытался анализировать развитие нашей республики и прогнозировать ее дальнейшую эволюцию. В 1991 г. увидела свет его монография "Национализм в Узбекистане" [4], в которой американский политолог утверждал, что Узбекистан еще в советское время начал полным ходом эволюционировать в сторону формирования "государства-нации". У.Фриман в том же году издал аналогичное по концептуальной направленности исследование "Языковое планирование и национальное развитие в Узбекистане" [5].

Другим крупным учреждением, специализирующимся на проблемах Центральной Азии, стал ***Центр российских и евразийских исследований им. Дэвиса при Гарвардском университете*** [6]. Это интеллектуальный центр, который стремится генерировать оригинальные программы изучения государств постсоветского пространства. Центр предлагает уникальные учебные курсы по осмыслению внутренних и внешних аспектов развития стран Центральной Азии. В центре формируется сообщество ученых, обладающих богатым опытом и знаниями относительно происходящих в странах региона процессов политической трансформации, социально-экономического, культурного и этнопсихологического развития, адаптации к условиям глобализации [7].

Школа перспективных международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джонса Хопкинса и ***Сток-***

Группа исследователей, возглавляемая *Фредериком Старром*, директором Института Центральной Азии и Кавказа, занимается фундаментальными и прикладными исследованиями по множеству социальных и гуманитарных дисциплин с участием крупнейших специалистов.

гольмский Институт безопасности и политических разработок в 1996 г. основали уникальный трансатлантический исследовательский проект – *"Институт Центральной Азии и Кавказа"*, а в 2002 г. – *"Программа Великий Шелковый путь"* [8]. Созданный для изучения Центральной Евразии, охватывающей территории бывших советских республик Центральной Азии и Кавказа, а также примыкающие к ним районы России, Китая, Монголии, государств Среднего Востока и Южной Азии, центр стал одним из ведущих на Западе центров, существенно влияя на формирование политики США в этой части мира.

Группа исследователей, возглавляемая *Фредериком Старром*, директором Института Центральной Азии и Кавказа, занимается фундаментальными и прикладными исследованиями по множеству социальных и гуманитарных дисциплин с участием крупнейших специалистов. В рамках проекта готовятся научные публикации и разработки в академических и политических целях. На основе результатов изысканий Центр издает серию ситуационных материалов и сборников, отчетов, бюллетеней и дайджестов, тематика и проблематика которых включает такие актуальные вопросы, как влияние ислама на стабильность в Центральной Азии, пути решения афганского конфликта, вопросы миграции, политика России в регионе, политические партии и парламентаризм, формирование среднего класса в центральноазиатских странах и др. [9].

Выходит журнал *"The Central Asia-Caucasus Analyst"*, который призван освещать происходящие события. Особое значение придается аналитическим запискам и отчетам полевых исследований [10].

На регулярной основе центр организует научно-практические мероприятия (форумы и конференции), цель которых – держать регион Центральной Азии в поле зрения американских политиков и ученых, осуществлять постоянный обмен результатами разработок авторитетных экспертов.

Одновременно Центр на базе Школы перспективных международных исследований им. Пола Нитце при Университете Джонса Хопкинса готовит регионоведов и других специалистов по региону Центральной Азии. Следует отметить, что Центр зарекомендовал себя в качестве ведущего "интеллектуального хаба" по центральноазиатской

истории, политике, экономике и культуре, обладая богатым ресурсным и библиотечным фондом.

В ***Школе международных отношений им. Элиота при Университете Джорджа Вашингтона*** действует *Программа изучения Центральной Азии*, которая сосредоточена на научных разработках с акцентом на политическое развитие, экономику, социальную антропологию и безопасность [11]. В рамках программы изучаются проблемы и угрозы внутреннего и внешнего характера, вопросы эффективного управления энергоресурсами и устойчивости (водные ресурсы, окружающая среда, изменения климата), государственного строительства, населения (демография, здравоохранение, миграция, безопасность человека), региональная среда, роль мировых держав и региональные отношения.

Ежеквартально издается журнал *"Central Asian Affairs"*, где освещаются академические дискуссии относительно современных процессов в государствах региона. Программой запущена *"Аналитическая сеть Центральная Азия"* – интегрированная платформа, созданная для расширения доступа к информации по всему Центральноазиатскому региону, а также к комплексным аналитическим материалам. Платформа предоставляет фактическую информацию, касающуюся внутренней и глобальной политики последних десятилетий, она объединяет профессиональных журналистов, блоггеров, экспертов и исследователей [12].

Под редакцией директора программы Марлен Ларюэль был подготовлен ряд монографических исследований по центральноазиатской проблематике [13]. Например, "Центральная Азия: индийское восприятие и стратегии", в которой М. Ларюэль пытается объяснить историческую взаимосвязь и взаимозависимость регионов Южной Азии и Центральной Азии, рассматривая их как ключевые в судьбе Евразии. В работе "Глобализирующая Центральная Азия: геополитика и проблемы экономического развития" М. Ларюэль анализирует политический ландшафт республик Центральной Азии, обращаясь к геостратегической интерпретации разворачивающихся событий в регионе и прибегая к геоэкономическому ракурсу в осмыслении внутренней динамики, при этом широко интерпретируя роль Центральной Азии в современной мировой политике.

Ведущее место среди академических учреждений, разрабатывающих проблемы современного развития государств Центральной Азии, принадлежит ***Институту Гарримана при Колумбийском университете в Нью-Йорке***. Его сотрудники внесли весомый вклад в развитие исследовательских направлений по центральноазиатской

тематике, занимая важное место в государственном аппарате. К примеру, в различные периоды в институте работали экс-глава Совета по национальной безопасности США *Збигнев Бжезинский*, бывший посол в России и ведущий специалист по постсоветскому региону *Джек Матлок*, бывший государственный секретарь США *Мадлен Олбрайт* и др. [14]

В Институте Гарримана действует *Программа по изучению Центральной Азии*, которая специализируется, помимо лингвистики и литературы, также на истории, ключевых национальных и региональных трендах, экономическом развитии, политической модернизации и др. [15]. Раз в полгода здесь издается журнал *"Harriman Magazine"*, где публикуют материалы специалистов, сфера научных интересов которых охватывает регион Центральной Азии.

Кроме этого, эксперты готовят публикации в виде книг, монографий, годовых отчетов и аналитических статей. Среди известных работ следует отметить монографию директора Института Гарримана, ведущего эксперта по Центральной Азии Александра Кули "Большие игры, местные правила: новое соперничество великих держав в Центральной Азии". В ней автор рассматривает динамику конкуренции США, России и Китая в регионе после событий 11 сентября 2001 г., а также взаимодействие центральноазиатских республик в этих условиях [16].

Институт славянских, восточноевропейских и евразийских исследований при Калифорнийском университете в Беркли также проявляет интерес к региону Центральной Азии [17]. Основываясь на методологии и теории междисциплинарного подхода, в нем готовят специалистов по истории, культурологии и лингвистике, разрабатывают программы и дают публикации инновационного характера по внутриполитической ситуации, экономическому развитию и социальной динамике государств Центральной Азии. С 1995 по 2006 г. эксперты института издавали информационный бюллетень "The Caucasus and Central Asia Newsletter" [18], где затрагивали вопросы идентичности и межнационального согласия, этнопсихологии, проблемы внешней политики, национальной и региональной безопасности [19].

Известным учреждением по изучению новейшей истории стран Центральной Азии стал ***Центр по изучению России, Восточной Европы и Евразии при Стэнфордском университете*** [20]. В нем готовят международников, историков, этнологов, политологов, регионоведов по Центральной Азии. Одна из групп занимается исследованием политической и экономической трансформации стран

региона, процессами государственного строительства, безопасности и устойчивого развития, идентичности и т.д. Следует отметить, что при участии ведущих экспертов Стэнфордского университета и Калифорнийского университета в Беркли проводятся ежегодные конференции по Центральноазиатскому региону.

Центр евразийских, российских и восточноевропейских исследований при Дипломатической школе им. Эдмунда Уолша Джорджтаунского университета считается одним из ведущих образовательных и научно-исследовательских институтов в США, где работают высококлассные специалисты по Центральной Азии [21]. Запущены программы по осмыслению и глубокому пониманию истории, внутренней и внешней политики, экономики и культуры центральноазиатских стран. Более того, собран богатейший фонд научной литературы и информационных ресурсов по региону. Академическая общественность Центра проводит серии семинаров, лекций, "круглых столов", кинопоказов, симпозиумов и конференций.

Еще в 2002 г. специалисты ***Чикагского университета***, представляющие различные дисциплины, учредили ***Комитет по центральноевразийским исследованиям***. В связи с появлением новых республик в Центральной Азии и ростом их активности в системе международных отношений расширился интерес ученых Чикагского университета к этому региону. Комитет призван развивать фундаментальное понимание, языковые знания и аналитические навыки в изучении региона, в том числе создает благоприятные условия для продуктивных дискуссий и изысканий [22].

Вместе с тем положение дел в Центральноазиатском регионе становится объектом тщательного изучения ряда аналитических структур США. Среди "мозговых бункеров" США ведущее место принадлежит ***RAND Corporation***, которая является некоммерческой организацией и ведущим стратегическим исследовательским центром. Его цель – содействие научной, образовательной и благотворительной деятельности в интересах общественного благополучия и безопасности США, разработка и выявление новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций. Общая тематика исследований RAND затрагивает такие сферы, как международные отношения и развитие, военная безопасность, энергоресурсы, наука и образование, здравоохранение, окружающая среда [23].

Ключевая роль в структуре RAND отводится *Центру по России и Евразии* [24]. Этот проект объединяет усилия известных и влиятельных экспертов, призванных раскрыть процессы внутреннего развития и трансформации, экономической динамики, проблемы безопасности

и внешнеполитической обстановки на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии. Для большего понимания состояния стран Центральной Азии и большей эффективности политики США в этом регионе специалисты используют междисциплинарные инструментарии. Ведущими экспертами по региону стали Ольга Оликер, Грэхем Фуллер, Стефан Ларраби, Джакобо Балласио, Дженнифер Морони, Эрик Робинсон и др. [25].

С момента создания Совет по международным отношениям получил поддержку печатного издания "Foreign Affairs", признанного самым престижным и влиятельным по публикациям в области международных отношений. В этом журнале появляются программные статьи, зачастую выражающие официальную внешнеполитическую линию Вашингтона.

Еще одним крупным аналитическим учреждением стал ***Brookings Institution***, направления аналитики которого охватывают тематику международных отношений, экономики, социального развития, госуправления, вопросы оборонной политики и безопасности и др. [26]. Группа аналитиков Brookings Institution, среди которых Йоханнес Линн, Павел Баев, Фиона Хилл, Роберта Коен, Тим Боерсма и др., занимается комплексным анализом внутренних процессов в странах Центральной Азии [27].

Проблемы регионального развития и безопасности Центральной Азии изучают в еще одном "мозговом центре" – ***Совете по международным отношениям***. Совет является внепартийной членской организацией, ведущим исследовательским центром и издательством, где изучают вопросы международной повестки дня, динамику глобального развития, мировую систему, внешнюю политику, безопасность и национальные интересы США в ключевых регионах мира. Ведущие специалисты по странам Центральной Азии – Роберт Блэквилл и Стивен Сестанович [28]. С момента создания Совет получил поддержку печатного издания "Foreign Affairs", признанного самым престижным и влиятельным в мире по публикациям в области международных отношений. В этом журнале появляются программные статьи, зачастую выражающие официальную внешнеполитическую линию Вашингтона.

В ***Центре стратегических и межрегиональных исследований***, который является независимым, частным, внепартийным научно-исследовательским институтом в области безопасности, глобального управления и международных процессов, разрабатываются программы по вопросам экономического роста, энергетической и экологи-

ческой политики, госуправления, а также развития науки и техники. В нем действует Программа "Россия и Евразия" [29], охватывающая темы региональной безопасности и обороны, экономического развития, внедрения высоких технологий, использования энергоресурсов и т.д. Ведущими экспертами по государствам Центральной Азии являются Эндрю Качинс, Джеффри Манкофф, Пол Шварц, Стефан Бенсон и др. [30].

Фонд Наследия – научно-аналитическая структура, в задачи которой входят формулирование и развитие консервативной государственной политики, основанной на традиционных американских ценностях и сильной национальной обороне. Фонд осуществляет системный анализ актуальных проблем национального и мирового развития, вырабатывает варианты решения этих проблем. Результаты исследований направляются в Конгресс, органы исполнительной власти, СМИ и другие организации [31]. Так, специалисты Института национальной безопасности и внешней политики имени Дэвиса (следует особо отметить Ариеля Коэна) ведут разработки относительно геополитической ситуации и экономических возможностей в странах Центральноазиатского региона.

Одним из первых экспертно-аналитических центров в области международных отношений, созданных в США, стал ***Фонд Карнеги за международный мир***. Фонд считается частной некоммерческой научно-исследовательской организацией, приверженной принципам объективности и многостороннего научного подхода [32]. Анализом внутриполитической ситуации, ходом развития геополитической обстановки в регионе Центральной Азии занимаются такие крупные специалисты, как Джеймс Коллинс, Юджин Румер, Эндрю Вейсс, Байрам Балчи и Пол Стронски. Эксперты Фонда Карнеги разрабатывают научно-аналитические публикации в форме отчетов, эссе и статей, сборников и монографий. Например, в 2002 г. Ю.Ремер в своей программной статье "Реванш Флэшмена" озвучил новое видение роли США в Центральноазиатском регионе, при этом призывал к оформлению четкой доктрины в отношении региона в условиях усложняющейся геополитической среды [33].

Эмпирические и теоретические исследования стран Центральной Азии вывели регион из маргинальной плоскости политического, экономического и социального анализа в мейнстрим.

Особое место в экспертно-аналитическом сегменте США занимает ***Джеймстаунский фонд***. Основанный в 1984 г. в качестве неправительственной исследовательской организации, Фонд уделя-

ет особое внимание изучению сложных внутриполитических, социально-экономических, культурных процессов в регионе Центральной Азии. Цель исследований – добиться большего осведомления американской научной и политической общественности о происходящих трендах в этом регионе [34].

Таким образом, можно сделать вывод, что эмпирические и теоретические исследования стран Центральной Азии вывели регион из маргинальной плоскости политического, экономического и социального анализа в мейнстрим. Даже беглый обзор ключевых американских учебно-научных и аналитических центров свидетельствует об интересе США к региону. В связи с этим одна из задач отечественных международников состоит в постоянном отслеживании основных научно-исследовательских проектов, изучении публикаций и аналитических материалов, издаваемых в США, а также выражению своей реакции и точек зрения по ним.

Литература

1. The Department of Central Eurasian Studies, Indiana University // http://www.indiana.edu/~ceus/index.shtml.

2. Inner Asian and Uralic National Resource Center, School of Global and International Studies // http://www.indiana.edu/~iaunrc/about.

3. Center for Languages of the Central Asian Regions, School of Global and International Studies // http://iub.edu/~celcar/main.php.

4. *Critchlow J.* Nationalism in Uzbekistan: A Soviet Republics Road to Sovereignty. - Boulder (CO): Westreview Press, 1991.

5. *Fierman W.* Language Planning and National development: the Uzbek Case. - Berlin, NY: Walter de Gruyter, 1991.

6. Davis Center for Russian and Eurasian Studies, Harvard University // http://daviscenter.fas.harvard.edu/about-us.

7. См.: The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence/ Ithaca. – NY: Cornell University Press, 2004; *Jones Luong P.* Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. - NY: Cambridge University Press, 2008; *Koch N.* Security and Gendered National Identity in Uzbekistan // Gender, Place, and Culture: Journal of Feminist Geography, 2011. №18 (4). P. 499-518; *Simons T.W.* Eurasias New Frontiers: Young States, Old Societies, Open Futures. - Ithaca: Cornell UP, 2008.

8. The Central Asia-Caucasus Institute and the Silk Road Studies Program // http://ww.silkroadstudies.org/aboutsilk-road-studies-program.html.

9. См.: *Laruelle M.* Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian «Russia's Central Asia Policy and the Role of Russian Nationalism» // Silk Road

Paper, 2008. April; *Marat E.* Labor Migration in Central Asia: Implications of the Global Economic Crisis // Silk Road Paper, 2009. May; *Starr F., Kuchins A.* The Key to Success in Afghanistan: A Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper, 2010. May; *Abramson D.* Foreign Religious Education and Central Asian Islamic Revival: Impact and Prospects for Stability // Silk Road Paper, 2010.

10. The Central Asia-Caucasus Analyst // http:// www.cacianalyst.org/.

11. The Central Asia Program, Elliott School of International Affairs, The George Washington University // http://centralasiaprogram.org/.

12. Central Asian Analytical Network // http://caanetwork.org/about-us/.

13. См.: *Laruelle M., Peyrouse S.* Mapping Central Asia: Indian Perceptions and Strategies. - Burlington: Ashgate Publishing Company, 2011; *Laruelle M., Peyrouse S.* Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. - NY: Routledge, 2013.

14. Harriman Institute at Columbia University //http://harriman.columbia.edu/about-us.

15. Central Asian Studies Programme // http://harriman.columbia.edu/programs/central-asian-studies.

16. *Cooley A.* Great Games, Local Rules: The New Great Power Contest in Central Asia. - NY: Oxford University Press, 2012.

17. The Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies serves as the focal point at the University of California at Berkeley // http://iseees.berkeley.edu/history.

18. The Caucasus and Central Asia Newsletter // http://iseees.berkeley.edu/ccasp_archive.

19. См.: *Lapidus G.W.* Central Asia in Russian and American Foreign Policy after September 11, 2001 // http://iseees.berkeley.edu/bps/caucasus/articles/lapidus_2001-1029.pdf; *Edgar A.L.* Identities, Communities, and Nations in Central Asia: A Historical Perspective // http://iseees.berkeley.edu/articles/edgar_2001-1029.pdf.

20. The Center for Russian, East European and Eurasian Studies, Stanford University // https://creees.stanford.edu/content/about.

21. The Center for Eurasian, Russian and East European Studies; *Edmund A.* Walsh School of Foreign Service. – Georgetown University // http://ceres.georgetown.edu/about.

22. Committee on Central Eurasian Studies, Chicago University // http://centraleurasia.uchicago.edu/about/.

23. Rand Corporation // http://www.rand.org/about/history.html.

24. Center for Russia and Eurasia // http://www.rand.org/international/cre.html.

25. См.: *Oliker O., Shlapak D.A.* U.S. Interests in Central Asia Policy Priorities and Military Roles // http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/monographs/2005/RAND_MG338.sum.pdf; *Fuller G.E.* Central Asia: The New Geopolitics // http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2007/R4219.pdf; *Kedzie C.R.* Stumbling Blocks and Stepping Stones: The Crossing From Soviet Domination to Self Rule in the Republics of Central Asia // http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2009/P7866.pdf; *Scobell A., Ratner E., Beckley M.* Chinas Strategy Toward South and Central Asia: An Empty

Fortress // http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR500/RR525/RAND_RR525.pdf.

26. Brookings Institution // www.brookings.edu/research/topics/central-asia.

27. См.: *Linn J.F.* Central Asia: The Core of the Eurasian Super-Continent // http://www.brookings.edu/research/ interviews/2007/07/02sustainable development-linn; *Linn J.F.* Central Asia: A New Hub of Global Integration // http://www.brookings.edu/research/articles/2007/11/29-centralasia-linn; *Linn J.F.* The Compound Water-Energy-Food Crisis Risks in Central Asia: Update on an International Response // http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/08/12-central-asia-linn; *Linn J.F., Olcott M.B.* Turmoil in Central Asia // http://www.brookings.edu/research/opinions/2008/08/12-central-asia-turmoil-linn; *Linn J.F.* Connecting Central Asia with the World // http://www.brookings.edu/research/papers/2009/02/02-centralasia-linn; *Linn J.F.* Protection Against Severe Earthquake Risks in Central Asia // http://www.brookings.edu/research/opinions/2010/03/23-central-asia-linn; *Shen S.* Qualitative Energy Diplomacy in Central Asia: A Comparative Analysis of the Policies of the United States, Russia and China // http://www.brookings.edu/~/media/research/files/papers/2011/5/04-us-russia-china-shen/04_us_russia_china_shen.pdf; *Ferris E.* Natural Disasters in Central Asia: Thousands Yearly but Little Response Capacity // http://www.brookings.edu/blogs/up-front/posts/2012/05/31-kyrgyzstan-blog-ferris; *Linn J.F.* Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality or Mirage? // http://www.brookings.edu/~/media/research/files/papers/2012/10/regional-integration-and-cooperationlinn/10-regional-integration-and-cooperation-linn.pdf.

28. Council on Foreign Relations // http://www.cfr.org/about/.

29. Russia and Eurasia Program // Center for Strategic and International Studies // http://csis.org/program/russiaand-eurasia-program.

30. См.: *Kuchins A.C., Kourmanova A. A* Vision for Shared Prosperity in Central Asia // http://csis.org/publication/visionshared-prosperity-central-asia; *Kuchins A.C., Mankoff J.* Central Asia in a Reconnecting Eurasia // http://csis.org/files/publication/150507_Kuchins_CentralAsiaSummaryReport_Web.pdf; *Kuchins A.C., Mankoff J., Kourmanova A., Backes O.* Central Asia in a Reconnecting Eurasia Uzbekistan // http://csis.org/files/publication/150612_Kuchins_Central AsiaUzbekistan_Web.pdf; *Mankoff J.* The United States and Central Asia after 2014 // http://csis.org/files/ publication/130122_Mankoff_USCentralAsia_Web.pdf.

31. Heritage Foundation // http://www.heritage.org/about.

32. Carnegie Endowment for International Peace // http://carnegieendowment.org/about/

33. *Rumer E.* Flashman's Revenge: Central Asia after September 11 // Strategic Forum, 2002. - Dec. - №195. - P. 1-8.

34. The Jamestown Foundation // http:// www.jamestown.org/centralasia/
.

У. Насыров, К. Кустов

Глобализация как противоречивый процесс: теоретико-методологические аспекты

Термин «глобализация», введенный в обиход еще 40 лет тому назад, с 80-х годов XX в. стал широко использоваться учеными, специалистами, политиками, общественными деятелями и СМИ, что во многом обусловлено распадом биполярного мирового порядка. Однако пока ученые и эксперты так и не смогли прийти к общепризнанному определению данного термина, до сих пор в научном сообществе нет единства взглядов относительно самого процесса глобализации [1].

Вместе с тем среди исследователей сформировалась общая позиция относительно того, что к новому тысячелетию глобализация приобрела беспрецедентный, необратимый и всепроникающий характер, что влияет на мировую экономику и политику. Более того, ее опасные формы и масштабы запускают процессы, способствующие формированию предпосылок для фрагментации мира по ценностно-идеологическим и культурно-цивилизационным ориентирам.

Многомерный феномен глобализации стал одним из системных факторов, определяющих динамику развития сложных процессов и структурных изменений в системе мирохозяйственных и международно-политических отношений, трансформаций в расстановке геополитических сил и будущее всего мирового порядка.

Тенденции глобализации, с одной стороны, создавали благоприятные возможности для устойчивого развития государств, открывая

***У. Насыров**, ведущий научный сотрудник Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан,*
***К. Кустов**, ведущий научный сотрудник Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан.*

доступ к иностранным инвестициям и финансовым ресурсам, передовым промышленным и информационным технологиям, а также перспективным рынкам, способствуя интеграции стран в мировую экономику. С другой стороны, как отмечал Первый Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов, необходимо «... научиться ясно представлять те проблемы, которые, очевидно, еще долго будут оставаться в числе приоритетных. Большинство из этих проблем вызвано глобальными тенденциями и проявлениями. Поэтому очень важно разобраться в том, что представляет из себя окружающий нас мир, в котором мы не предоставлены сами себе, в котором не все зависит от нас, в котором существуют серьезные угрозы...» [2].

Процессы глобализации сопряжены с ростом прямых и потенциальных вызовов и угроз в сферах экономической, продовольственной, энергетической, информационно-идеологической, культурно-гуманитарной безопасности. Под их давлением государство становится более уязвимым, сталкиваясь с факторами, которые ограничивают его способность в отстаивании своего суверенитета и собственных национальных интересов не только во внешней, но и во внутренней политике.

К новому тысячелетию глобализация приобрела беспрецедентный, необратимый и всепроникающий характер.

Углубленное изучение многофакторных процессов глобализации, ее текущих и долгосрочных последствий приобретает особую практическую значимость в нынешних условиях, когда мировая финансово-экономическая система все еще не может выйти из состояния затянувшегося кризиса. На его фоне появление новых «возвышающихся держав» вносит системные коррективы в сложившуюся структуру глобальной экономики и способствует росту их потребностей в новых рынках и энергетических ресурсах.

Все более очевидным становится тот факт, что третье тысячелетие застало человечество врасплох: неожиданно возникли «гигантские проблемы мироустройства», к решению которых требуются фундаментальные научно-методологические подходы. Как считают исследователи, глобальность современного мира означает взаимосвязанность и взаимозависимость людей, стран, народов, их целостность, общность новых угроз и вызовов.

Однако глобализация нуждается в управлении, ее бессистемность и произвольность представляют опасность для мирового сообщества. На нынешней стадии развития человечеству не удается выработать механизмы, способные снять нарастающие конфликты в мировом сообществе и решить реальные проблемы глобализации на международном уровне [3].

Третье тысячелетие застало человечество врасплох: неожиданно возникли «гигантские проблемы мироустройства».

Данная тенденция привносит качественно новую динамику в мировую политику, способствуя трансформации современного миропорядка, сопряженной с попытками крупных и региональных держав по переделу сфер геополитического влияния. Об этом свидетельствуют процессы в соседних и дальних регионах, когда открытое игнорирование фундаментальных принципов и норм международного права, апеллирование к фактору силы становятся скорее правилом, нежели исключением в мировой политике.

В этих условиях объективными представляются такие явления, как возникновение новых очагов нестабильности и напряженности, рост числа и эскалация вооруженных конфликтов в стратегически важных регионах мира. В результате этого происходит подмена концептуальных понятий, когда «под лозунгами» регионализации (региональной интеграции) крупных держав проводится политика раздела сфер геополитического влияния. В этом контексте нельзя не согласиться с мнением лауреата Нобелевской премии Дж.Стиглица о том, что «если глобализация не преуспела в сокращении бедности, то еще менее она преуспела в обеспечении стабильности» [4].

Глобализация как противоречивый процесс

За два десятилетия, прошедших после окончания «холодной войны», глобализация привела к беспрецедентно широкому взаимодействию экономик, народов и государств, а также к масштабному сдвигу в глобальном распределении богатства и населения с Запада на Восток и с Севера на Юг. Исследователи, как и мировая общественность, заявляли о данном процессе как о «новом экономическом и культурном объединении всех стран и народов», представляющем огромное количество возможностей, в первую очередь для развивающихся стран.

Большинство возрождающихся национальных государств рассматривали «новый феномен» как благоприятный фактор получения доступа к западным технологиям и знаниям. В результате процессов глобализации произошло приобщение значительной части человечества к современным достижениям науки и техники.

В то же время традиционалистские общества, в первую очередь на Ближнем Востоке, с опасением относились к глобализации как очередной попытке Запада установить мировое господство путем укрепления экономической и культурной зависимости. Они не приемлют глобализацию как таковую, усматривая в ней вестернизацию, возрождение колониализма и империализма, а также экспансию западной

культуры, подрывающей традиционные культурные ценности «незападных» цивилизаций.

Многие соглашаются с тем, что глобализация представляет собой объективный и необратимый процесс. С ней необходимо считаться, чтобы обеспечить экономический рост и защиту национальных интересов в мировой экономике. Ее эффектам и результатам дают порой диаметрально противоположные оценки. Процесс становления «мира без границ» наряду с многообещающими возможностями несет в себе риски и на национальном, и на глобальном уровнях.

Глобализация предполагает разделение мира на центр и периферию. Этот процесс отражает все возрастающую зависимость между государствами, что особенно остро это проявляется в отношениях между развитыми и развивающимися странами. Взаимозависимость, свойственная мировому развитию в начале и в середине XX в., сменяется односторонней зависимостью «третьего мира» от «первого».

Мир переживает эволюцию самой глобализации, меняется ее характер, создавая все более нестабильную среду с углубляющимся разрывом между центром и периферией мировой экономики. Со стороны тех, кто выступает против глобализации, все чаще слышатся призывы бороться против потери национального суверенитета.

Современная глобализация продемонстрировала, что экономическое развитие «периферии» в еще большей степени, нежели прежде, зависит от хозяйственных потребностей и возможностей развитых стран. В этой связи утверждается, что от глобализации в первую очередь выигрывают развитые страны, поскольку ее преимущества распределяются неравномерно.

Несмотря на стремительный охват стран, вовлеченных в этот процесс, суливший сотрудничество и интеграцию, наблюдается усиление глубоких разломов внутри обществ и между ними. Противостояние капитализма и коммунизма во второй половине XX в. в новом тысячелетии уступило место конфликтам нравственных ценностей с националистическим, религиозным и историко-психологическим подтекстом [5].

Наблюдается усугубление межконфессиональных конфликтов между суннитами и шиитами, противостояние курдов и арабов, что может перерасти в полномасштабную войну по религиозным, этническим и политическим линиям раздела. Рост вооруженного исламского экстремизма в ответ на участившиеся интервенции извне – еще один долгосрочный дестабилизирующий фактор, действующий в регионе Ближнего Востока. Количество и размах конфликтов находились на уровне исторического минимума с конца «холодной войны», и возобнов-

ление их роста стало самой значительной угрозой долгосрочному глобальному экономическому росту, всей глобализации как таковой.

Опыт показывает, что экономические интересы и сотрудничество в сфере международной безопасности не гарантируют предотвращения конфликтов, возникающих на основе политических, геополитических и идеологических амбиций. Разлом по линии Восток – Запад значительно отличается от времен второй половины «холодной войны» (середина 1960-х – середина 1980-х годов), когда негласно признававшиеся «неприкосновенными» геополитические сферы влияния были ясно разграничены, а остальные территории не стоили того, чтобы ради них идти на риск прямого вооруженного конфликта.

Мир переживает эволюцию самой глобализации, меняется ее характер, создавая все более нестабильную среду с углубляющимся разрывом между центром и периферией мировой экономики. Со стороны тех, кто выступает против глобализации, все чаще слышатся призывы бороться против потери национального суверенитета. С точки зрения Запада, мировое сообщество должно воздействовать на правительства «становящихся» стран, тем самым ограничивая их суверенитет прямо (заставив признать достигнутые соглашения) или косвенно (изменив цели и средства их политики). Все яснее обнаруживается тенденция к ограничению национального суверенитета в пользу наднациональных и мировых сообществ, международных организаций и третейских судов. И поскольку эта тенденция в огромной степени обусловливается развитием современной экономики, она будет нарастать.

Вместе с тем утверждения о том, что «государство как главная единица и субъект исторического процесса начинает постепенно уступать место более крупным единицам» [6], все больше выглядят спорными. Так называемый «Брексит» сигнализирует о широкой националистической реакции (по крайней мере в развитых странах) против глобализации, свободной торговли, переноса производства в другие страны, трудовой миграции, рыночно ориентированной политики, наднациональных органов власти и даже технологических перемен.

Так называемый «Брексит» сигнализирует о широкой националистической реакции против глобализации, свободной торговли, переноса производства в другие страны, трудовой миграции, рыночно ориентированной политики, наднациональных органов власти и даже технологических перемен.

В голосовании за выход Великобритании из ЕС четко проявились линии разлома: богатые против бедных, победители против тех, кто проиграл от свободы торговли и глобализации, квалифицированные работники против неквалифицированных, образо-

ванные против менее образованных, молодые против старых, городские против сельских, разнородные сообщества против однородных. Такие же линии разлома появляются и в других развитых странах, в том числе в США и континентальной Европе [7].

Глобализация сглаживает различия в благосостоянии между развитыми и развивающимися странами, но углубляет экономическое неравенство внутри почти всех государств. По данным Всемирного банка, наблюдается «избыточное неравенство» в доходах населения не только в «отсталых» странах Африки и Латинской Америки, но и в развитых государствах, таких как США, Великобритания, Франция и Нидерланды. Неравенство не только отражает качество человеческого капитала, но и, начиная с определенного критического уровня, становится препятствием для его развития и ограничителем экономического роста [8].

В периоды ухудшения положения на рынке труда и эскалации напряженности в различных точках мира усиливаются антииммигрантские настроения. Миграционная политика ЕС, отказывающегося от принципа какой бы то ни было формы коллективной идентичности, привела к обострению этно-социальных конфликтов. В результате Европа оказалась насыщенной массивами мигрантов с Ближнего Востока, которые по факту являются носителями исламского самосознания, традиционного и устойчивого, вовсе не вписывающегося в культурный тип современного среднего европейца.

Источники нестабильности лежат не только на поверхности – в международных отношениях, они также глубоко заложены в социокультурных изменениях, происходящих внутри отдельных стран. Возможность финансовых кризисов сохраняется, даже если полицентричная финансовая система будет более стабильной. Дефицит управления (отсутствие регулирующего органа, способного контролировать силы рынка) рассматривается как универсальная проблема и развитых, и развивающихся стран.

Система государственной власти становится все более аморфной. Национальное государство испытывает давление сверху, со стороны глобализации, и снизу – в результате роста этнического национализма и стремления граждан к расширению прав. Доступ к информации вызвал «глобальное пробуждение», которое драматично, но на короткий срок захлестнуло Ближний Восток во время «арабской весны» 2011 г., и местные традиционные источники идентичности вновь обрели силу.

Центробежные силы проявляются по всему миру в сепаратистских движениях на огромных пространствах – от Шотландии и Каталонии в Европе до Южного Судана в Восточной Африке. Будущее многих арабских государств на Ближнем Востоке поставлено под сомнение. Антиглобализм сам по себе не остановит глобализацию, но он будет подрывать доверие к управлению на всех уровнях, от местного до глобального.

В политике глобализация создает двойное напряжение. Во-первых, партиям истеблишмента, как правым, так и левым, поддерживавшим свободную торговлю и глобализацию на протяжении жизни не одного поколения, бросают вызов популистские, националистические партии, выступающие против истеблишмента. Во-вторых, партии истеблишмента меняются изнутри: в них появляются сторонники борьбы с глобализацией, бросающие вызов традиционным партийным взглядам.

Более глубокие линии разлома возникли в правоцентристских партиях. Эти партии – республиканцы в США, тори в Великобритании, правоцентристские партии в странах континентальной Европы – столкнулись с внутренним бунтом против своих лидеров. Рост популярности Дональда Трампа, противника свободной торговли, миграции и мусульман, стал отражением того, что средний избиратель в США оказался ближе к тем, кто проиграл от глобализации. В этих условиях сложно разграничить линию между глобализацией в том смысле, как понимали это явление два десятилетия назад, и современными процессами, которые приобретают все признаки деглобализации. В результате национальные государства, уже ставшие на путь самостоятельного развития, вынуждены не только бороться за то, чтобы занять свою нишу в глобальной экономике, но и прилагают огромные усилия, затрачивают внутренние ресурсы для сохранения свободы и безопасности в условиях геополитического противостояния.

Очевидно, что современная архитектура международной безопасности характеризуется разбалансировкой и хаотичностью. В условиях глобализации, когда впервые различные части света могут взаимодействовать между собой и когда китайская точка зрения, исламское представление, западный взгляд и в некоторой степени российское видение не всегда совпадают, возрастает необходимость в новом порядке, в котором пока нет общепринятых правил [9].

В условиях глобализации, когда впервые различные части света могут взаимодействовать между собой, возрастает необходимость в новом порядке.

Трансформация современного мирового порядка и ее последствия для системы международных отношений

Глобализация оказывает многоплановое воздействие на международные отношения. Один из важнейших аспектов такого воздействия – трансформация сложившегося после окончания «холодной войны» однополярного мира в полицентричный.

Как полагают многие исследователи, американоцентричный порядок «испытывает сбои» в результате сплава трех тенденций: во-первых, сила в мире распределилась между большим количеством игро-

ков; во-вторых, снизилась притягательность американской экономической и политической модели; в-третьих, выбор конкретной политики, особенно на Ближнем Востоке, породил сомнения в «рассудительности» Америки и в том, что угрозы и обещания Соединенных Штатов заслуживают доверия. Как результат их влияние существенно уменьшилось, хотя абсолютная сила и мощь США остаются значительными [10]. Все это еще раз продемонстрировало, что в долгосрочной перспективе моноцентрическая модель мироустройства не имеет будущего. Ни одно государство, какой бы мощью оно ни обладало, не в состоянии в одиночку справиться со всей совокупностью глобальных проблем.

Хотя некоторые эксперты признают многополярность в качестве структуры международной системы, необходимым условием многополярного мирового порядка является паритет военных возможностей более чем двух стран мира, каждая из которых будет многократно превосходить другие государства. В этой связи видные эксперты в сфере международных отношений определяют современный мир как «бесполярный», с многочисленными центрами, при котором доминировать будут не одно, два или даже несколько государств, а десятки акторов, способных оказывать влияние на положение дел в мире.

Наблюдается размывание международной системы как политической практики, задающей систему координат – расстановку сил и возможностей государств, она все больше характеризуется невысокой степенью упорядоченности и управляемости. Крупные, средние и даже малые государства начинают вести себя все более самостоятельно.

Происходит стремительное возрождение мировой политики в наиболее архаичном ее виде – как совокупности внешних политик государств, действия которых определяются не столько внешней средой, сколько внутренними причинами, включая субъективную оценку политическими лидерами своих относительных преимуществ перед другими и личное восприятие рисков, угроз и возможностей.

Стремительные изменения в конфигурации мироустройства порождают серьезные проблемы в системе международных отношений и безопасности. Образовавшийся вакуум в глобальном управлении приводит к возникновению множества негативных тенденций, чреватых непредсказуемыми последствиями.

Вызовы мировому сообществу заключаются не столько в остроте каждой из проблем, сколько в том, что они носят глобальный характер, и, наслаиваясь друг на друга, создают ситуацию, выходящую далеко за рамки возможностей и компетенции национальных правительств. Власти каждой из стран, принимая решения в соответствии с пониманием своих интересов, зачастую усугубляют положение соседей. Борьба за влияние между государствами и стратегическими/тактическими аль-

янсами, слабость и ангажированность международных институтов, а также возникновение новых проблем – все это не позволяет выработать эффективные ответы на все более остро стоящие традиционные и новые вызовы глобализации, а также угрозы международной безопасности.

Центральная Азия в контексте процессов глобализации и деглобализации

Центральная Азия – часть современного глобального мира, сталкивающегося с традиционными и новыми вызовами безопасности. Мировые тенденции прямо или опосредованно оказывают влияние на центральноазиатские страны, на стабильность и развитие всего региона.

С обретением независимости в начале 90-х годов прошлого столетия перед государствами Центральной Азии открылись новые, по сути исторические перспективы для собственного развития, укрепления национальной государственности и самоидентичности, стало возможным активное установление дипломатических, политических и экономических связей с различными государствами Востока и Запада, а также их участие в международной жизни.

Каждая из стран региона сформировала или все еще находится в поиске собственной стратегии внутреннего развития и линии внешнеполитического поведения, исходя из индивидуальной специфики и таких объективных факторов, как географическое расположение, история национальной государственности, культуры в ее широком понимании, включая политическую, наличия экономического, демографического и военного потенциала.

Необратимый характер глобализации, трансформация современного миропорядка, стремительные и неоднозначные перемены в системе международных отношений оказывают влияние на характер и динамику процессов в регионе. Усиление различных угроз и вызовов могут привести к непредсказуемым последствиям. Эскалация напряженности в различных соседних и дальних уголках мира требует от центральноазиатских государств повышенного внимания к вопросам обеспечения безопасности на национальном и региональном уровне.

Необратимый характер глобализации, трансформация современного миропорядка, стремительные и неоднозначные перемены в системе международных отношений оказывают влияние на характер и динамику процессов в регионе. Усиление различных угроз и вызовов могут привести к непредсказуемым последствиям. Эскалация напряженности в различных соседних и дальних уголках мира требует от центральноазиатских государств повышенного внимания к вопросам обеспечения безопасности на национальном и региональном уровне. В этом контексте большинство

экспертов считают, что страны Центральной Азии сталкиваются и, как представляется, будут сталкиваться с целым рядом внешних вызовов и внутренних угроз, основными из которых назовем следующие.

Афганский конфликт. Источником серьезных угроз региональной и глобальной безопасности остается Афганистан, который является очагом крупномасштабной дестабилизации и стратегических рисков. Сохранению такой тенденции на обозримую перспективу способствует отсутствие заинтересованности вовлеченных в афганский кризис отдельных государств и дальних стран в урегулировании конфликта. Это остается одним из ключевых факторов «цементирования» перманентного состояния военного конфликта в Афганистане, которое может привести к непредсказуемым последствиям для безопасности в обширном регионе, особенно с учетом текущей военно-политической ситуации на Ближнем Востоке.

Геополитическое соперничество. Усиливается стремление внешних сил влиять на определение политического курса и развитие стран Центральной Азии, обостряется системное противостояние внешних сил, преследующих свои собственные, зачастую взаимоисключающие интересы. В условиях возрастающей зависимости внешней политики отдельных государств Центральной Азии от соперничающих внерегиональных центров силы странам региона все сложнее находить общие подходы и выстраивать конструктивные, прагматичные и долгосрочные отношения с сопредельными странами.

Более того, прослеживается тенденция к активизации различных интеграционных проектов на постсоветском пространстве, направленных на формирование надгосударственных объединений, делегирование им части национального суверенитета государств. Их создание уже выходит за рамки экономических интересов и все более приобретает геополитическую окраску, негативно отражаясь на торгово-экономических связях и сотрудничестве участников этих процессов как между собой, так и с третьими странами.

Внутренние проблемы региона. Серьезные вызовы и угрозы возникают в связи с сохранением слабости государственных институтов власти в отдельных странах региона, усилением общественно-политической напряженности, усугублением социально-экономических проблем, политических и межнациональных противоречий, формирующих условия для распространения экстремистских идеологий. Это, в свою очередь, предопределяет уязвимость государств перед вмешательством внешних сил, способных в целях продвижения собственных интересов в регионе спровоцировать так называемую «управляемую дестабилизацию».

Транснациональные проблемы. Нерешенными остаются жизненно важные проблемы рационального использования водных ресур-

сов трансграничных рек, поскольку отсутствуют единые позиции у стран региона. Ситуация усугубляется попытками политизации этих водно-энергетических проблем. К их решению подключаются внешние силы, которые пытаются разыграть «водный вопрос» в собственных интересах. Отдельные государства стремятся внести раскол среди стран Центральной Азии, поддерживая то одну, то другую сторону в водно-энергетических противоречиях.

Не менее актуальными в обозримой перспективе останутся такие угрозы и вызовы транснационального характера, как распространение идей религиозного экстремизма и исламизации общества, рост наркотрафика и трансграничной преступности, разрастание нелегальной миграции и контрабанда оружия. Видимо, они сохранятся и в долгосрочной перспективе. Эти негативные явления могут стать источником межгосударственных противоречий или же фактором улучшения отношений между странами региона в случае выработки согласованных и скоординированных позиций и подходов к разрешению общих проблем. В таких случаях важное значение приобретает отход от принципов соперничества и полная ориентация на укрепление взаимовыгодного сотрудничества, дружественных отношений между всеми центральноазиатскими государствами.

«Замкнутость» региона. Потенциальные возможности и перспективы экономического развития стран Центральной Азии серьезно ограничиваются отсутствием надежной системы общерегиональных транспортно-коммуникационных коридоров, обеспечивающих гарантированный выход к важнейшим морским портам в Европе и Азии. Это сдерживает полноценную интеграцию стран Центральной Азии в структуру мирохозяйственных отношений, повышает уязвимость государств региона перед давлением внешних сил, заинтересованных в сохранении региона в орбите их экономического и политического влияния, особенно в условиях растущего геополитического противостояния, усиления военно-политической напряженности и сохранения «горячих точек» в соседних и дальних регионах мира.

Информационно-идеологическое давление. Дефицит в ряде стран Центральной Азии самостоятельных информационных, интеллектуальных и идеологических ресурсов создает условия для информационно-идеологического внедрения внешних сил, что приводит к острому антагонизму общества с императивами XXI в. и слому многовековых культурно-исторических традиций.

Если ведущие страны Запада, активно работая с молодежью через ангажированные НПО, ведут агрессивную вестернизацию и распространяют элементы массовой культуры, т.е. целенаправленно насаждают зачастую чуждые местному обществу западные ценности, то наблюда-

ется и нарастает «идеологическая пандемия» исламского радикализма с Ближнего Востока, которая используется внешними силами в своих далеких от религии политических целях, включая всестороннюю поддержку процессов ползучей экспансии экстремизма и терроризма.

Глобализация, как объективный процесс, имеет необратимый характер и странам, стремящимся к интеграции в систему мирохозяйственных связей и международных отношений, необходимо быть готовыми как к позитивным, так и негативным последствиям этого явления.

Государства Центральной Азии в полной мере ощущают на себе противоречивый характер процесса глобализации, сталкиваясь с новыми вызовами и угрозами. Чтобы успешно противостоять им, важным для стран региона является выработка ясной стратегии своего развития, а также осуществление конструктивного взаимодействия с соседними государствами.

Литература

1. *Milanovic B.* Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization. – Cambridge: Belknap Press, 2016; *Baldwin R.* The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. - Cambridge: Belknap Press, 2016; *Friedman T.L.* Thank You for Being Late: An Optimist's Guide to Thriving in the Age of Accelerations. – Farrar, Straus and Giroux, 2016; *Garten J.E.* From Silk to Silicon: The Story of Globalization Through Ten Extraordinary Lives. – Harper, 2016; *Steger M.* Globalization: A Very Short Introduction. – Oxford University Press, 2013; *Rodrik D.* The Globalization Paradox: Democracy and the Future of the World Economy. – NY: W.W.Norton&Company. 2012.

2. *Каримов И.А.* Путь к независимости: проблемы и планы. – Ташкент: Изд-во «Узбекистон», 1994.

3. *Иванов П.* Столкновение цивилизаций или устойчивое развитие? // Political Studies. 2015. №2. С. 162.

4. *Stiglitz Joseph E.* Globalization and Its Discontents. – NY: W.W.Norton& Company. 2002. С. 6.

5. *Барроуза М., Дынкин А.* и др. Глобальная система на переломе: пути к новой нормальности. – М.: ИМЭМО им. Е.М.Примакова, 2016.

6. *Гринин Л.* Глобализация и проблемы национального суверенитета // Вызовы современности и философия, Бишкек: 2014. С. 39-47.

7. *Roubini N.* Globalization's Political Fault Lines // Project Syndicate, 2016. https://www.project-syndicate.org/commentary/globalization-political-fault-lines-by-nouriel-roubini-2016-07?barrier=true

8. The World Bank, GINI index (World Bank estimate). 2016. http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI

9. *Kissinger H.* Do We Achieve World Order Through Chaos or Insight? // 2015. http://www.spiegel.de/international/world/interview-with-henry-kissinger-on-state-of-global-politics-a-1002073.html

10. *Haas R.N.* The Unraveling. How to Respond to a Disordered World // Foreign Affairs. 2014. №6.

Ж.Х. Каршибаев

Некоторые аспекты дедолларизации экономики

Проблема долларизации национальных экономик является широко распространенным явлением во многих развивающихся странах. В научной литературе под «долларизацией экономики» понимается осуществление иностранной валютой всех или части функции национальной валюты в какой-либо стране. Долларизация может проявляться в форме использования иностранной валюты в ценообразовании, в определении заработанной платы и других платежей («реальная долларизация»); применяться как средство обмена вместо национальной валюты («транзакционная долларизация») или для сохранения стоимости посредством конвертации сбережений в иностранную валюту («финансовая долларизация») [1]. Различают «полную долларизацию», при которой использование иностранной валюты как средства платежа в стране осуществляется легально, и «частичную долларизацию», что предполагает нахождение иностранной валюты в обращении наряду с национальной валютой [2].

Среди экономистов существует несколько концептуальных подходов к вопросу долларизации экономики. Одни указывают на потенциальные преимущества полной долларизации в виде предотвращения валютных кризисов, снижения транзакционных издержек, более тесной интеграции с глобальной экономикой благодаря стабильным долларовым ценам, усиления работы финансовых учреждений и улучшения инвестиционного климата из-за отсутствия инфляционного

Ж.Х.Каршибаев, *PhD по экономике, начальник научного отдела УМЭД.*

финансирования. Наряду с перечисленными преимуществами долларизация имеет ряд отрицательных сторон, в силу чего правительства многих стран осуществляют политику «дедолларизации», направленную на снижение уровня использования иностранной валюты в национальной экономике. Среди недостатков долларизации называют, во-первых, утрату части суверенитета, во-вторых, невозможность получения эмиссионного дохода от выпуска национальной валюты, в-третьих, потерю возможности проведения независимой денежно-кредитной политики и отсутствие механизма предоставления ликвидности банковскому сектору для сглаживания шоков.

Международный опыт показывает, что макроэкономическая стабилизация может обеспечить дедолларизацию экономики.

Основной причиной частичной или полной долларизации экономики экономисты указывают период макроэкономической нестабильности в прошлом, особенно период высокой инфляции и/или девальвации курса национальной валюты. В этих условиях экономические агенты стремятся обезопасить активы путем перевода своих средств в иностранные валюты или другими схожими операциями. Международный опыт показывает, что макроэкономическая стабилизация может обеспечить дедолларизацию экономики. Например, успешная антиинфляционная политика в таких странах, как Израиль, Мексика, Польша и Словения, привела к успешной дедолларизации экономики [3]. В некоторых из этих стран использовались и принудительные меры по переводу активов из иностранной валюты в национальную. Но есть и многие примеры (Боливия в 1982 г., Перу в 1985 г.), когда успешная стабилизационная политика не привела к снижению уровня долларизации экономики [4]. В таких условиях особую значимость приобретают методы дедолларизации. При выборе метода дедолларизации особое внимание уделяется обсуждению международного опыта и результатов стратегии «кнута и пряника» и принудительной дедолларизации. Стратегия «кнута и пряника» подразумевает повышение привлекательности национальной валюты с целью стимулирования её использования в трансакциях или для хранения. Например, предлагаются более высокие процентные ставки по депозитам в национальной валюте по сравнению с долларовыми депозитами, используется индексирование вкладов для компенсаций потер; вводятся более высокие требования к обязательным резервам по валютным вкладам и др. Залогом успешной дедолларизации является развитие финансового сектора и увеличение альтернативных форм финансовых активов в национальной валюте. При успешной реализации данной стратегии

можно избежать бегства капитала и достичь добровольной дедолларизации. Однако с учетом специфики конкретной страны возможны и негативные последствия, например, отток иностранной валюты из банковской системы, увеличение «теневой» экономики и др.

Принудительная дедолларизация предполагает принятие и осуществление мер по дедолларизации путем введения обязательных для всех норм и правил касательно конвертации долларовых депозитов в национальную валюту, запретов или высоких штрафных санкций за использование или хранение иностранной валюты. Среди недостатков данного подхода отмечаются увеличение «теневой» экономики, высокая вероятность бегства капитала и, как следствие, дальнейшая цепная реакция (высокая волатильность валютного курса, возрастание рисков валютного кризиса, проблемы с платежным балансом и др.). Все это может поставить под сомнение макроэкономическую стабильность страны.

Эмпирический анализ международного опыта по дедолларизации указывает на разброс полученных результатов. В частности, Reinhart et al. (2003) проанализировали опыт 85 стран по дедолларизации депозитов в 1980-2001гг. и пришли к выводу, что только несколько стран успешно смогли сократить уровень долларизации экономики. В частности, Израиль, Мексика, Пакистан и Польша смогли добиться значительного сокращения объема депозитов в иностранной валюте (более чем на 20%), достигли уровня менее чем 20% соотношения депозитов в иностранной валюте и сохранили достигнутый уровень до конца периода. В 16 странах уровень долларизации сократился на более чем 20%, но в таких странах, как Болгария и Ливан, соотношения депозитов в иностранной валюте к общим депозитам установились на уровне выше 20%. В 12 из 16 стран было достигнуто соотношение ниже 20% в результате проведенных мер, но впоследствии уровень долларизации восстановился или даже увеличился; примером могут служить страны с переходной экономикой (Азербайджан, Белоруссия, Литва и Россия) в конце 1990-х, Боливия и Перу в начале 1980-х и Египет в середине 1990-х.

Только несколько стран успешно смогли сократить уровень долларизации экономики.

В 3 из 4 случаев достижения значительной дедолларизации обратный процесс начинался после установления ограничений на конвертацию долларовых депозитов. Например, в 1985г. Израиль дестимулировал иностранные депозиты путем введения обязательного годичного хранения на счету, в 1982 г. Мексика конвертировала долларовые депозиты на национальные

по ставкам значительно ниже рыночной и т.д. Согласно проведенным исследованиям, принудительные меры даже если и приводят к дедолларизации, последствия могут выражаться в виде бегства капитала из страны.

Dornbusch et al. считают, что только Израиль и Польша успешно осуществили программу дедолларизации с минимальными потерями в финансовом посредничестве и избегли бегства капитала благодаря параллельному проведению удачной антиинфляционной программы, основанной на фиксированной валютной политике и предложении выгодных финансовых активов с альтернативными формами индексации (опыт Израиля) или с высокой доходностью (опыт Польши).

Galindo and Leiderman изучили опыт центральных банков стран Латинской Америки по дедолларизации и пришли к заключению, что в таких странах, как Аргентина, Бразилия, Уругвай, Чили, Колумбия, Коста-Рика, Мексика, Парагвай, Перу и Венесуэла, предложение финансовых активов с индексацией на основе индекса потребительских цен (ИПЦ) могло бы быть полезным инструментом во время высокой и волатильной инфляции. Авторы также выявили тренд на развитие финансовых активов в национальной валюте без индексации (опыт Чили и Перу), который считается более эффективным инструментом дедолларизации.

Изучая опыт Уругвая, G.Licandro and J.A.Licandro [5] пришли к выводу о необходимости развития рынка финансовых активов, деноминированных в национальной валюте как альтернативе долларовым активам, а также принятия мер по усилению защиты от нерыночных рисков. Авторы также указывают на важность согласованных действий финансовых регуляторов.

Результаты проведенной политики дедолларизации в Белоруссии подробно проанализированы Д.Круком [6], который считает, что основной задачей дедолларизации являлось снижение турбулентности и уязвимости экономики к внешним шокам. Для решения поставленной задачи в 2009г. Национальный банк Белоруссии существенно ограничил возможности расчетов в иностранной валюте путем прекращения выдачи новых лицензий на право осуществления расчетов в наличной иностранной валюте, задал импульс на снижение ставок по финансовым инструментам в иностранной валюте, а также запретил предоставление кредитов в иностранной валюте физическим лицам.

Автор отметил малую эффективность политики дедолларизации в 2009-2011 гг. На фоне валютного кризиса 2011 г. указанные меры по

дедолларизации в Белоруссии были пересмотрены и в мае 2011 г. существенно расширилась сфера использования иностранной валюты на территории страны. Кроме того, де-факто Национальный банк отказался от мер, направленных на снижение ставок по валютным депозитам. В результате с весны 2011 г. до начала 2012 г. проявилась четко выраженная тенденция роста соответствующих ставок. Пакет мер, реализованных в 2011 г., был полной противоположностью мерам, предпринятым в 2009 г.

Исходя из опыта Белоруссии, автор считает, что выработка успешной политики дедолларизации зависит от ответов на следующие вопросы: (i) целесообразна ли задача борьбы с долларизацией; (ii) с какими формами долларизации нужно бороться; (iii) каковы причины тех форм долларизации, которые определены в качестве «врагов», (iv) как взаимосвязаны между собой различные формы долларизации.

Вопрос финансовой дедолларизации в странах Кавказа и Центральной Азии подробно проанализирован Naceur, Hosny and Hadjian. Авторы отмечают, что уровень долларизации в данном регионе является одним из самых высоких в мире, что имело негативные последствия для макроэкономической стабильности, эффективности денежно-кредитной политики и для развития всего финансового сектора. В Узбекистане, согласно приведенным данным, доля депозитов в иностранной валюте составляет менее 20% от всех депозитов, тогда как доля кредитов в иностранной валюте составляет более 35% всех выданных кредитов. Ссылаясь на анализ на основе моделей динамических панельных данных, авторы указывают на наличие связи между уровнем финансовой долларизации и волатильностью уровня инфляции и валютных курсов, низкой глубиной финансового рынка, асимметричностью режимов валютного курса в пользу девальвации. Как и в других странах мира, частые девальвации национального курса валют ассоциируются с увеличением долларовых депозитов, тогда как высокая инфляция приводит к росту банковских кредитов в иностранной валюте. Выявлено, что низкая глубина финансового рынка усиливает финансовую долларизацию, которая сохраняет свою устойчивость. Как отмечают авторы, отличительной чертой долларизации в странах Кавказа и Центральной Азии является положительная связь между волатильностью инфляции и ростом депозитов и кредитов в иностранной валюте, тогда как в других странах растут только кредиты в иностранной валюте. Более того, асимметричность валютной политики стимулирует рост долларовых депозитов, что подталкивает банки к увеличению валютных кредитов с целью обеспечения сбалансированности.

Обзор международного опыта по дедолларизации указывает на широкое распространение проблемы долларизации экономики во многих развивающихся странах, при этом подходы к борьбе с долларизацией значительно отличаются друг от друга по методам, времени и последовательности, и далеко не всегда принятые программы обеспечивали достижение поставленных целей. С учетом изученного международного опыта для успешной программы по дедолларизации национальной экономики важно учитывать следующее.

Необходимо четкое и объективное определение уровня и видов долларизации экономики. Для разработки успешной программы по дедолларизации требуется точное определение степени и форм долларизации. Если уровень финансовой долларизации можно наиболее точно определить на основе данных о вкладах, то определение степени реальной и транзакционной долларизации экономики представляется более проблематичным, что, в свою очередь, затрудняет выбор инструментов и мер по дедолларизации.

Макроэкономическая стабильность является необходимым, но недостаточным условием для успешной политики дедолларизации. Международный опыт указывает на определенную обратную взаимосвязь между макроэкономической стабильностью, доверием населения к национальной валюте и проводимой экономической политикой с уровнем долларизации экономики. Однако уровень долларизации может сохраняться или увеличиваться даже при достижении макроэкономической стабильности. Следовательно, макроэкономическая стабильность является необходимым, но недостаточным условием для успешной политики дедолларизации.

Принудительная дедолларизации ассоциируется с более высокими рисками. Международный опыт по дедолларизации указывает на высокий риск, связанный с использованием принудительных мер; тогда как программа дедолларизации, основанная на рыночных принципах, повышает вероятность снижения и сохранения низкого уровня долларизации, предупреждая бегство капитала или увеличение «теневой» экономики. Следует также учитывать возможные риски, связанные с уменьшением стимулирующих мер по депозитам в иностранной валюте, которые могут повлечь отток капитала из банковского сектора. Следовательно, последовательность, временные параметры и меры предосторожности должны быть хорошо продуманы и скоординированы в программе по дедолларизации.

Программа по дедолларизации должна проводиться наряду с комплексной программой развития финансового сектора. Немаловажное значение в программе дедолларизации должно отводиться

постепенному развитию вторичных рынков выгодных финансовых активов в национальной валюте с предусмотренной индексацией, инструментов хеджирования валютных рисков и других финансовых инструментов с целью предложения альтернативы инвестирования в иностранную валюту для свободных средств экономических агентов страны.

Требуется более широкое использование рыночных механизмов в определении процентных ставок с целью повышения эффективности привлечения свободных активов в национальной валюте в банки. Относительно высокая доходность депозитов в национальной валюте укрепит доверие к национальной валюте и понизит привлекательность инвестиций в иностранную валюту.

Необходимы меры по укреплению доверия к национальной валюте посредством проведения стабильной и предсказуемой валютной и денежно-кредитной политики. С учётом того, что важным компонентом политики дедолларизации является кредит доверия к политике центрального банка и правительства, эффективная коммуникация и активная работа с экономическими агентами будет служить укреплению взаимного понимания и доверия.

Литература

1. *Staines N.* De-Dollarization: A Cross-Country Perspective. – Washington: International Monetary Fund, 2014.
2. *Fischer S.* Keynote address of Governor of the Bank of Israel at the 75th Anniversary Conference of the Central Bank of Turkey // Dollarization: Consequences and Policy Options. – Istanbul, 13-15 December 2006.
3. *Heysen S.* Dollarization: Back to Basics // Finance and Development, March 2015, IMF, 2015.
4. Там же.
5. *Licandro G. and Licandro J.A.* Building the Dedollarization Agenda: Lessons from the Uruguay Case // Central Bank of Uruguay, 2003.
6. *Крук Д.* Долларизация и дедолларизация в Беларуси: формулирование повестки дня. – BEROC Policy Paper Series, PP#23, Исследовательский центр ИПМ, Минск, 2015.
7. *Antinolfi G. and Keister T.* Dollarization as a Monetary Arrangement for Emerging Market Economies // The Federal Reserve Bank of St. Louis, 2001.
8. *Ben Naceur S., Hosny A. and Hadjian G.* How to De-Dollarize Financial Systems in the Caucasus and Central Asia? // IMF Working Paper WP/15/203. – Washington: International Monetary Fund, 2015.
9. *Carare A., Schaechter A., Stone M. and Zelmer M.* Establishing initial conditions in support of inflation targeting // IMF Working Paper WP/02/102. – Washington: International Monetary Fund, 2002.

10. Cayazzo J., Pascual A., Gutierrez E., and Heysen S. Toward an Effective Supervision of Partially Dollarized Banking Systems // IMF Working Paper WP/06/32. – Washington: International Monetary Fund, 2006.

11. Epstein N. and Portillo R. Monetary Policy in Hybrid Regimes: The Case of Kazakhstan // IMF Working Paper WP/14/108. – Washington: International Monetary Fund, 2014.

12. *Garcна-Escribano M.* Peru: Drivers of De-dollarization» // IMF Working Paper WP/10/169. – Washington: International Monetary Fund, 2010.

13. Garcна-Escribano M. and Sosa S. What is Driving Financial De-dollarization in Latin America? // IMF Working Paper WP/11/10. – Washington: International Monetary Fund, 2011.

14. Inflation Targeting and the IMF // IMF Board Paper SM/06/33. – Washington: International Monetary Fund, 2006.

15. Peru: Selected Issues Paper // IMF Country Report 07/53. – Washington: International Monetary Fund, 2007.

16. Kazakhstan: Selected Issues Paper // IMF Country Report 14/243. – Washington: International Monetary Fund, 2014.

17. *Ize A. and Yeyati E.L.* Financial Dollarization: Is it for Real? // IMF Working Paper WP/05/187. – Washington: International Monetary Fund, 2005.

18. *Kamin S.B. and Ericsson N.R.* Dollarization in Argentina // International Finance Discussion Papers #460, Board of Governors of the Federal Reserve System, 1993.

19. *Kokeyne A., Ley J. and Veyrune R.* De-dollarization // IMF Working Paper WP/10/188. – Washington: International Monetary Fund, 2010.

20. *Lidierman L., Maino R. and Parrado E.* Inflation Targeting in Dollarized Economies // IMF Working Paper WP/06/157. – Washington: International Monetary Fund, 2006.

21. *Menon J.* De-Dollarizing Cambodia: 10 Years On // Policy Brief 2008 #1. – Cambodia's Leading Independent Development Policy Research Institute, 2008.

22. *Menon J.* Cambodia's Persistent Dollarization: Causes and Policy Options // Working Series on Regional Economic Integration #19. – Manila: Asian Development Bank, 2008.

23. *Metin-Ozcan K. and Us V.* Dedollarization in Turkey after Decades of Dollarization: A Myth or Reality? // Physica A, Elsevier, 2007.

24. *Mwase N. and Kumah F.Y.* Revisiting the Concept of Dollarization: The Global Financial Crisis and Dollarization in Low-Income Countries // IMF Working Paper WP/15/12. – Washington: International Monetary Fund, 2015.

25. *Neanidis Kyriakos C., Savva Christos S.* Financial Dollarization: Short-run Determinants in Transition Economies // Journal of Banking & Finance 33 (10), 2009.

26. *Rennhack R. and Nozaki M.* Financial Dollarization in Latin America // IMF Working Paper #06/7. – Washington: International Monetary Fund, 2006.

27. *Yeyati E.L.* Financial Dedollarization: A Research Agenda // Universidad Torcuato Di Tella, 2003.

28. *Zoryan H.* The Measurement of Co-Circulation of Currencies and Dollarization in the Republic of Armenia // The European Journal of Comparative Economics, Vol.2, #1, 2005.

Б. Очилов

К эволюции геополитических подходов: историографические и методологические аспекты

Новый мировой порядок, характеризующийся множеством столкновений, противоречий, войн, конфронтаций между государствами, основывается на достаточно широком содержательном ресурсе геополитических учений. Под воздействием обострения борьбы между державами за передел мира на зоны влияния происходит непрерывный процесс так называемого «геопространственного взаимодействия». Данный факт объективно конвертирует всю геополитику в ключевой ресурс международно-политических отношений.

Возникновение и развитие техногенной цивилизации привело к расширению глобального рынка, завязанного на военно-политических и стратегических конкурентных конструктов.

Согласно концепции географического детерминизма, специализированная форма геополитики рассматривает пространственно-географические объекты мировых процессов и отдельных государств [1]. Проблемы мирового развития, основанные на межгосударственных отношениях, анализируются через призму географических факторов.

Аристотель сравнивал геополитику отдельных государств. Он полагал, что жители холодных стран лишены мудрости и не способны управлять собой; южане, напротив, наделены проницательностью, хотя и проявляют известную долю инертности. Подобную инертность он объяснял климатической и географической спецификой, особенностями культурно-гуманитарных составляющих, при этом полагал, что греки, проживавшие в промежуточном пространстве между югом и севе-

Б. Очилов, *канд. полит. наук, соискатель УМЭД.*

Сунь Цзы насчитывал шесть типов местности и девять - пространства, способствующих успешному продвижению военно-политической стратегии страны.

ром, аккумулируют наилучшие качества как первых, так и вторых [2].

Сунь Цзы насчитывал шесть типов местности и девять - пространства, способствующих успешному продвижению военно-политической стратегии страны.

Ибн Халдун связывал духовные силы социальных общностей с их способностями к сплочению за завоевание и сохранение империи [3].

Абу Райхан Бируни сформулировал свои позиции по географическим и политическим механизмам управления государством [4].

Ж.Боден исследовал влияние географической среды на политический дискурс государств. По его мнению, между 40° и 50° северной широты возникают жизнеспособные и могущественные государства; человеческая цивилизация сосредотачивалась в междуречьях и устьях рек. Согласно его убеждению, отсутствие одной водной артерии способно изменить демографию [5].

По мнению Ю. Липы, реки играли жизненно важную роль в жизнеобеспечении людей: речные сети формируют единство территории, торговлю, язык, власть [6].

Ш.Монтескье рассматривал вопросы воздействия климата и пространства не только на особенности государственного устройства, но и на нравственность народов. Согласно его мнению, совокупная деятельность людей обусловлена естественной средой, то есть жизнедеятельностью населения [7], способна при определенных обстоятельствах менять форму государственного управления [8].

Р.Челлен, формулируя термин «геополитический детерминизм», рассматривал территориальную монолитность, свободу передвижения и расширение в контексте геополитики [9].

В новое время, в отличие от предшествующих периодов, начался расширенный подход к политической географии и геополитике с точки зрения принципиально иного научного решения стратегических проблем. Появился концептуальный труд Х.Маккиндера «Географическая ось истории», в котором позиция автора отличалась от канонических принципов географического детерминизма (Heartland), конгломератирующего мировую геополитику (войны, перевороты, сближения и расхождения государств) [10].

К.Шмитт стоял на том, что геополитические интересы являются фактором закрепления либо подрыва геополитического пространства

[11], тогда как К.Хаусхофер представлял геополитику целостным учением о зависимости политических событий от пространства [12].

А.Мэхэн выдвигал концепцию преимущества морских держав в мировой политике [13], а Н.Спайкмен был сторонником «римленда» [14].

Согласно заключению Страуса-Хюпе, такие понятия, как «центр» и «глобальный арбитраж», отвечают интересам США [15].

В 1970-е годы особую актуальность приобрели военно-политическая стратегия и безопасность [16]. В следующем десятилетии наблюдался разрыв между быстро меняющимися международно-политическими реалиями и геополитическими факторами.

Географический детерминизм не представляет собой единственное методологическое основание для геополитики [17]. Геополитические данности* позволяют эффективнее выявлять любой аспект, так или иначе характеризующий сущность глобальной, макрорегиональной, межрегиональной и субрегиональной составляющей внешнеполитической и военной стратегии государств. Разумеется, все это базируется на анализе и формулировании прогнозных характеристик различных процессов, прежде всего конфликтогенного характера [18].

Характер «real geopolitics» определяется учетом адекватных параметров возможностей государств, выступающих самостоятельными центрами силы. По мнению Дж.Кристофера, это является условной причиной упадка геополитики [19].

С точки зрения Э.Позднякова, геополитические познания расширяют возможности рационального использования государством факторов физической среды и воздействия на нее в военно-политических, экономических интересах и иных сферах безопасности [20].

Вместе с тем геополитика как переход к принципиально иному пониманию и географического пространства, и политики, представляется в методологическом смысле когнитивным средством, унифицирующим целенаправленную деятельность, свертывая ее в пространственные образы [21]. Предположим, что геополитика в таком случае выступает одним из фундаментальных понятий теории международных отношений. По Д.Замятину, в геополитической рефлексии метафоры, как правило, не терминологизируются, а имеют

Геополитика выступает одним из фундаментальных понятий теории международных отношений.

* Достаточно упомянуть лишь структурный анализ политических наук, подразумевающий широкий комплекс таких междисциплинарных вопросов, как этапы исследовательско-поисковой активности, функции научного поиска, процессуальность и результативность поисковых устремлений, типология, структура, генезис, вопросы приоритетности научных разработок и т.д.

специфические пространственные образы, согласно которым геополитика одновременно рассматривается и как наука, и как политика.

Говоря о пространственных формах геополитики, некоторые ученые полагают, что само по себе пространство выступает политической силой [22].

Д.Замятин отмечает, что пространство – это активный элемент политической системы, в его методологическое понимание заложена возможность так называемой «продуктивной политизации» [23].

Территория рассматривается как пространство самоопределения народов, в пределах которого то или иное государство осуществляет свой суверенитет. Признаком самоуправляемости общества является сохранение территориальной целостности государства, охрана границ - смысл внешней политики любого государства [24].

С точки зрения П.Гобла, восприятие государством и народом собственных пространственно-географических характеристик свидетельствует, как они представляют собственное политическое и культурное положение [25]. Р.Коллинз был убежден, что национальные интересы государств состоят в сборе и усовершенствовании знаний, почерпнутых из геополитических теорий, включая военно-политическую составляющую [26].

Без учета факторов внешней физической среды невозможно эффективное обеспечение безопасности государства, так как целый ряд исторических, политических, географических и многих других показателей объективно обеспечивают национальную безопасность.

Геополитическое измерение безопасности можно определить как физическое выживание, защиту и сохранение суверенитета, неприкосновенность национальных границ. Выживание государства - это фундаментальное условие существования общества. Согласно Р.Челлену, «борьба за существование» побуждает государства к войне как к форме борьбы за пространство [27].

Государство является единственным институтом, выражающим общие интересы нации.

Физическое выживание предполагает сохранение национального государства как носителя фундаментальных интересов и ценностей, образа жизни общества. Государство является единственным институтом, выражающим общие интересы нации [28].

Вопросы глобальной, региональной и национальной безопасности тесно взаимосвязаны, нарушение баланса в любом из них может оказать непосредственное воздействие на состояние другого. В этой связи следует указать на положения концепций безопасности и внешнеполитической деятельности Республики Уз-

бекистан. В них четко определены национальные интересы, вытекающие из геополитического положения, уровня социально-экономического и общественно-политического развития, национально-исторических традиций Узбекистана и международно-политических факторов [29].

При рассмотрении геополитических концепций методологически обоснованным является обращение к теории геополитической динамики Р.Коллинза. Он полагал, что расширение, сжатие, стабильность/нестабильность границ и сама способность государства эффективно вести войны, осуществлять контроль над своим населением и поведением соседей зависят от учета фундаментальных принципов геополитической динамики [30]. Во-первых, преимущество в размерах и ресурсах имеет стратегическое значение для обеспечения национальных интересов и безопасности. В войнах побеждают крупные и богатые ресурсами государства. Во-вторых, расположение государства обусловливает его эффективное маневрирование в достижении национальных интересов. Р.Коллинз акцентирует внимание на вероятности фрагментации государств, сталкивающихся с противниками на нескольких фронтах. В современном политическом миропорядке это относится к тем странам, которые граничат с более крупными странами.

Во всех геополитических исследованиях рассматривается возможность существования единого центра мира, к которому нередко относят Евразию. По мнению Л.Февра, это связано с принципами географического детерминизма и поссибилизма [31].

Борьба за «евразийский хартленд» характеризуется высокой концентрацией различных ресурсов, включая человеческий фактор, индустриальное могущество и др. Как отмечает К.Грей, самой влиятельной англосакской геополитической концепцией считалась идея «евразийского хартленда» [32].

В процессе непрерывной борьбы за оптимизацию собственной территории государства вынуждены поддерживать мобилизацию военно-политических сил, осуществлять поиск оптимальной организации компактности и экономической масштабности своих пространств, в том числе за счет интеграционных союзов и военных блоков.

К магистральным тенденциям геополитики относятся кардинальные изменения в мировой системе, «катализированные» сломом биполярности, возникновением «нового терроризма».

Изменения характера и качества современных международных отношений, обогащение геополитической мысли связываются с новыми подходами к геополитике [33]. Для анализа геополитических процессов необходим учет фундаментальных интересов центров силы, их целей, обусловливающих постоянство либо изменчивость геополитического поведения.

Таким образом, проблемы глобального развития выступают центральным звеном большинства геополитических исследований. Их анализ показывает, что интересы государства состоят в обеспечении собственной безопасности и политической стабильности.

Литература

1. См., в частности: *Аристотель.* Политика. - М.: АСТ, 2002.; *Монтескье Ш.* Избранные произведения. - М., 1955: *Маккиндер Х.* Географическая ось истории.– Полис. - М., 1995, № 4; *O Tuathail G.* Critical Geopolitics. The Politics of Writing Global Space. - Minneapolis, 1996; *Tunander O.* Swedish German geopolitics for a new century. - Rudolf Kjellen's 'The State as a living organism' // Review of International Studies. 2001. Vol. 22. № 1; *Цыганков П.* Геополитика: Последнее прибежище разума? // Вопросы философии. - М., 1994. № 7-8. С. 59-71.

2. Аристотель. Указ. раб. - С. 5-19.

3. Мусаелян Л. О концепции философии истории Ибн Халдуна // Философия и общество.- М., 2000. № 3. С. 133-154.

4. Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения.- Ташкент: Фан, 1966.

5. Боден Ж. Метод легкого познания истории.- М.: Наука, 2000.

6. Напр.: *Липа Ю.* Призначення України.- Нью-Йорк, 1953.

7. Монтескье Ш. О духе законов.- М., 1999.

8. Монтескье Ш. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян.- М.: Канон-Пресс-Ц, 2002.

9. Цит. по: *Михайлов Т.* Эволюция геополитических идей.- М., 1999.

10. Поздняков Э. Концепция геополитики // Геополитика: Теория и практика...- С. 24-32.

11. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии.- М., 1992. № 1; *Шмитт К.* Планетарная напряженность между Востоком и Западом // Элементы.- М., 1997. № 8.

12. Цит. по: *Гейден Г.* Критика немецкой геополитики.- М., 1960.

13. Mahan A. Influence of Sea Power upon History, 1660-1783.- Boston, 1890.

14. Spykman N.J. America's Strategy in World Politics. The United States and the Balance of Power.- N.-Y., 1942.

15. Цит. по: *Поздняков Э.* Указ. раб. С.37.

16. Ратцель Ф. Народоведение.- Т. 1.- С.Пб.: Просвещение, 1900; *Kellen R.* Die Staat als Lebensform. 1916; *Маккиндер Х.* Географическая ось истории. Элементы // Евразийское обозрение.- М., 1996, № 7; *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на Французскую революцию и империю (1793-1812).- М.-Л., 1940; *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю (1660-1783).- М.-Л., 1940; *Хаусхофер К.* О геополитике: работы разных лет.- М., 2001; *SpykmanN.J.* Cit. op.; *Шмитт К.* Указ. раб.; и др.

17. O'Tuathail G. Cit. op.; *Rothshild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. - N. Y., 1981; *Spykman N.J.* Cit. op.

18. См.: *Тойнби А.* Постижение истории. - М., 1991; *Гумилев Л.* Этногенез и биосфера Земли. - Л.: Гидрометеоиздат, 1990; *Гумилев Л.* От Руси к России: Очерки этнической истории. - М.: Экопрос, Прогресс, 1992; *Боден Ж.* Метод легкого познания истории. - М.: Наука, 2000; *Данилевский Н.* Россия и Европа. - М., 1991; *Савицкий П.* Геополитические заметки по русской истории // Вопросы

истории. - М., 1993, № 11-12. С. 120-139; *Huntington S.* The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. - N.-Y., 1996; *Fukuyama F.* The Primacy of Culture // Journal of Democracy. - N.-Y., 1995, № 12. P. 44-48; *Макиавелли Н.* Военное искусство. - М.: Воениздат, 1939; *Макиавелли Н.* Государь. - М., 1990; *Клаузевец.* О войне. - М., 1937; *Мэхэн А.* Влияние морской силы на историю (1660-1783).- М.: Л., 1940; *Spykman N.J.* Cit. op.; *Strausz-Hupe R.* Geopolitics. The Struggle for Space and Power.- N.-Y.,1942; *Clemens W.C.* Dynamics of International Relations. Conflict and Mutual Gain in Era of Global Interdependence.- N.-Y.: Oxford, 1998; *Morgentau H.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace.- N.-Y., 1985; *Cohen S.* Geopolitics of World System.- Oxford, 2003; *Загладин Н.* «Новый мировой беспорядок» и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения.- М., 2000, № 1. С. 14-26; *Иванов И.* Концепция мира в XXI веке // Международная жизнь.- М., 1999, № 10. С. 3-8.; *Панарин А.* Глобальное политическое прогнозирование.- М.: Алгоритм, 2002; *Капитанец И.* Война на море: Актуальные проблемы развития военно-морской науки.- М.: Вагриус, 2001; *Пархалина Т.* Геополитические прогнозы и Россия // Мировая экономика и международные отношения.- М., 1996, № 3. С. 32-45; *Уткин А.* Мировой порядок XXI века: прогнозы, перспективы, предсказания.- М., 2002.

19. Fettweis C. Sir Halford Mackinder, Geopolitics and Policymaking in the XXI century // Parameters (USA). 2000. Summer. P. 58-71.

20. Поздняков Э. Указ. раб. С. 42.

21. Замятин Д. Геополитика: Основные проблемы и итоги развития в XX в. // Полис. - М., 2001, № 6. С. 99.

22. Ratzel F. Politische Geographie. - München, 1897; *Ratzel F.* La Geographie politique, les concepts fondamentaux. - Paris, 1987.

23. Замятин Д. Указ. раб. С. 99.

24. Соколов В. Новая регионалистика, геополитика и история: Проблемы безопасного со-развития России и АТР // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. - Владивосток, 2004. С. 159-184.

25. Goble P.A. Back on the Map: The Geopolitics of Central Asia // Central Asia. - Stockholm, 1997. № 2(8).

26. Бабурин С. Территория государства: Правовые и геополитические проблемы. - М., 1997; *Бабурин С.* Территория государства (правовые проблемы): Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. - М., 1998.

27. Цит. по: *Лавров С. и др.* Современная «радикальная география» Запада: Корни, история, позиции // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1979, № 2. С. 142.

28. Хасанов У. Указ. раб. С. 69.

29. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. – Ташкент: Узбекистан, 1997.

30. Collins R. Weberian Sociological Theory. - Cambridge, 1986; *Collins R.* The Geopolitical and Economic World-Systems of Kinship-Based and Agrarian-Coercive Societies // Review (USA). 1992. Vol.15. № 3. P. 373–388.

31. Февр Л. Бои за историю. - М., 1991.

32. Agnew J., Carbridge S. Mastering Space: Hegemony, Territory and International Political Economy.- L., 1995.

33. Abdullaev Sh. Formation of a New International System...; *Бусыгина И.* Судьба географических знаний в политической науке и образовании // Полис.- М., 2003. № 1.

А.П. Сеитов

УМЭД в фарватере современных научных тенденций

Сложившийся в конце 90-х годов прошлого века комплекс знаний о международных отношениях оказался недостаточным, чтобы сформулировать адекватный ответ на вызовы современности, в первую очередь выявить и объяснить глубинные причины мировых трансформаций. Одной из целей данной статьи является попытка понять, почему так получилось и как это необходимо учитывать в образовательном процессе в высших учебных заведениях.

Проанализируем некоторые интерпретации понятия «международные отношения», чтобы выявить возможные причины такой ситуации. В целом данный термин определяют как:

(1) специфическая область общественных отношений, совокупность политических, экономических, идеологических, правовых, дипломатических, военных и других связей и взаимоотношений между основными субъектами мирового сообщества, а также поведение государств на международной арене [1];

(2) взаимоотношения между государствами, а в более широком смысле – деятельность международной системы как единого целого [2];

(3) совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических и иных связей и взаимоотношений между государствами и системами государств, между основными классами, основными социальными, экономическими, политическими силами, организациями и общественными движениями, действующими на

А.П. Сеитов, *кандидат социологических наук, УМЭД.*

мировой арене, т.е. между народами в самом широком смысле этого слова [3].

Обобщение трех определений позволяет сделать вывод: фактически речь идет об особом роде общественных отношений в сфере межнационального и межгосударственного общения. Международные отношения характеризуются совокупностью связей и взаимосвязей между народами, государствами и системой государств.

При исследовании международных отношений можно использовать два метода: рассматривать их как особый род общественных отношений либо как взаимодействие их участников (акторов).

Первый метод выглядит более научно, в первую очередь за счет широты подхода, а второй – более практично, так как существенно сужает объект и предмет международных отношений. Объект – это весь многообразный, трудноуловимый и противоречивый мир международных отношений. Очевидно, что при изучении объекта международных отношений необходимо учитывать множество его характеристик, которые и определяют особый род общественных отношений, а именно:

(1) отсутствие общепризнанной иерархии международных отношений на фоне стремления отстаивания «политического суверенитета»;

(2) субъективность, с одной стороны, процессов институционализации международных отношений, с другой – норм и правил международного права;

(3) глобализация мирового пространства, что влияет на способность государства обеспечивать безопасность своих граждан и т.д.

Если рассматривать объект международных отношений в самом широком его понимании, то можно столкнуться с методологической необходимостью выявления комплекса факторов, влияющих на международные отношения, которые имеют противоречивый характер: сотрудничество и конфликтность; интеграция и дезинтеграция; целостность и фрагментарность и др. Таким образом, исследователь должен анализировать широчайший круг проблем.

Очевидно, что в условиях динамичного изменения международной обстановки фактор времени выступает важным обстоятельством для оценки международных отношений, например, в случае необходимости принятия того или иного внешнеполитического решения. Здесь, на наш взгляд, и кроется одно из объяснений тому, почему исследователи международных отношений в конце XX и начале XXI в. не смогли дать адекватную оценку трансформаций, произошедших в мире. Попытка изучать международные отношения академически,

учитывая весь сложнейший и взаимосвязанный набор факторов, исключительно как особый вид общественных отношений, требовала больших финансовых и временных затрат, с учетом важности дать научно обоснованные ответы «здесь и сейчас».

Выражаясь образно, «фабрики мысли» («Think Tanks»), с их конкретными проектами по продвижению интересов отдельных стран на мировой арене, подложили «мину замедленного действия» под фундаментальную науку международных отношений, что требует осмысления и практического ответа. Например, рассматривая фундаментальные основы развития международных отношений, в том числе опираясь на исторически изжившее себя понимание исключительной классовости ее природы, международники советского периода упустили из виду зачатки глобальных трансформаций.

Международные отношения, как дисциплина, должна давать конкретные инструменты по выработке прогноза и рекомендаций для политических решений.

Это говорит о неэффективности такого сугубо академического подхода к гуманитарным наукам, особенно связанным с информационно-аналитическим обеспечением принятия политических решений. Международные отношения, как дисциплина, обязана давать конкретные инструменты исследователям по выработке прогноза и рекомендаций для конкретных политических решений, иными словами, добиться единства теоретического и практического развития данной науки.

На наш взгляд, при проведении практически ориентированных исследований международных отношений в условиях ограниченности времени и необходимости выработки практических рекомендаций целесообразно максимально сузить объект международных отношений (до акторов).

Основным методологическим критерием выделения и сужения объекта до актора должно выступать определение такой исходной точки, влияние на которую должно приводить к существенным изменениям международной обстановки, выгодной для заказчика конкретного исследования.

Например, при анализе крупного международного блока сил в определенном регионе необходимо выделить таких акторов, от деятельности которых зависит развитие ситуации, при необходимости сужая объект вплоть до определенной конкретной единицы. Выработав же конкретные рекомендации в отношении данного актора, мы в случае их реализации в состоянии изменить деятельность всей рассматриваемой системы.

Рассмотрим еще один критерий сужения объекта. Считаем, что сужать можно и до уровня отдельной личности, конечно же, обладающей набором ресурсов, например, лидере конкретного государства или главе крупной транснациональной корпорации.

Итак, с точки зрения гуманитарных наук международные отношения можно рассматривать как человеческую деятельность, в процессе которой индивиды из более чем одного государства взаимодействуют индивидуально или в группах [4]. Можно говорить также о международных отношениях как о виде человеческой деятельности, в процессе которой взаимодействуют в индивидуальной и групповой форме лица, представляющие более чем одну страну (nation) [5].

Отметим роль конкретного целевого изучения международных отношений, которое обязательно должно носить измеряемый характер. Например, в цели изучения взаимодействия страны *A* со страной *B* должно быть заложено конкретное достижение, в частности, отказ от поддержки внешнеполитической инициативы страны *C*. Есть отказ – цель достигнута, нет отказа – нет. В этом случае критерием сужения выделения актора будет выступать изменение мнения или действия, которое приведет к интересуемому отказу.

Условно сужая объект международных отношений до взаимодействия их акторов, мы существенно повышаем практическую востребованность международных отношений как академической науки. Так, используя данный подход при подготовке профессиональных кадров для системы государственных органов во внешнеполитической сфере, мы получаем будущих сотрудников, готовых в сжатые сроки в процессе анализа конкретной ситуации вычленять основные влияющие факторы.

Сужая объект международных отношений до взаимодействия их акторов, мы существенно повышаем востребованность международных отношений как науки.

Такие сотрудники в состоянии на основании многофакторного анализа прогнозировать развитие внешнеполитической ситуации и вырабатывать адекватные предложения, чтобы корректировать динамику внешнеполитической ситуации. Таким образом, теоретические знания международных отношений позволяют оказывать влияние на их развитие в реальном пространстве, подсказывать каждому актору международных отношений принимать решения, основываясь на собственных интересах и имеющихся в его распоряжении ресурсах.

Условное сужение объекта открывает возможность углубленно изучить деятельность новых действующих лиц международных отноше-

ний, например, транснациональные корпорации, в том числе медиаструктуры, международные террористические группы, этнические диаспоры, неправительственные некоммерческие организации (ННО), социальные сети и т.д.

Такой методологический подход применим для анализа роли ННО или медиа-структур в массированном информационном давлении на государство, выбранное страной-агрессором в качестве объекта для смены суверенного внешнеполитического курса. Очевидно, что, имея научно выверенные критерии перерастания (выхода) деятельности той или иной международной организации за пределы декларируемых ею уставных задач, можно заранее раскрывать устремления стоящих за ней акторов.

Здесь важен и следующий аспект. Сужая объект международных отношений, мы можем **полнее обеспечивать права и свободы человека в истинном их понимании**. Не существует уникальной для всех стран мира модели демократии, а есть базовые ценности, к которым необходимо стремиться при государственном строительстве. Анализ через призму деятельности акторов позволяет выявлять возможное использование темы «права и свободы человека» как прикрытия внешнеполитических устремлений.

Подчеркнем, мы не сомневаемся в важности формирования единого мирового сообщества, которое развивалось бы в интересах всех народов и каждого человека. Выделим один из постулатов государственного развития Узбекистана: это «реформы не ради реформ, а для человека».

Рассмотрим последствия условного сужения объекта международных отношений к его предмету. Сам по себе предмет международных отношений – это существенные, повторяющиеся и необходимые для существования объекта связи, закономерности, законы [6]. Главным действующим актором международных отношений принято считать государство, а формами его международной деятельности – дипломатию и внешнеполитическую стратегию.

Государственная политика рассматривается в двух разновидностях: внутренней и внешней. Между этими видами имеется не только взаимосвязь, но и существенные различия.

В зависимости от распределения ресурсов (в самых различных его видах) между мировыми державами баланс сил на мировой арене может принимать различные конфигурации: однополярную, биполярную, полицентричную и т.д. Более того, международные отношения могут рассматриваться как некое силовое взаимодействие го-

сударств и баланс сил, в котором преимущества имеют наиболее мощные державы.

В качестве основы всех международных действий рассматривается деятельность государства, которая опирается на национальный интерес. Это позволяет определить предмет международных отношений как сферу реализации и взаимоотношений национальных интересов различных государств. Здесь сужение объекта международных отношений до взаимодействия акторов позволяет вычленить конкретные субъекты, которые, с одной стороны, определяют национальные интересы и возводят их до ранга политических приоритетов, с другой – реализуют их на внешнеполитической арене. Значит, имея возможность проводить точечный анализ внешнеполитической деятельности того или иного актора международных отношений, мы в состоянии понять истинные причины такого поведения, а также спрогнозировать (а следовательно, при необходимости выработать адекватные практические ответы) развитие ситуации в международных отношениях.

Условное сужение объекта также позволяет повысить практическую отдачу от методологии международных отношений как совокупности приемов, способов, путей, методов познания. В частности, при изучении международных отношений возможно сочетание таких методов, которые опираются (по Р.Арону):

- на теорию в исследовании сущности, специфики и основных движущих сил этого особого рода общественных отношений;
- на историческое развитие международных отношений в процессе смены эпох и поколений, позволяющее находить аналоги и исключения;
- на социологию в поисках детерминант и закономерностей, определяющих изменения и эволюцию международных отношений;
- на опыт при анализе процесса подготовки, принятия и реализации международно-политического решения.

Отметим, что условное сужение объекта до конкретных акторов позволяет задействовать большой пласт методов гуманитарных наук, таких как история, социология, психология и др. Тогда мы получаем возможность выявлять эмпирические закономерности, которые можно перепроверить, тем самым существенно повышая достоверность выводов, а значит, снижая их субъективность.

Рассматриваемый подход существенно повышает практическую составляющую и парадигм международных отношений. Очевидно, что, сужая объект, мы должны ответить на следующие концептуальные вопросы:

◆ кого из участников следует считать главными акторами международных отношений;

◆ какие цели преследуют главные акторы;

◆ кто конкретно определяет цели главных акторов;

◆ какими средствами должны располагать главные акторы для достижения своих целей.

Например, классические положения парадигмы *политического реализма* (Макиавелли, Гоббс, Генри Киссинжер, Раймон Арон, Ганс Моргентау и др.) можно рассматривать с такой точки зрения:

государства исходят прежде всего из своих интересов;

государства, как люди, эгоистичны в своих устремлениях;

стремление к могуществу – главный мотив их деятельности, для политики главное – власть, для экономики – богатство;

категория «интерес» определяет политические спекуляции на тему морали;

на фоне доминирования силового фактора государства всегда должны быть в полной готовности нападать и защищаться.

Значит, вычленив конкретный субъект, определяющий интересы актора, мы можем предугадать последствия их реализации на внешней арене. Воздействовав, например, «мягкой силой» на данный субъект, в силу его эгоистичности мы можем изменить характер внешнеполитической деятельности. Если этот субъект – парламент, то, воздействуя на его депутатов, мы можем вносить изменения в законы и определять контуры внешнеполитической деятельности.

Или, например, приход к власти республиканской или демократической партии в США не может не влиять на внешнеполитическую активность данной мировой державы. Сегодняшняя победа Д.Трампа на президентских выборах 2016 г., назначение им того или иного кандидата на ключевые должности в будущем правительстве США уже приводят к различным прогнозам возможных изменений расклада сил на мировой арене. Анализ интересов, выдвинутых главными спонсорами (корпорациями) предвыборных кампаний победителей, позволяет предугадать конвертацию экономических устремлений в политические (в нашем случае внешнеполитические) действия.

Относительно *либерально-идеалистической парадигмы* (Гуго Гроций, Иммануил Кант, Вудро Вильсон и др.) можно отметить, что «человек не агрессивен по своей природе, он нацелен на сотрудничество», а с точки зрения *политического неолиберализма* (Роберт Кохэн, Адам Ротфельд, Мортон Каплан и др.) «главные акторы международных отношений – индивиды, неправительственные, транснациональные субъекты».

Говоря о преимуществах практического уровня сужения объекта международных отношений до акторов, необходимо затронуть существенный момент, который накладывает ограничения на такое допущение при его использовании. Например, Кеннет Нил Уолц в своей работе «Человек, государство и война» использовал понятие «уровни анализа», анализируя политические конфликты. Их причины он искал на трех уровнях: а) уровне индивида или лиц, принимающих решения, б) уровне государства или уровне внутриполитических факторов, в) уровне межгосударственной системы. Такой подход позволил разделить области политики, каждая из которых оказывает влияние на поведение государства на международной арене и позволяет исследователю сосредоточиться на одной из сфер политики, абстрагируясь на время от других. Так, на уровне индивида исследуется роль персональных качеств лиц, принимающих решения, в частности, особенности их характера, психологии, идеологических установок, морального облика и т.д. Однако одним из главных недостатков такого метода выступает необходимость опоры на интуицию, что сопряжено с определенным субъективизмом при анализе одних и тех же процессов в международных отношениях.

Из сказанного следует вывод: использование исследователем метода условного сужения объекта международных отношений для повышения практической отдачи продуктивно только в случае владения им (исследователем) всем комплексом знаний международных отношений как теоретической науки. Сужая объект без наличия фундаментальных знаний в области международных отношений, можно оказаться в плену стереотипов. Особенно важно учитывать это в условиях гибридных информационных войн, когда даже авторитетные, на первый взгляд, мнения ведущих экспертов могут выступать тщательно завуалированной дезинформацией.

Сужая объект, без наличия фундаментальных знаний в области международных отношений, можно оказаться в плену стереотипов.

Фактически мы используем диалектический метод познания – от общего к частному, от частного к общему. Условно сужая объект международных отношений до акторов, мы существенно усиливаем практическую отдачу от эмпирического изучения конкретных ситуаций на внешнеполитической арене. Исследования, которые базируются на фундаментальных знаниях, в свою очередь, помогают лучше понимать общую международную обстановку. Таким образом, устанавливается неразрывность теории и практики.

Как достичь декларируемых в этой статье тезисов в учебном процессе Университета мировой экономики и дипломатии (УМЭД)? Достичь этого можно за счет усовершенствования образовательного процесса путем обновления академического курса преподаваемых дисциплин. В этом отношении следует поддержать стремление руководства УМЭД учитывать новые веяния в изучении международных отношений, так как это позволяет университету двигаться в сторону современных образовательных стандартов.

Так, в рамках учебного года 2016/2017 годов кафедрой «Практическая дипломатия» введены целый ряд учебных дисциплин, прежде всего **«Основы системного подхода к исследованию международных отношений»**. Этот курс позволяет учащимся изучать систему международных отношений с учетом широкого комплекса факторов, влияющих на их становление с использованием всего спектра методик их изучения.

Данный курс ставит целью содействовать получению студентами комплекса знаний, необходимого современному специалисту в области международных отношений, умению анализировать актуальные проблемы международных отношений (формирование личностной, организационно-управленческой и профессиональной компетенции учащегося), а также пониманию сути внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан на мировой арене.

Как достичь декларируемых в этой статье тезисов в учебном процессе Университета мировой экономики и дипломатии? Достичь этого можно за счет усовершенствования образовательного процесса путем обновления академического курса преподаваемых дисциплин. В этом отношении следует поддержать стремление руководства УМЭД учитывать новые веяния в изучении международных отношений, так как это позволяет университету двигаться в сторону современных образовательных стандартов.

В рамках дисциплины, в частности, рассматриваются вопросы (1) формирования системного представления о международных отношениях, (2) методики изучения внешнеполитических проблем с акцентом на информационное общество и специфику современной политической культуры, (3) разграничения факторов внешне- и внутриполитического характера, влияющих на международные отношения, (4) роли международных организаций на мировой арене, способах разрешения международных и локальных конфликтов, (5) внешнеполитической позиции Узбекистана относительно урегулирования международных конфликтов и т.д.

Курс «Основы системного подхода к исследованию международных отношений» дает возможность решить ряд взаимосвязанных задач: помогает осмыслить происходящие сегодня внешнеполитические процессы; проанализировать складывающиеся конкретные политические ситуации в определенных точках мира; оценить перспективы сотрудничества Узбекистана с различными странами мира в контексте осуществляемых реформ внутри страны.

Внедрена также дисциплина **«Введение в прикладной анализ внешнеполитических ситуаций»**, которая ориентирована, во-первых, на освоение и отработку современного инструментария анализа международных ситуаций, во-вторых, на формирование понимания протекающих в мире процессов, природы имеющихся конфликтных узлов. Такой комплексный подход позволяет не только развивать навыки прикладного исследования, но и прививать системное видение современных тенденций, разворачивающихся в мировом политическом пространстве.

В основу данной дисциплины заложено освоение учащимися арсенала методологического и методического инструментария экспертно-аналитической деятельности в области международных отношений.

Таким образом, основной целью новых дисциплин выступает уяснение возможностей основных методических подходов, современных методик изучения международной проблематики, обретение компетенций, требуемых для организации и проведения методологически грамотных исследований. Это предполагает изучение информационных аспектов методического обеспечения внешнеполитических исследований и выработку у учащихся способности выхода за рамки различных информационных полей.

Основное внимание должно быть сосредоточено на изучении возможностей таких методик, как экспертные оценки, контент-анализ, ивент-анализ, когнитивное картирование, а также на формировании навыков отработки исследовательских документов и материалов.

Введен также на уровне магистратуры курс **«Антропология международных отношений»**. Это позволит учесть в образовательных процессах понятие «человек» в международных отношениях, чтобы оно заняло достойное место среди категорий «безопасность», «геополитика», «национальный интерес» и т.д. Особенно это важно для анализа молодых государств, например, в Центральноазиатском регионе, ориентированных на дальнейшее укрепление национального суверенитета и обеспечение занятия ими своего места в мировом сообществе, что во многом связано с личными качествами национальных лидеров этих стран. Фактически можно вести речь о роли человека

как «конструктора» и «строителя» международных отношений через возможности того или иного государства.

Понятие «антропология» сегодня применяется для обозначения учения о человеке в широком плане. Говорят о культурной антропологии (исследование культур различных народов) или о социальной антропологии (объяснение форм человеческого поведения). Для нас важен аспект степени антропологической детерминированности международных отношений, выявления факторов и условий, границ воздействия человека на данную сферу.

Антропологичность международных отношений хорошо прослеживается на уровне абсолютных монархий прошлых веков («Государство – это я»). Однако в нашем университете введение на уровне магистратуры курса «Антропология международных отношений» позволяет должным образом акцентироваться на способности индивида воздействовать на сложившееся положение дел во внешней политике, антропологических характеристиках субъектов международных отношений, повышающих вероятность адекватного решения поставленных перед дипломатом задач.

Дипломатические отношения - это диалог живых людей, сформированных под воздействием своей культуры, системы ценностей, моделей поведения.

Такой подход позволяет учащимся понимать, что дипломатические отношения – это также диалог живых людей, сформировавшихся под воздействием своей культуры, системы ценностей, моделей поведения. Сам ход диалога может определяться не только поставленными задачами, но и культурно-политическим подконтекстом, социально-психологическими характеристиками взаимодействующих народов.

Таким образом, внедрение в учебный процесс УМЭД новой дисциплины «Антропология международных отношений» обусловлено необходимостью дать учащимся общее представление о том, какую роль антропологический фактор (гендерная принадлежность, психологические характеристики, национальная принадлежность и т.п.) играет в международных отношениях, рассмотреть степень его влияния на решения, принимаемые акторами.

Курс «Антропология международных отношений» призван показать учащимся роль «человеческого фактора» в формировании международных отношений и мировой политики, освоение которого позволит глубже понимать латентные рычаги управления этими отношениями и политикой. В ходе аудиторных занятий особое внимание должно уделяться научным исследованиям в области международных отношений, связанных с ростом интереса к проблеме человека,

значимости индивидов в международной политике, деятельности международных организаций, направленных на защиту безопасности человека.

Введением в учебный курс новой дисциплины УМЭД стремится дать своим студентам современные знания по концепциям социальных, политических, экономических и других отношений, базирующихся на понимании «человеческой природы» как комплексной науки о человеке. Тем самым выпускники УМЭД будут готовы к тому, что люди неизбежно привносят в международные отношения ограниченно «субъективные» представления, что означает наличие «человеческого фактора» в различных институтах и практиках. Признание значения человека – это не дань некоей моде, а адекватный ответ на современные исследования социально-политической жизни в международной сфере.

В рамках нового курса человек признается не только как некая абстрактная модель, но и как реальный индивид, влияющий на международные отношения, его различные аспекты, вплоть до хода дипломатических переговоров, анализа участия индивидов в деятельности различных международных институтов, организаций и объединений. Измерение уровня индивидов, непосредственно связанных с формированием международной политики, следует проводить и на уровне психологических, культурных, ментальных и других свойств и качеств, присущих людям.

Главная цель курса – дать студентам общее представление о роли антропологического фактора в международных отношениях и мировой политике, влияющего на решения, принимаемые акторами, действующими в политической, экономической, военной и других сферах. Определены следующие задачи курса: дать представление о дисциплинах антропологического характера; показать роль социально-антропологических измерений человека как на национальном, так и на международном уровнях; привить учащимся навыки рассмотрения международных отношений под антропологическим углом зрения.

Курс исходит из важности формирования теоретических знаний и практических навыков их использования в будущей профессиональной деятельности студентов с особым упором на их самостоятельную работу в рамках тренингов для формирования профессиональных и научно-исследовательских навыков.

Введение нового курса должно дать учащимся знание современных зарубежных концепций, объясняющих роль личности в мировой политике, научить системно мыслить, увязывая процессы и яв-

ления в сфере международных отношений и мировой политики с деятельностью человека на мировой арене, осмысливать социально-антропологические интерпретации международных отношений с точки зрения национальных интересов страны, обучить навыкам оценки влияния человеческого фактора на международные отношения, а также умению составлять аналитические тексты, адекватным образом учитывающие потребности конкретного заказчика.

Обобщая обоснование появления новых учебных дисциплин, отметим, что введение указанных курсов, в частности, системное совершенствование образовательного процесса в УМЭД, направлено на подготовку профессиональных кадров в виде будущих политических аналитиков и сотрудников внешнеполитического ведомства, способных изучать международные процессы как с институционально-теоретической, так и с практической точки зрения.

Литература

1. Политическая энциклопедия. Т. 1. – М., 1999.
2. Политика. Толковый словарь. Под ред. А. Маклина. – М., 2001.
3. http://studlib.com/content/view/74/6/
4. *Коновалов В.Н.* Политология. Словарь. – М.: РГУ. 2010.
5. International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 8. N.d.
6. *Мунтян М.А.* Основы теории международных отношений. – М., 2006.
7. *Баталов Э.Я.* О философии международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005.
8. *Катаев Д.С., Фельдман Д.М.* Человек в науке о мировой политике // Вестник МГИМО. 2010, №6.

Н. Сиражиддинов

Зона свободной торговли между СНГ и Узбекистаном: аргументы «за» и «против»

Со дня развала СССР новые независимые государства предпринимали попытки для поиска такой модели экономического сотрудничества, которая позволила бы сохранить налаженные хозяйственные связи и экономический потенциал. Причин для этого было несколько. Основная причина заключалась в том, что за годы существования СССР на его территории сформировался единый экономический комплекс, где каждое предприятие было встроено в единую систему производства и распределения ресурсов. В этой системе не было места для свободных рыночных отношений, которые не могли существовать при жесткой системе фондирования практически всей номенклатуры товаров. Каждое предприятие точно знало, какому потребителю и в каком объеме оно должно поставить свою продукцию.

После распада СССР стало понятно, что производители в большинстве случаев не имеют других потребителей, которым была бы нужна их продукция. Исключением из этого правила было производство некоторых видов сырьевой и высоколиквидной продукции.

Параллельно с распадом СССР неминуемо распалась единая система платежей, что также не способствовало поддержанию хозяйственных связей с прежними партнерами. Они теперь просили расчетов в конвертируемой валюте, а ее было недостаточно, что приводило к расцвету клиринговых схем со всеми последствиями неэквивалентного обмена. Кроме того, каждое независимое государство начало проводить свою таможенную политику с собственной системой таможен-

Н. Сиражиддинов, *доктор экономических наук, профессор УМЭД.*

ных пошлин и налогов. Все это не могло не сказаться на использовании имеющихся производственных мощностей, обеспечении занятости и доходов населения.

В сложившейся ситуации нужно было искать возможности для поддержания хозяйственных отношений между производителями и потребителями. По этой причине создание первого интеграционного объединения после распада СССР в виде Зоны свободной торговли Содружества Независимых Государств явилось тем инструментом, который в сфере экономических отношений позволял его участникам сохранить на некоторое время хозяйственные связи предприятий. С этой целью между Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Казахстаном, Киргизией, Молдовой, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном и Украиной как членами СНГ 15 апреля 1994 г. было подписано Соглашение о создании зоны свободной торговли, которое обеспечивало режим свободной торговли товарами между ними. Соглашение предусматривало осуществление беспошлинной торговли, отмену тарифных и нетарифных ограничений во взаимной торговле. Кроме того, страны-члены СНГ договорились о взаимном признании сертификатов соответствия, что избавляло импортеров от необходимости проведения дополнительных процедур по сертификации продукции при наличии сертификата страны-производителя, а также пришли к соглашению о применении косвенных налогов к товарам по принципу «страны назначения».

Однако многосторонний режим свободной торговли между странами СНГ так и не был введен. Участники Соглашения не смогли договориться об общем перечне изъятий из режима свободной торговли, который в соответствии с условиями этого международного договора должен был стать его составной частью. Главная «проблема» заключалась в том, что Соглашением не была предусмотрена возможность применения экспортных пошлин, которые формировали значительную часть государственного бюджета некоторых стран СНГ, особенно российского.

Несмотря на это, во взаимоотношениях между странами СНГ, хотя и с многочисленными изъятиями, продолжал действовать режим свободной торговли. Он был зафиксирован в двусторонних соглашениях о свободной торговле, заключенных между странами СНГ. В этих двусторонних соглашениях Российская Федерация оставляла за собой право применять экспортные пошлины по ряду товаров сырьевой номенклатуры, включая сырую нефть и природный газ, а некоторые другие страны СНГ закрепили за собой право применять импортные пошлины по отдельным позициям, таким как сахар, табачные изделия

и алкоголь. В двусторонних соглашениях использовались вспомогательные правила происхождения товара, сертификации и др., действующие в рамках Зоны свободной торговли СНГ. Все это давало странам-участницам СНГ возможность беспошлинно экспортировать и импортировать товары без применения экспортных и импортных пошлин по большому перечню товаров.

Совет глав государств СНГ и Совет глав правительств СНГ неоднократно подписывали документы, направленные на развитие ЗСТ, однако в полной мере режим свободной торговли так и не был введен.

В 2009 г. Россия представила экспертам стран СНГ свой проект нового многостороннего Договора о зоне свободной торговли, который должен был заменить двусторонние соглашения между странами СНГ одним многосторонним – о зоне свободной торговли. В качестве основных аргументов в поддержку своего предложения указывалось на примерно 110 соглашений о взаимной торговле между странами СНГ, что создавало неудобства и приводило к дискриминационным последствиям в торговле, а также на необходимость корректировки многостороннего договора согласно международным нормам и правилам торговли (ГАТТ/ВТО).

18 октября 2011 г. в Санкт-Петербурге Совет глав правительств стран СНГ подписал Договор о зоне свободной торговли (ЗСТ), который вступил в силу 20 сентября 2012 г. Договор содержал упрощение правовых основ торгово-экономических отношений между подписавшими его странами, замену целого ряда многосторонних и примерно 100 двусторонних документов, регламентирующих режим свободной торговли на пространстве Содружества.

Согласно договору, существенно сокращалось количество изъятий из режима свободной торговли при импорте. К 2015 г. среди изъятий при импорте оказались всего две товарные позиции: сахар белый и прочие сахара.

Участники Договора о ЗСТ договорились также «заморозить» экспортные пошлины на существующем уровне и приступить к переговорам по их поэтапной отмене, не использовать технические, санитарные и фитосанитарные меры в качестве барьеров для торговли.

Договор предусматривал также следующее:

- отмену количественных ограничений во взаимной торговле государств – участников СНГ в форме квот, лицензий или других мер;
- предоставление друг другу национального режима в отношении внутренних налогов, сборов, законов, правил, относящихся к купле-продаже, перевозке, распределению, использованию, переработке товаров на внутринациональном рынке;

- применение принципа свободы транзитных перевозок;
- применение временных защитных мер во взаимной торговле в отношении промышленных и сельскохозяйственных товаров в соответствии со ст. XIX ГАТТ 1994, Соглашением ВТО и Договором о создании ЗСТ в случае угрозы причинения ущерба национальным производителям.

Присоединение Узбекистана к Договору о создании зоны свободной торговли в рамках СНГ имело как положительные, так и негативные последствия.

Протокол о применении Договора о создании ЗСТ от 18 октября 2011 г. между его сторонами и Республикой Узбекистан был подписан 31 мая 2013 г.

Присоединение Узбекистана к Договору о создании ЗСТ имело как положительные, так и негативные последствия.

Положительный итог заключается в том, что региональная интеграция в рамках СНГ позволяет более эффективно решить несколько наиболее актуальных проблем на данном этапе экономических реформ.

Во-первых, участие в ЗСТ в рамках СНГ дает возможность использовать объединенные и, как следствие, более значительные ресурсы и рынки для становления новых отраслей, воспользоваться преимуществами сотрудничества и внутрирегиональной специализации для развития крупномасштабных производств, позволяющих добиться эффекта масштаба. Важно и то, что многократное расширение емкости рынка может стать важнейшим дополнительным фактором привлечения иностранных инвестиций в экономику, особенно в перерабатывающие отрасли, а объединение усилий стран региона позволяет более жестко отстаивать совместные интересы в двусторонних экономических отношениях с третьими странами, международными экономическими организациями и ТНК.

Во-вторых, значение участия Узбекистана в ЗСТ из года в год растет при проведении структурных преобразований в экономике. Если раньше в структуре экспорта страны преобладали сырьевые товары, которые, как правило, являются высоколиквидными на мировом рынке, к тому же к сырью в мировой практике, как правило, не применяют импортных пошлин, то в результате структурной перестройки экономики расширяется номенклатура экспорта и в ней растет доля готовых изделий. Учитывая высокие барьеры на пути импорта готовых изделий практически во всех странах и высокую конкуренцию на мировых рынках этих товаров, расширение номенклатуры экспорта и повышение в его структуре готовых изделий с каждым годом делает участие Узбекистана в ЗСТ все более привлекательным и выгодным.

Важно учитывать и тот факт, что готовые изделия, производимые в странах СНГ, особенно в Центральной Азии, обладают низкой конкурентоспособностью на рынках стран дальнего зарубежья из-за высоких удельных транспортных издержек и из-за сравнительно низкого их качества. В то же время ценовой фактор конкурентоспособности на рынках стран СНГ является более важным, чем на рынках стран с развитой экономикой, где на первый план выходят качество и бренд товара. Следовательно, в перспективе значительное расширение экспорта готовых изделий и продовольственных товаров возможно лишь на рынки стран СНГ, что повышает актуальность участия нашей страны в ЗСТ.

Во-третьих, участие страны в ЗСТ значительно расширит доступ как производителей, так и потребителей к обширным рынкам и ассортименту товаров, следовательно, может способствовать формированию внутрирегиональной конкуренции, что является важнейшим стимулом к снижению издержек производства и повышению качества производимых товаров и предоставляемых услуг.

В-четвертых, как показывает опыт зарубежных стран, участие страны в интеграционном объединении может стать важным фактором укрепления взаимопонимания и сотрудничества между этими странами в политической, социальной, культурной и других неэкономических областях. Для стран, расположенных географически близко друг от друга и решающих схожие проблемы развития, добрые отношения с соседями, подкрепленные взаимными экономическими обязательствами, становятся важнейшим политическим приоритетом. И участие Узбекистана в ЗСТ может способствовать реализации этого приоритета.

В-пятых, некоторые страны СНГ – участники ЗСТ (Армения, Казахстан. Киргизия, Молдова, Украина, Россия) являются членами ВТО, а другие страны стремятся обрести членство в ВТО, одним из главных принципов которой является принцип недискриминации в торговле. Этот принцип предусматривает взаимное предоставление, с одной стороны, режима наибольшего благоприятствования в отношении экспортных, импортных и транзитных операций и связанных с ними таможенных пошлин и сборов для всех членов ВТО. С другой стороны, принцип недискриминации предусматривает предоставление всем странам – членам ВТО национального режима, т.е. равного подхода к товарам импортного и отечественного производства в отношении внутренних налогов и сборов, а также правил, регулирующих внутреннюю торговлю.

В ст. XXIV.5 ГАТТ-1994 указано, что положения ГАТТ (а теперь ВТО) «не препятствуют образованию членами ВТО таможенного союза или зоны свободной торговли или принятию временного соглаше-

ния, необходимого для образования таможенного союза или зоны свободной торговли». Это разрешение ограничено условием, что пошлины и другие меры регулирования торговли в отношении членов ВТО, не являющихся участниками такого союза или соглашения, не станут более высокими или более ограничительными, чем они были до образования таких соглашений. В итоговых документах Уругвайского раунда появилась Договоренность о толковании ст. XXIV ГАТТ-1994, в которой содержится методология сопоставления пошлин и оценки Секретариатом ВТО того, как участницы таможенного союза и ЗСТ выполняют названные выше положения. Договоренность содержит также обязательства стран-участниц Таможенного союза в случае повышения ставок пошлин прибегнуть к переговорам или консультациям с теми членами ВТО, которых это будет затрагивать. Цель этих консультаций – поиск взаимоприемлемого урегулирования возникающих конфликтов.

Поскольку нарушение принципа недискриминации и введение свободного торгового режима возможно только для региональных интеграционных объединений в виде ЗСТ или Таможенного союза, в перспективе сохранение режима свободной торговли со странами СНГ на основе двусторонних соглашений для Узбекистана может стать проблематичным. В этих условиях вхождение Узбекистана в ЗСТ в рамках СНГ является наиболее оптимальным инструментом сохранения режима свободной торговли со странами СНГ.

В-шестых, необходимость участия страны в ЗСТ диктуется еще и специфическими факторами, характерными для стран СНГ, особенно для стран Центральной Азии. В частности, важными аргументами в пользу участия Узбекистана в ЗСТ СНГ являются следующие:

- высокая степень взаимодействия стран СНГ как результат их длительного совместного сосуществования;
- наличие общей коммуникационной инфраструктуры – единой сети нефте- и газопроводов, железнодорожного хозяйства, связи, единой системы водопользования и др.;
- географическое расположение стран Центральной Азии, не имеющих выхода к морю и зависящих от транзита через территорию соседних стран для осуществления внешней торговли.

Вместе с тем присоединение Узбекистана к Договору о создании ЗСТ, подписанному странами СНГ 18 октября 2011 г., имеет и негативные последствия для экономики Узбекистана.

Во-первых, в некоторых случаях этот договор значительно ухудшает условия торговли между отдельными странами СНГ. В частности, если в Соглашении от 1994 г. присутствовал принцип нерасширения перечня изъятий из режима свободной торговли, то в подписан-

ном договоре закреплено право их применения. Более того, этот перечень значительно расширяется в основном за счет унификации экспортных таможенных пошлин на товары, экспортируемые из стран Таможенного союза в остальные страны СНГ, на основе экспортного тарифа России. В практическом плане для Узбекистана это означает, что если, согласно действующим двусторонним договоренностям, ни Казахстан, ни Белоруссия не имеют права применять в торговле с Узбекистаном экспортные пошлины, то в новом соглашении такое право узаконено. Это касается импорта Узбекистана из Казахстана нефти и нефтепродуктов, отходов и лома черных металлов, из Белоруссии – лесоматериалов и др.

Во-вторых, вопросы нетарифного регулирования во взаимной торговле, включая применение специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер, технических регламентов, санитарных и фитосанитарных мер, решение спорных вопросов и др. в Договоре 2011 г. регулируются в строгом соответствии с правилами ВТО, что фактически накладывает новые обязательства на страны-участницы Договора, не являющихся членами ВТО.

ВТО: национальный режим

В ст. III ГАТТ-1994 предусматривается, что договаривающиеся стороны признают, что внутренние налоги и другие внутренние сборы, законы, правила и требования, затрагивающие внутреннюю продажу, предложение о продаже, покупку, перевозку, распределение и использование товаров, и внутренние правила количественного регулирования, требующие смешения, переработки или использования товаров в определенных количествах или долях, не должны применяться к импортным или отечественным товарам таким образом, чтобы создавать защиту для отечественного производства.

Товары с территории любой договаривающейся стороны, ввозимые на территорию другой договаривающейся стороны, не подлежат обложению, прямо или косвенно, внутренними налогами или иными внутренними сборами любого рода, превышающими прямо или косвенно, налоги и сборы, применяемые к аналогичным отечественным товарам. Более того, ни одна из договаривающихся сторон не применяет иным образом внутренние налоги или другие внутренние сборы к импортированным или отечественным товарам, чтобы это противоречило принципам, изложенным в предыдущем пункте.

В частности, в соответствии с условиями статьи 5 «Национальный режим» Договора о зоне свободной торговли от 2011 г., стороны предоставляют друг другу национальный режим в соответствии со ст. III ГАТТ-1994. На этом основании в случае присоединения к Договору без особых условий Узбекистан должен будет внести ряд существенных корректировок в свой торговый режим. Наиболее важной из них для Узбекистана станет необходимость уравнивания ставок акцизного налога на импортируемые и производимые в стране товары, которые различаются между собой по перечню подакцизных товаров и по уровню ставок акцизных налогов. Такая корректировка торгового режима позволит, с одной стороны, снизить искажения в соотношениях цен, усилить конкуренцию на товарных рынках и более эффективно распределять и использовать ресурсы. С другой стороны, учитывая, что акцизные налоги выступают основным инструментом протекционизма, их упразднение в краткосрочной перспективе может привести к значительным структурным издержкам. В ходе переговорного процесса по условиям присоединения Узбекистана к Договору от 2011 г. достигнута предварительная договоренность о том, что на период до конца 2020 г.[1] Узбекистан и стороны договора освобождаются от обязательств по предоставлению во взаимной торговле национального режима в соответствии со ст. III Генерального соглашения по тарифам и торговле.

Косвенные налоги в двусторонних соглашениях Узбекистана со странами СНГ

Согласно действующим двусторонним Соглашениям, заключенным Республикой Узбекистан со странами СНГ, допускается возможность устанавливать внутренние налоги в отношении импортируемой продукции по принципу предоставления «национального режима» или «режима наибольшего благоприятствования». Наряду с этим между Правительством Республики Узбекистан и Правительством Российской Федерации заключено Соглашение о принципах взимания косвенных налогов во взаимной торговле от 4 мая 2001 г. В ст. 4 указанного документа определено, что ввозимые на таможенную территорию государства одной Стороны товары, которые вывезены с таможенной территории государства другой Стороны, облагаются косвенными налогами в соответствии с ее

[1] Или до присоединения Узбекистана к Всемирной Торговой Организации, в зависимости от того, какая из этих дат наступит ранее.

национальным законодательством. Исходя из этой формулировки, право Сторон не ограничивается только самостоятельным определением размера налоговой нагрузки, но и позволяет Сторонам самостоятельно устанавливать принципы их взимания.

В-третьих, в двусторонних соглашениях о свободной торговле, заключенных Республикой Узбекистан со странами СНГ (за исключением Республики Армения, торговые отношения с которой регулируются многосторонним Соглашением о создании ЗСТ между странами СНГ от 1994 г.), обязательства по обеспечению платежей по торговым операциям не прописаны в жестком виде. В соответствии с Договором от 2011 г. (статья 13) члены ЗСТ не сохраняют действующих и не устанавливают новых ограничений на международные переводы и платежи за поставки товаров в рамках осуществления взаимной торговли товарами, кроме случаев, предусмотренных в ст. 14 Договора.[1] Выполнение этого условия требует либерализации рынка иностранной валюты, унификации обменных курсов Центрального бынка и параллельного рынка.

Международные переводы и платежи за поставки товаров в Договоре о создании ЗСТ

В соответствии со ст. 13 Договора о созданиии ЗСТ от 18 октября 2011 г. в рамках СНГ:

1. Стороны не сохраняют действующих и не устанавливают новых ограничений на международные переводы и платежи за поставки товаров в рамках осуществления взаимной торговли товарами, кроме случаев, предусмотренных статьей 14 настоящего Договора.

2. Ничто в настоящем Договоре не затрагивает прав и обязательств Сторон, вытекающих из их членства в Международном Валютном Фонде в соответствии со статьями Соглашения о Международном Валютном Фонде или положениями Специального валютного соглашения, заключаемого Сторонами в соответствии с пунктом 3 настоящей статьи.

[1] Статьей 14 «Ограничения в целях обеспечения платежного баланса» Договора определяется, что в случае серьезных нарушений равновесия платежного баланса и серьезных затруднений с внешним финансовым положением сторона Договора может устанавливать или сохранять ограничения, не противоречащие нормам Статьи XII ГАТТ-1994 и Понимания положений о платежном балансе ГАТТ 1994, на торговлю товарами с другими Сторонами путем применения мер, предусмотренных ее законодательством, приводящих к ограничению количества или стоимости товара, разрешенного к импорту, в том числе вводить ограничения на платежи и переводы в связи с осуществлением торговли товарами со Сторонами.

3. Если присоединяющееся к настоящему Договору государство не является участником статей Соглашения о Международном Валютном Фонде, то с таким государством Стороны заключают специальное валютное соглашение, устанавливающее порядок осуществления платежей в связи с осуществлением взаимной торговли товарами.

Если какая-либо Сторона выходит из Международного Валютного Фонда, отзывает или как-либо еще прекращает свои обязательства по Статье VIII Соглашения о Международном Валютном Фонде, то такая Сторона в возможно короткий срок заключает указанное специальное валютное соглашение с другими Сторонами.

Учитывая, что Республика Узбекистан не является членом ВТО, в ходе переговорного процесса по присоединению к Договору от 2011 г. достигнута предварительная договоренность, согласно которой на переходный период до 31 декабря 2020 г. Республика Узбекистан сохраняет за собой право в случае серьезных нарушений равновесия платежного баланса вводить ограничения на импорт и экспорт товаров (работ, услуг), основываясь не на правилах ВТО, а на нормах внутреннего законодательства.

Важно отметить, что действующий в Узбекистане режим обменного курса выступает сдерживающим фактором экспорта и инвестиционной активности, особенно привлечения иностранных инвестиций в перерабатывающие отрасли промышленности. Либерализация рынка иностранной валюты будет способствовать повышению доверия населения к экономической политике государства, уменьшению искажения цен, снижению уровня коррупции в экономике и более эффективному распределению и использованию ресурсов.

Либерализация рынка иностранной валюты будет способствовать повышению доверия населения к экономической политике государства.

Учитывая все это, подтверждение Узбекистаном в полном объеме своих обязательств по ст. VIII Устава Международного Валютного Фонда в процессе переговорного процесса по вступлению в ЗСТ в рамках СНГ является наиболее оптимальным решением.

В-четвертых, в соответствии с условиями подписанного Договора о зоне свободной торговли от 2011 г., для определения страны происхождения товаров, происходящих из сторон, подписавших договор и находящихся в торговом обороте между ними, стороны руководствуются Правилами определения страны происхождения товаров,

являющимися неотъемлемой частью Соглашения о правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств от 20 ноября 2009 г.

Участие Узбекистана в ЗСТ в рамках СНГ дает значительно больше выгод, чем потерь для экономики.

Оговорено также, что порядок определения страны происхождения товаров, происходящих и ввозимых на таможенные территории сторон из третьих стран и вывозимых с таможенных территорий сторон в третьи страны, регламентируется национальным законодательством сторон и международными договорами, участницами которых они являются.

Следует отметить, что Республика Узбекистан не присоединилась к Правилам от 2009 г., как и ранее не присоединилась к Правилам от 2000 г., из экономических соображений. Основная причина этого заключается в том, что, по мнению узбекистанской стороны, указанными правилами предусматривается применение неоправданно жестких критериев при определении страны происхождения товаров (по уровню добавленной стоимости, набору технологических операций, специфических требований) с целью непризнания произведенной в стране продукции как продукции собственного производства. В частности, по многим товарным группам (более 1000 товарных позиций) увеличены требования по уровню добавленной стоимости с 30 до 50%, ужесточены другие производственные и технологические операции, необходимые для придания товару статуса происхождения. Товары, не отвечающие указанным критериям, не будут признаваться произведенными в стране и, таким образом, с них будут взиматься импортные таможенные пошлины, что может негативно отразиться на условиях экспорта продукции производителей Узбекистана в страны СНГ.

Участие Узбекистана в ЗСТ в рамках СНГ дает значительно больше выгод, чем потерь для экономики страны. Более того, выполнение некоторых обязательств, взятых в связи с вступлением в ЗСТ, хотя и приведет к структурным издержкам в краткосрочном периоде, но в долгосрочной перспективе будет способствовать формированию конкурентной среды, более эффективному распределению и использованию ресурсов, росту конкурентоспособности экономики и повышению благосостояния народа.

Н. Рахматуллаева

О докладе RAMSES * «Перспективы» (аналитический обзор)

Ежегодный глобальный доклад Французского института международных отношений (IFRI) RAMSES посвящается актуальным проблемам международной политической и экономической системы и их стратегиям. Доклад RAMSES за 2016 год назван *«Климат: новый шанс?»* в связи с проведением 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (COP 21) в ноябре – декабре 2015 г. в Париже и включает в себя четыре раздела.

В первом разделе *«Перспективы»* основатель и президент IFRI Тьерри де Монбриаль проводит анализ международных событий за последние месяцы и дает прогноз в долгосрочной перспективе.

Второй раздел *«Три задачи для 2016 года»* составлен в виде тематических досье, в которых исследователи IFRI концентрируют свое внимание на трех актуальных вопросах:

может ли Конференция по климату 2015 г. стать новым стартом;

к чему приведут беспорядки на Африканском континенте: к пропасти или скачку назад;

находится ли продвижение к демократии все еще на повестке дня для стран планеты.

Третий раздел *«Мир под вопросом»* посвящен рассмотрению актуальных проблем в области миграции, безопасности и экономики. Рас-

* *Thierry de Montbrial.* Perspectives in RAMSES 2016. Climat: une nouvelle chance? – Paris, IFRI/Dunod, 2015.

Н.Рахматуллаева, *преподаватель кафедры практической дипломатии УМЭД.*

сматриваются различные аспекты конфликтов, стратегий и международных переговоров в таких регионах и странах мира, как Россия/Украина, ЕС/Греция, США, Средиземноморье, Ближний Восток, Азия и др.

Четвертый раздел доклада содержит важный документальный аппарат: статистику, хронологию, оригинальные карты, составленные для RAMSES.

В силу своего концептуального характера особого внимания заслуживает первый раздел доклада, в котором Тьерри де Монбриаль рассматривает вопрос о ***конце мирового порядка***. Автор отмечает, что многие западные исследователи международных отношений говорят о разрушении мирового порядка, возникшего в постсоветскую эру, и в качестве доказательств приводят участившиеся кризисные явления в системе ЕС. К ним относят присоединение Крыма к России, что стало первым фактом такого рода, произошедшим за последние 70 лет после Второй мировой войны, следовательно, после создания ООН; хаос на Ближнем Востоке в связи с возникновением ИГИЛ; большая стратегия Китая, которая воспринимается как вызов американскому послевоенному миропорядку.

Прежде чем перейти к обсуждению вопроса о конце мирового порядка, автор предлагает рассмотреть два термина. Первый это – ***постсоветская эра***.

По мнению автора, XX век в отличие, например, от «длинного» европейского XVII в., был «коротким» и длился с конца Первой мировой войны в 1918 г. до краха коммунистической системы в 1989-1991 гг. Если и есть характеристика этого периода, то это, очевидно, его советскость, что явилось итогом социальных и политических реалий, укоренившихся в мире в XIX в. В какой-то степени крах коммунистического режима перекликался с крахом российской автократии, но имел еще больший эффект, так как СССР был носителем якобы мессианского послания, а его развал привел к краху всей российской империи. Естественно, полагает автор, история советского периода является весьма сложной. Тем не менее можно выделить два четко разграниченных периода: *межвоенный период*, в котором проявились последствия плохо осуществленных территориальных разделений и общая экономическая разруха, и *послевоенный период* с его быстрым перерастанием в «холодную войну», которая, в свою очередь, вместе с наличием ядерного оружия привела к постепенному установлению более или менее стабильного биполярного «порядка». ООН играла при этом вспомогательную

(но значительную) роль в поддержании данного баланса. Весь этот период международное право стремительно развивалось, особенно в сфере международной торговли, но в основном оно оставалось лишь инструментом в создании и поддержании мирового биполярного порядка.

Второй термин, который требует комментария, это – ***порядок***. Автор считает, что для некоторых ученых, именуемых «реалистами» (как, например, Генри Киссинджер[1]), порядок в основном определяется несколькими державами, находящимися друг с другом в равновесии (концепция *баланса сил*) в различных масштабах. Автор настаивает на том, что международная политика, как и политика национальная, бывает локальной или региональной. Это происходит в результате того, что большинство держав заинтересованы в своем ближайшем окружении и при необходимости в более отдаленных регионах, от которых они зависят экономически (энергоресурсы или сырье) или соображениям безопасности (как Афганистан для США после 11 сентября 2001 г.). Если ставить под сомнение легитимность или реальность национальных интересов, то это приведет к серьезным последствиям. Порядок разрушается, когда одна из держав или коалиция держав перестает соблюдать правила баланса сил или когда основы равновесия нарушены усилением или, напротив, ослаблением того или иного политического актора. Естественно, первый случай часто исходит из второго. В качестве примеров автор указывает на усиление Пруссии в XIX в. и его последствия для европейского равновесия, или причины, которые побудили Саддама Хуссейна к вторжению в Кувейт в 1990 г.

Далее автор отмечает, что против «реалистов» выступают сторонники международного права, часто пренебрежительно называемые «идеалистами». С их точки зрения, порядок является синонимом соблюдения международного права и норм коллективной безопасности как в политическом и военном, так и в экономическом плане. Слабое место данной концепции связано с понятием эффективности права. Опыт показал, насколько может быть трудным, в том числе и в развитых демократиях, обеспечение соблюдения права внутри государства, несмотря на то, что государство располагает правом применения насилия. Даже в такой стране, как современная Франция, увеличиваются «зоны вне права», что является одним из негативных последствий глобализации. Что касается меж-

[1] *Kissinger H.* World Order. – London: Penguin Books, 2015.

дународного права, то его соблюдают лишь те, кто видит в нем свои интересы, или те, кто не может поступить иначе по отношению к силе. Суданский президент Омар аль-Башир, отправляясь в ЮАР в июне 2015 г. несмотря на ордер Международного уголовного суда на его арест, знал, что ничем не рискует. И это лишь один пример. Для современных держав, начиная с самых больших, международное право продолжает оставаться лишь инструментом, как и во времена «холодной войны». Однако констатация данного факта ни в коем случае не подразумевает отказа от развития международного права.

Таким образом, разъяснив используемые термины, автор возвращается к вопросу: находится ли на грани исчезновения постсоветский мировой порядок. По мнению автора, ответ очевиден: такой миропорядок никогда не существовал. Вместо термина «миропорядок» автор предлагает использовать термин «международная система», так как он является более корректным в силу того, что не предполагает баланса сил. По мнению автора, можно выделить четыре критерия, характеризующие международную систему: многополярность, гетерогенность, глобальность и сложность.

1. Многополярность подразумевает увеличение числа держав, которые способны значительно повлиять на порядок или беспорядок, следовательно, на структурную стабильность международной системы. В концептуальном плане уравновешенная многополярная система может послужить основанием для нового порядка, но этого не произошло, как показали события 1991 г. С идеологической платформы так много говорилось об «однополярном моменте» после распада Советского Союза.

2. Автор считает, что обращение к гетерогенности, которая уже была присуща концу XX и началу XIX в., стало неизбежным. В таком мире, какой он есть, а не в таком, как его представляют себе западные страны, идеологическое разнообразие имеет все шансы на устойчивость. Было бы серьезной ошибкой считать, например, что в более или менее краткосрочной перспективе «азиатские ценности» обречены на забвение по отношению к западному светскому индивидуализму с претензией на универсальность, или, например, что скрытые мотивы политического исламизма лишены какой-либо устойчивой базы, как полагали многие западные деятели и исследователи по отношению к событиям на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. или как были убеждены теоретики «Большого Ближнего Востока» на службе у Дж.Буша в 2003 г.

3. Глобальность, т.е. все большая и большая прямая взаимозависимость стран мира, является результатом последовательных волн технологического прогресса.

4. Сложность, будучи источником «эффекта бабочки», является результатом нелинейности данной взаимозависимости, т.е. непропорциональности причин и следствий в различных экономических (схлопывание финансовых «пузырей») или политических («арабская весна») явлениях.

Автор полагает, что для того, чтобы возник новый миропорядок после распада СССР, нужен был ясный список «полюсов» и правил игры. Это позволило бы сохранить структурную стабильность всей международной системы, которая легла бы в основу нового мирового порядка. Но этого не произошло: международная система характеризовалась полным отсутствием баланса сил и имела мало шансов на существование. Фактически поиски невозможного миропорядка вырвались наружу в связи с финансовым кризисом 2007-2008 гг., затем в связи с «арабской весной» 2010-2011 гг. В результате этих знаменательных событий мир погрузился в беспорядок, о котором можно лишь сказать, что он более определен по сравнению с предыдущим порядком. Таким образом, подчеркивает автор, как ни парадоксально, мы можем говорить о прогрессе, так как лучшее понимание беспорядка открывает новые пути ранее невозможному сотрудничеству.

Необходимость «минимального» миропорядка. Автор считает, что когда Папа Франциск говорит о начале своего рода третьей мировой войны, он не может подразумевать ситуации, сравнимые с ситуациями двух больших войн XX в., где державы набросились друг на друга, провоцируя самые разрушительные и кровавые столкновения в истории человечества. Но выражение имеет смысл, если принять во внимание революционную войну низкой интенсивности, несомненно, длительную, охватывающую весь мир, с эпизодическими вспышками. По мнению автора, речь не идет о войне цивилизаций, так как это не мусульманский мир в своей целостности восстал против остальной три четверти человечества. Опасность таится в том, что активное меньшинство оказывается в нестабильном окружении, которым оно иногда локально манипулирует, где часто временно создает беспорядки. Если данный диагноз правильный, тогда в долгосрочной перспективе адекватным ответом станет сеть альянсов между легитимными державами на различных уровнях. Под такими державами автор подразумевает государства, где режимы получают поддержку большинства населения.

На высшем уровне фигурируют пять постоянных членов Совета Безопасности ООН (P5): США, Китай, Россия, Франция и Великобритания. Часто к ним относят и Германию. Четыре из них являются либеральными демократиями и два имеют авторитарные режимы. В России власть Путина усилилась благодаря украинскому кризису; в Китае председатель Си Цзиньпин ведет беспощадную и рискованную борьбу в целях укрепления своей власти, так как, по его мнению, Китай должен иметь сильную власть, чтобы противостоять возникающим экономическим и социальным трудностям. Но все члены P5 являются легитимными, хотя это не нравится западным интеллектуалам, для которых достойными внимания единственными голосами за границей являются голоса диссидентов, считает автор.

Автор задается вопросом о том, смогут ли члены P5 (или P5 + 1 с Германией) сформировать новый мировой порядок. На первый взгляд, ответ является отрицательным. В соответствии со своей историей США и Франция не отказываются от прозелитизма, и, следовательно, от борьбы за привнесение Просвещения в остальную часть мира, продолжают провоцировать не всегда нелегитимные режимы и подвергать себя риску дестабилизирующих последствий. Россия вызвала шквал негодования, нарушив табу в границах Грузии и Украины. Большая стратегия Китая охватывает близлежащие моря и растягивается до «Шелковых путей», которые понимаются широко. Тем не менее ни одна из этих держав не хочет брать на себя ответственность за структурную дестабилизацию международной системы в целом. Американцы поняли риски смены режима и французы в целом понимают, насколько можно далеко зайти. По мнению автора, современная Россия не является реваншистским и империалистическим государством, как ее оценивает большинство западных обозревателей, и не предпримет другие авантюры, если ее на это не спровоцируют, в частности НАТО. Что касается Китая, то он, сообразно со своей многотысячелетней культурой, будет стараться модифицировать существующие равновесия легкими прикосновениями, используя слабости и ошибки своих противников или просто конкурентов и избегая прямой конфронтации.

По словам автора, если данный анализ верен – что должно постоянно проверяться, так как он частично основывается на идее, что некоторое равновесие уже существует между членами P5 (примером может служить политика сдерживания США по отношению к Китаю), – то для эффективной борьбы против международного терроризма существует база внутри P5 (была упомянута Германия,

но также сюда следовало бы добавить и Японию, Индию и другие средние державы). То же самое можно констатировать и на других уровнях, например, по отношению к силам, присутствующим на Ближнем Востоке. Вся трудность состоит в мобилизации латентных возможностей сотрудничества. США могли бы играть эту роль, но из-за авантюрной политики своего предшественника президент Обама предпочел уделять внимание важным, но частным делам, таким как восстановление дипломатических отношений с Кубой или достижение соглашения с Ираном. Он не смог, например, провести стратегический диалог с Путиным, что помогло бы избежать украинского кризиса. Главный враг мирового порядка – отсутствие лидерства, считает автор.

В заключении автор утверждает, что поиск мирового порядка необходим для победы в борьбе против новой революции. Кроме того, данный порядок еще более необходим для решения таких крупных проблем, как глобальное потепление и распространение пандемий. В каком бы ракурсе ни виделось будущее, надо поднять вопрос о новом мировом порядке, эффективном и, следовательно, неконфронтационном в плане идеологии.

Ш. Шарифходжаев

Новая книга:

И.Р. МАВЛАНОВ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Аспект Пресс», 2016.

В издательстве «Аспект Пресс» вышло в свет новое учебное пособие «Экономическая дипломатия», подготовленное заведующим кафедрой «Международная торговля и инвестиции» Университета мировой экономики и дипломатии, доктором экономических наук И.Р. Мавлановым. Под этим же названием 9 лет назад появилось двухтомное издание[1], где использована та же система изложения материалов. За это время учебник был востребован и оценен в вузах Республики Узбекистан[2].

В новом учебном пособии обобщены новейшие исследования проблем современной экономической дипломатии, систематизирована научно-исследовательская и педагогическая практика ведения данной дисциплины в УМЭД в 2005/2016 учебных годах. В пособии учтены и последние научные и учебные публикации автора в области экономической дипломатии.[3]

[1] *Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия: Учебник. В 2-х т. – Ташкент: УМЭД, ПРООН, 2007–2008.

[2] Одобрен Министерством высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан. Свидетельство №192-25 от 11.05.2011 г.

[3] *Мавланов И.* Экономическая дипломатия и безопасность. Курс лекций. – Ташкент: УМЭД, 2010; Мавланов И. Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка. – Ташкент: УМЭД, 2010; *Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия арабо-мусульманских стран: некоторые тенденции развития // Арабо-мусульманские страны в современных международных отношениях и во внешней политике Республики Узбекистан: Учебное пособие. – Ташкент: УМЭД, 2009; *Мавланов И.Р.*

Ш. Шарифходжаев, *заведующий кафедрой международной экономики и международных экономических отношений УМЭД, доктор экономических наук.*

Как пишет автор, выход новой книги был продиктован тем, что в международных экономических отношениях произошли масштабные изменения, особое значение приобрело вступление мирового сообщества в стадию опережающего развития новейших информационных технологий, переход многих стран к инновационному этапу экономического роста. Возникли новые явления и понятия, претерпели изменения старые, произошли существенные сдвиги в направлениях, формах и механизмах экономической дипломатии и интеграции стран в мировое экономическое сообщество. Именно поэтому автор систематически обновляет содержание, ведь направление экономической дипломатии приобретает все большее значение в развитии национальной экономики и повышении уровня благосостояния населения во всех странах.

В новом издании более компактно и комплексно рассматриваются важнейшие теоретические и практические аспекты экономической дипломатии, призванной реализовывать внешнеэкономическую политику государства и развивать международные экономические отношения. Автор подчеркивает, что дипломатические преимущества государства на международной арене складываются из сочетания возможностей двусторонней, многосторонней и региональной экономической дипломатии в таких направлениях деятельности, как развитие торговли, привлечение инвестиций, содействие техническому прогрессу и др.

Автор рассматривает, обобщает и систематизирует этапы становления, основные направления, особенности и тенденции развития современной двусторонней, многосторонней и региональной экономической дипломатии, выявляет ее характерные черты, формы и возможности на многостороннем, региональном и двустороннем уровнях, дает анализ их концепций и моделей, а также информирует о современных институтах и механизмах экономической дипломатии в нашей стране и за рубежом.

Особое внимание уделяет автор источникам преимуществ каждого из направлений экономической дипломатии, анализируя достижения, а также вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются наши дипломаты в условиях глобализации и трансформации международного порядка. Подчеркивается тот факт, что самая прочная позиция

Экономическая дипломатия. Методическое пособие по проведению практических занятий. – Ташкент: УМЭД, 2013; *Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия для развития национального потенциала. Методологическое пособие по подготовке и проведению тренингов. – Ташкент: УМЭД, ПРООН, 2015; *Мавланов И.Р.* Практическое информационно-ориентационное пособие по экономической дипломатии. – Ташкент: ИА «Жахон», 2016.

страны на мировой арене, как правило, складывается в виде результата положительных факторов двусторонней, многосторонней и региональной экономической дипломатии по многим направлениям деятельности – в развитии торговли, привлечении инвестиций, содействии развитию и др.

Автор рассуждает о том, как государства реализуют внешнюю экономическую политику и стратегию на практике, как государства могут добиться преимуществ на мировой арене и сделаться экономически устойчивыми, используя средства дипломатии.

Анализ материалов, собранных автором, позволил ему прийти к выводу, что дипломаты и их экономическая сторона деятельности имеют существенные возможности для воздействия не только на отрасль или компанию в вопросах позиционирования на мировом рынке, но и эффективного продвижения и отстаивания на нем национальных экономических интересов.

Пособие написано с учетом многочисленных научных исследований в стране и за рубежом, а также на основе собственного педагогического и дипломатического опыта автора. Большинство материалов было использовано во время лекций и семинаров в Университете мировой экономики и дипломатии, начиная с 2005 г.

Пособие может быть рекомендовано не только в качестве учебного для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, обучающихся по направлениям и специальностям «Международные экономические отношения», «Международные отношения», «Международное экономическое право», оно также может быть полезно экономистам-международникам, специалистам-практикам и ученым, которые занимаются внешнеэкономической деятельностью, работают над стратегией применения современных дипломатических методов, моделей или концепций при реализации национальных экономических интересов Республики Узбекистан на двустороннем, региональном или глобальном уровнях.

МЕТОДИК КАБИНЕТ

ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар(докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар

*«Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илгор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг «****илмий аппарати****» тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишларни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шакллантирилади.

Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:

- *тадқиқотнинг **стратегик йўналишлари** (мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*
- ***технологик операциялар** - тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*
- ***аналитик операциялар** - тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.

Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:

1 Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.

2 Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.

3 Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.

4 Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.

5 Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.

6 Иқтибослар мақоланинг охирида берилади (аввал манбалар, кейин адабиётлар); уни алфавит бўйича эмас, матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.

7 Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.

8 Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.

*9 Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида **http://uwed.uz/ru/applicant-article** адреси бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

*Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни **Таҳрир ҳайъати** қабул қилади.*

МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар/Международные отношения» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, не точно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая это обстоятельство, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться различная информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

Основные критерии к уровню научных статьей, принимаемых к публикации в журнале «Халаро муносабатлар/Международные отношения»

Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, отражающие фундаментальные проблемы истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы места и роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.

Научный аппарат *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе чтения литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде: -* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели; -* ***технологические операции****: объект исследования, предмет исследования, гипоте-*

*за исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы исследования; - **аналитические операции:** научная новизна исследования, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.*

К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:

1 Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2 Организация (название полностью).
3 Должность.
4 Ученое звание.
5 Ученая степень.
6 Адрес (с индексом).
7 E-mail, факс, телефон.

Требования к содержанию статьи:

- *актуальность с научной и практической точки зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

Рукописи, сдаваемые в редакцию, должны соответствовать следующим стандартным требованиям:

– рукописный вариант статьи необходимо готовить по версии Word 2003 года;

– шрифты - Times New Roman, размер шрифта - 14 (кегль);

междустрочный интервал - 1,5;

– структура статьи: аннотация (не более 2-3 абзацев), введение, основная часть, заключение, библиография.

– диаграммы, рисунки, таблицы даются только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;

– сноски концевые (сначала источники, потом использованная литература); сноски фиксируются по порядку их указания в статье, а не по алфавиту;

– объем текста статьи не более 15 стр.

*Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу **http://uwed.uz/ru/applicant-article**. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

*Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает **редакционная коллегия**.*